

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

А.А. Брагин, И.С. Максимов

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ:
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ**

Научно-практическое пособие

Белгород – 2008

ББК 88.53
Б 87

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
БелЮИ МВД России

Брагин, А. А. Регулирование этнических конфликтов: предупреждение и разрешение : научно-практическое пособие / *А.А. Брагин, И.С. Максимов.* – Белгород : ООНИ и РИД Белгородского юридического института МВД России, 2008. - 100 с.

Рецензенты:

Протасов Ю.С. - начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, кандидат исторических наук, доцент;

Надуткина И.Э. - доцент Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук.

В научно-практическом пособии рассматриваются этнические конфликты как объект регулирования, факторы этнических конфликтов и правила упреждающего регулирования, способы разрешения этнических конфликтов.

Предназначено сотрудникам ОВД, адъюнктам, аспирантам, курсантам и слушателям высших учебных заведений МВД России.

© ООНИ и РИД БелЮИ
МВД России, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	10
РАЗДЕЛ 2. ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ПРАВИЛА УПРЕЖДАЮЩЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	34
РАЗДЕЛ 3. СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	89
ЛИТЕРАТУРА.....	90

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1960-х гг., человечество открывает для себя новый социальный феномен - этническое возрождение или этнический парадокс современности. Сущность этого явления заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернациональности экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности.

Само по себе этническое возрождение не является этническим конфликтом, однако обладает мощным конфликтогенным потенциалом. Грань, отделяющая этнический патриотизм от национализма, очень размыта и подвижна. Небольшое изменение акцентов позволяет зачастую незаметно преодолеть эту грань и вызревает благоприятная для конфликта интеллектуальная и духовная среда.

В современном мире насчитывается около двухсот государств и от 2-х до 5-ти тысяч (в зависимости от методик подсчета) этносов. Большинство государств, независимо от их конституционного оформления, являются полиэтническими и обладают высокой степенью централизации. Если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, то создаются почти идеальные условия для дестабилизации полиэтнических государств и возникновения конфликтов.

Очаги острейших этнических конфликтов представляют собой многие страны постсоциалистического мира. В некоторых из них начались открытые вооруженные столкновения на этнической почве, в других обострилась проблема этнических меньшинств.

Крах социалистической системы и переход к экономике рыночного типа сопровождался распадом Югославии, СССР, Чехословакии. В бывшем СССР дезинтеграционные сепаратистские процессы охватили «нижние этажи» государственности, породили территориальные претензии, потоки беженцев и переселенцев.

Децентрализация и развитие рынка в России усугубляют социально-экономические диспропорции между «русскими» и «национальными» субъектами Федерации. Поляризация на бедные и богатые регионы имеет негативные последствия. «Уже сейчас в республиках РФ раскручивается этноклановая борьба за сферы власти и управления, практикуется протекционизм по национальному признаку при приеме на работу, все более основательно укореняется этническая безработица... Нынешние «зоны тотального недовольства» в многонациональных регионах - существенный геополитический просчет Российского государства»¹.

¹ Степанов, В. В. Особенности экономики этнопроблемных регионов / В. В. Степанов // Социологические исследования. - 2000. - № 2. - С.69.

В течение двух последних десятилетий, на территории бывшего СССР зафиксировано 6 региональных войн - вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, приднестровский и чеченский конфликты), около 20 кратковременных вооруженных столкновений, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения (наиболее значительные из них - ферганский, ошский, осетино-ингушский конфликты, а также бакинский и сумгаитский погромы), более 100 невооруженных конфликтов, имеющих признаки межгосударственной, этнической, межконфессиональной или межклановой конфронтации. Только в районах, непосредственно затронутых региональными войнами, вспышками этнических столкновений и погромов, проживало не менее 10 миллионов человек¹. Численность убитых в этнополитических и региональных конфликтах в постсоветском пространстве составляет около 100 тысяч человек. Численность раненых, искалеченных приближается к полумиллиону.

Кроме прямых потерь, следует помнить о косвенных - умерших от ран военнослужащих и мирных жителях, повышенной смертности населения (особенно вынужденных эмигрантов) в связи с невозможностью своевременного получения качественной медицинской помощи и т.д. В результате вооруженных конфликтов на постсоветской территории возникли значительные потоки беженцев, вынужденных переселенцев и перемещенных лиц.

Массовые перемещения людей, спасавшихся бегством от тягот войны и этнических чисток, кардинально изменили этнический состав ряда территорий, серьезно осложнили ситуацию на рынке труда, жилищную проблему, эпидемиологическую обстановку в местах их массовой концентрации. Этнические конфликты приводят к изменению демографического поведения населения. Чувство неуверенности в ближайшем будущем, которое испытывает население в зонах конфликтов, способствует отсрочке браков, отказу от рождения или откладыванию появления детей, разрыву или ослаблению семейных связей, все это сказывается на снижении показателей рождаемости и брачности.

Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения национальными конфликтами, обнаруживающаяся во всех социологических опросах. Именно в этих конфликтах не без оснований видят одну из самых больших угроз сохранения России.

При этом выяснилось, что суверенизация и провозглашение полной национальной независимости бывших советских республик не привели к решению национальных конфликтов, возникших еще в период существования Союза. Россия, имея внутри себя регионы национальной напряженности и конфликтности, оказалась окруженной почти по всему периметру старыми и новыми конфликтными зонами.

¹ См.: Мукомель, В. Н. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ / В. Н. Мукомель // Социологические исследования. - 2004. - №6. - С.66.

Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в современной России побуждает к разработке эффективных механизмов и технологий их регулирования.

Истоки исследования проблемы конфликта восходят к глубокой древности, однако только в середине XX в. в социологии оформилось направление, которое всесторонне и глубоко исследует проблему социальных конфликтов. Наиболее известными представителями этого направления являются Р. Дарендорф, Л. Козер, К.Э. Боулдинг и др.

Р. Дарендорф создал теорию конфликтной модели общества, исходя из того, что любое общество постоянно подвержено социальным изменениям и вследствие этого испытывает социальный конфликт каждый момент¹. Л. Козер обосновывает свою теорию позитивно-функционального конфликта, согласно которой конфликты могут нести в себе позитивный потенциал, способствуют развитию общества². Общая теория конфликта разработана также К.Э. Боулдингом³.

В целом зарубежные социологи далеко продвинулись в изучении социальных конфликтов. В исследованиях же отечественных ученых, прежде всего подчеркивалась материально-экономическая и классовая природа конфликта. И поскольку считалось, что в социалистическом обществе отсутствуют антагонистические классы, значит, отсутствуют и конфликты. Поэтому научные исследования по этой проблеме почти не велись.

В последнее десятилетие эта тема стала активно освещаться в статьях, публикуемых в журналах «Конфликты и консенсус», «Социологические исследования» и др. Появились монографические исследования, проводятся круглые столы, посвященные проблеме социальных конфликтов в условиях переходного периода.

Сравнительно позже начала развиваться этноконфликтология как отрасль обществоведения с самостоятельным предметом изучения. Этнический конфликт привлек внимание ученых уже после того, как были исследованы классовые, трудовые и межгосударственные конфликты.

Проблема запоздалого становления дисциплины во многом кроется в специфике предмета изучения. Конкретные условия протекания конфликтов существенно различаются даже в одном и том же (не говоря о разных) регионе. Поэтому в работах по этноконфликтологии большое место обычно занимает анализ конкретных конфликтных ситуаций с исследованием специфических причин, факторов, условий и механизмов конфликта.

Методологические основы исследования этнических конфликтов раскрываются в фундаментальных исследованиях по проблемам этносов и этнического

¹ См.: Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. - 1994. - № 5. - С.115-127.

² См.: Coser, L. The Functions of Social Conflict. - N-Y. 1956.

³ См.: Boulding, K. The Meaning of the Twentieth Century. The Great Transition. - N-Y., 1965.

развития (труды Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, М.С. Джунусова, А.Г. Здравомыслова и др.)¹.

Этносы и этнические процессы привлекают внимание исследователей из разных наук. Социологические исследования концентрируются вокруг успешно развивающейся отрасли знания - этносоциологии, которая представлена прежде всего публикациями Ю.В. Арутюняна, Т.Ю. Бурмистровой, Л.М. Дробижевой, М.О. Мнацаканяна, А.А. Сусоколова, З.В. Сикевиич².

Достаточно обширна литература, в которой раскрываются природа и многообразие этнических процессов в современном мире. Представляют интерес исследования, раскрывающие отдельные аспекты (стороны) этнических процессов и межэтнических отношений:

- цивилизационный (Я.Г. Шемякин);
- культурно-исторический (В.С. Полянский, З.В. Сикевиич);
- демографический (М.Н. Руткевич, Ж.Т. Тощенко, А.В. Топилин);
- экономический (Р.И. Ирназаров, В.В. Степанов);
- политический (Е.Н. Селезнева, А.М. Юсуповский);
- государственно-правовой (Р. Абдулатипов, М.С. Джунусов, М.В. Дьячков, А.Ю. Шадже);
- социокультурный (Т.В. Кузнецова, С.В. Лурье, Э.И. Скакунов);
- социоэкологический (П.К. Гречко, В.М. Димов и В.Н. Паутов);
- социально-статусный (Ю.В. Арутюнян).

¹ См.: Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. - М. : Наука, 1983; его же. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. - М. : Наука, 1988; его же. Основные разновидности национальных общностей (понятийно-терминологические аспекты) // Социально-политический журнал. - 1990. - №1; Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. - М. : Наука, 1989; его же. География этноса в исторический период. - М. : Наука, 1990; Гумилев, Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилев, К. Н. Иванов // Социологические науки. - 1992. - №1; Здравомыслов, А. Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. - М., 2003.

² См.: Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и др. - М. : Наука, 1994; Арутюнян, Ю. В. Этносоциология : учебное пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. - М. : Аспект пресс, 2004; Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: пройденное и новые горизонты / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева // Социологич. исследования. - 2000. - №4; Бурмистрова, Т. Ю. Социология национальных отношений / Т. Ю. Бурмистрова // Социологические исследования. - 1994. - №5; Мнацаканян, М. О. Этносоциология: науки, национальная психология и межнациональные конфликты / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2003. - № 3; Русские: этносоциологические очерки /под ред. Ю. В. Арутюняна. - М. : Наука, 1992; Сикевиич, З. В. Социология и психология национальных отношений : учебное пособие / З. В. Сикевиич. – СПб. : изд-во Михайлова В.А., 2004.

Анализу состояния и тенденций изменения международных отношений в современной России посвящены работы В.В. Аклаевой, В.В. Коротеевой, А.Л. Андреева, Ю.В. Арутюняна, О.В. Борисовой, Н.Н. Гасанова, К.Я. Зачесова, Иванова В.Н., Матвеевой С.Л., М.Н. Руткевича, Г.Т. Тавадова, Л.С. Рубина¹.

Нарастает количество публикаций, в которых анализируется и оценивается этническая ситуация в странах СНГ (труды М.М. Аренова и С.К. Калмыкова, Ю.В. Арутюняна, С.В. Вострикова, Р.Г. Гачечиладзе, В.Г. Городяненко, А.А. Ильхамова, Ю. Новака, А.Д. Шутова и др.), а также в отдельных республиках и регионах Российской Федерации (труды З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной, Е.А. Бондаренко, Т.З. Винокурова, Г.Г. Вормсбехер, И.А. Задворнова, В.Н. Иванова, Е.В. Крицкого, С. Лезова, Л.С. Рубина, Э.И. Скакунова и др. исследователей). Не обойдены вниманием этнические проблемы и в странах дальнего зарубежья (работы З. Изаковича, С.А. Романенко, А.А. Улуныяна, Ф.И. Фрейдзона и др.).

Значителен объем источников, рассматривающих проблемы малых народов Севера и Сибири (труды А.Н. Аверина, Г.П. Арутюниной, В.Г. Бабакова, Н.К. Бобрикова, Л.П. Ботаковой, Ф.С. Донского, А.А. Дрегалю, С.П. Елина, П.Х. Зайдфудима, В.А. Князева, В.А. Курамина, В.Т. Манчука, М.Ю. Мартынова, А.А. Назарова, Ю.Д. Петрова, Р.В. Рывкиной, П.И. Сидорова, В.И. Ульяновского и др. исследователей).

Особое внимание исследователей привлекают положение русских в бывших республиках СССР (публикации А.А. Быкова, А.И. Галагана, Н.Н. Гасанова, К.И. Исаева и Г.Л. Горборукова, И.Я. Левяша), отношение к евреям (работы В.П. Бабинцева, Д.Д. Гудкова и А.Г. Левинсона, Р.В. Рывкиной). Активно исследуется такой феномен как этническая диаспора (работы М.А. Асвацатуровой и Д. Тепс, Г.С. Витковской, Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, А.М. Халмухамедова). Следует особо выделить работы, в которых исследуются межэтнические конфликты в постсоветском пространстве (публикации В.А. Авксентьева, В.Г. Бабакова, Н.В. Матюниной и В.М. Семенова, З. Видоевич и З.Т. Голенковой, А.В. Дмитриева, Д.Т. Жовтуна, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Иванова, А.А. Мацнева, М.О. Мнацаканяна, В.С. Семенова и др.), их источники (работы

¹ См.: Аклаева, В. В. Демократизация и образ национализма в Российской Федерации / В. В. Аклаева, В. В. Коротеева // Полис. - 1998. - №2; Арутюнян, Ю. В. О национальных отношениях в постсоветском обществе: межличностный аспект / Арутюнян Ю. В. // Социологические исследования. - 2004. - №4; Борисова, О. В. Политическая социализация этнических групп в постсоветском пространстве / О. В. Борисова // Общественные науки и современность. - 2004. - №1; Гасанов, Н. Н. О приоритетах в современных национальных отношениях / Н. Н. Гасанов, К. Я. Зачесов // Социально-политический журнал. - 1990. - №9; Иванов, В. Н. Межнациональные отношения в России / В. Н. Иванов // Социологические исследования. - 1994. - №6; Иванов, В. Н. и др. Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации / В. Н. Иванов // Социологич. исследования. - 2005. - №6; Иванов, В. Н., Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации / В. Н. Иванов, И. В. Ладодо, М. М. Назаров // Социально-политический журнал. - 1996. - №3; Матвеева, С. Л. Национальные проблемы в России: современные дискуссии / С. Л. Матвеева // Общественные науки и современность. - 2003. - №1; Рубин, Л. С. Межнациональные отношения и межрегиональные противоречия (региональный аспект) / Л. С. Рубин // Социологические исследования. - 1994. - №4; Руткевич, М. Н. Обострение национальных отношений в СССР / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. - 1991. - №1; Тавадов, Г. Т. Современная этнополитическая ситуация в России / Г. Т. Тавадов // Социально-политический журнал. - 1994. - №11-12.

Е.Г. Баранова, С. Лезова, Р.В. Рывкиной, В.И. Сперанского), негативные последствия (публикации В.А. Мукомеля).

Нынешние условия и проблемы этнического развития вызывают необходимость обновления государственной национальной политики. Этот важный вопрос рассматривается в коллективной монографии «Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения»¹.

В последние годы проведено немало исследований по вопросам урегулирования и разрешения конфликтов, в частности, этнических конфликтов. В их числе работы В.Н. Андреева, Н.С. Данакина, М. Дойча, Л.Я. Дятченко, Л. Крисберга, Х. Корнелиуса и Ш. Фейра, Р. Фишера, В.И. Сперанского, У. Юри².

Говоря об этнических конфликтах, нельзя не упомянуть обширную зарубежную литературу (публикации Л. Берга, Д. Горовица, А. Ричмонда, Л. Снайдера, Б. Шейфера, Г. Элмера и других исследователей)³.

¹ См.: Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения. - М., 2005.

² См.: *Андреев, В. Н.* Конфликтология (Искусство спора, ведение переговоров, разрешение конфликтов) / В. Н. Андреев. - М. : Нар. образование, 2005; *Данакин Н. С.* Технологии сотрудничества и противоборства / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко. – Белгород : Центр социальных технологий, 1993; *Данакин, Н. С.* Конфликты и технологии их предупреждения / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. И. Сперанский. – Белгород : Центр социальных технологий, 1996; *Корнелиус, Х.* Выиграть может каждый. Как разрешить конфликты / Х. Корнелиус, Ш. Фейр. - М. : А.О. Стрингер, 1992; *Фишер, Р.* Путь к согласию или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. - М. : Наука, 1992; *Дойч, М.* Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы / М. Дойч // Социально-политический журнал. - 2003. - №1; *Крисберг, Л.* Мирозидание, мирозохранение и разрешение конфликтов / Л. Крисберг // Социологические исследования. - 1990. - №11.

³ См.: Burg S.L. The Soviet Unions Nationalities Question // Current History, 1988. October; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985; Richmond A. The Colour Problem. London, 1991; Snyder L. Varieties of Nationalism. A Comparative Study. N-Y, 1976; Shafer B. Facets of Nationalism. N-Y, 1972; Elmer A. Ethnic Conflict Abroad: Clues to Americas Future? Monterrey, VA, 1968.

РАЗДЕЛ 1. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению этнических конфликтов как объекта регулирования, определим понятия «конфликт», «этнос» и «этнический конфликт».

Большинство социологов склонны считать, что существование общества без конфликтов невозможно, ибо конфликт является неотъемлемой частью бытия людей, источником происходящих в обществе изменений. «Социальные действия, имеющие целью создание материальных и духовных ценностей, их обмен и распределение, неизбежно ведут к напряженности между социальными группами, а при определенных условиях - к открытому конфликту»¹.

Таковыми условиями оказываются противоречия социальных интересов, поэтому не удивительно то, что основоположники теории социального конфликта (К. Маркс, М. Вебер, Р. Дарендорф, Р. Мертон, Л. Козер) непременно связывают его с социальными противоречиями, т.е. такими взаимодействиями сторон, когда они одновременно и полагают, и отрицают друг друга. «Лишь доведенные до крайней степени противоречия, - писал Гегель, - многообразные (моменты) становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности»².

Поскольку специфика этнического конфликта определяется участвующими в нем субъектами - этносами, то обратимся к понятию «этнос», характеристике этнических групп.

Исследование этнических групп в отечественной науке проходило непросто и даже драматически. Первые важные исследования в этой области, связанные с именами С.М. Широкогорова и Н.Я. Марра, были сведены на нет в конце 20-х годов, когда понятие «этнос» объявили категорией буржуазной науки, а предметом этнографии стали считаться социально-экономические формации в их конкретных вариантах.

Двадцать лет спустя в некоторых работах советских авторов прозвучали не очень определенные пожелания все-таки ответить на вопрос, что же представляет собой так называемый этнос. Сама постановка вопроса казалась тогда едва ли не еретической: признанный глава советской этнографической школы тех лет С.П. Толстов в своих исследованиях последовательно и решительно избегал употребления понятия «этнос». По-настоящему теоретические проблемы этноса начали разрабатываться лишь с середины 60-х годов С.А.Токаревым, Н.Н. Чебоксаровым, В.И. Козловым. Особое значение в этом отношении имели работы Ю.В. Бромлея, в которых автор пытался наполнить широкогородовский термин теория «этноса» конкретным содержанием.

¹ Дмитриев, А. В. Конфликт интересов / А. В. Дмитриев // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. - С. 184-186.

² Гегель, Г. Наука логики : в 3-х т. Т. 2 / Г. Гегель. - М. : Мысль, 1971. - С. 68.

В 1988 году на страницах ежегодника «Расы и народы» прошла широкая дискуссия по вопросу о природе этноса и его исторических типах. Дискуссия показала, что среди теоретиков этнографической науки существует большой разброс мнений относительно методологии и критериев построения классификации этносов¹.

В начале 90-х годов среди самих этнографов раздалось голоса о несостоятельности многих теоретических постулатов, сложившихся в советское время в народоведении. Появились скептические мнения о возможности в рамках традиционной этнографии дать всеобъемлющую типологию и систематику этносов. А некоторые из этнологов-теоретиков вообще стали отрицать существование этноса как реального субъекта истории. Так, один из ведущих современных теоретиков В.А. Тишков отмечает, что «этносы, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода «идеальный тип», используемый для систематизации конкретного материала... В действительности же есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных элементов общества и культуры», сочетание которых различные авторы могут представлять по-разному².

В отношении исследования этноса становятся все более очевидными в настоящее время две тенденции.

Первая тенденция выражается в устойчивом интересе исследователей к этнической проблематике. И этот интерес вполне объясним. Мир, в котором мы живем, полиэтничен: из 180 государств, существующих сегодня, лишь 20 считаются этнически гомогенными (этнические меньшинства составляют в них менее пяти процентов населения). Понятие «этничность» твердо закрепились в категориальном аппарате современной социально-гуманитарной науки.

Вторая тенденция проявляется в увеличивающихся расхождениях среди ученых в самом понимании этничности, в расходящихся направлениях исследований. И это связано не только с предметной определенностью той или иной науки, занимающейся этой проблемой, но и с теоретико-методологическими различиями в исследовательских подходах.

Пытаясь определиться с этими теоретико-методологическими различиями, Н.Г. Скворцов сводит их к двум концептуальным схемам объяснения этничности - «объективной» (объективистской), с одной стороны, и «субъективной» (субъективистской), с другой. «Первая основывается на представлениях о независимой от субъекта объективной природе реальности и настаивает на приоритетном исследовании социальных структур и институтов; вторая руководствуется принципом методологического индивидуализма, рассматривая субъект как исходную точку социологического познания и уделяя основное внимание раскрытию социального действия»³.

¹ См.: Бабаков, Б. Г. Кризисные этносы / Б. Г. Бабаков. - М. : ИФ РАН. 1993. - С.22.

² См.: Тишков, В. А. Советская этнография: преодоление кризиса / В. А. Тишков // Этногр. обозрение. - 1992. - № 12. - С.24.

³ Скворцов, Н. Г. Этничность: социологическая перспектива / Н. Г. Скворцов // Социологические исследования. - 2004. - №1. - С.23.

Среди наиболее весомых и влиятельных доктрин, представляющих эти противоположные ориентации, он выделяет и рассматривает неомарксизм и теории ресурсной конкуренции в качестве концепций «объективной» социологии, а также символический интеракционизм и теории «рационального выбора» в качестве «субъективной» социологии.

Основная методологическая особенность неомарксизма, связанного с именами О. Кокса, М. Райха, Р. Майлса, заключается в подчеркивании обусловленности характера и динамики этнических, расовых отношений совокупностью экономических факторов, а также в признании этнического и расового конфликта формой выражения более глубокого - классового - конфликта. Так, например, О. Кокс в своем, ставшем классическим, труде¹ показал, что расизм в ранге особой идеологии собственно был порожден развитием европейского капитализма в период его колониальной экспансии и обусловлен экономическими причинами: выгода от эксплуатации дешевого труда «цветных рабочих в колониях стимулировал широкое распространение «теории» о превосходстве одной расы над другой».

Смысл теории ресурсной конкуренции заключается в утверждении, что этничность необходимо анализировать исходя, прежде всего из существующей системы межгрупповых границ, чья устойчивость во многом определяется степенью, которую достигает межэтническая конкуренция. Иначе говоря, этническое самоопределение актуализируется и приобретает жизненную полноту в условиях конкуренции из-за ресурсов - экономических, политических и др. Так, в идеологии и практике этнонациональных движений, охвативших территории бывших республик распавшегося Союза объединились лозунги этнического возрождения с политической борьбой национальных элит за власть?²

Характерная особенность символического интеракционизма - акцент на изучение коммуникации, которая преобразует групповой опыт в субъективный мир значений и ценностей. Эти значения и ценности становятся в свою очередь основой коллективных акций. При этом, этнические отношения понимаются как форма социальных связей индивидов в процессе их взаимного «коллективного определения», т.е. толкования разнообразных ситуаций совместного действия. Согласно Г. Блумеру и Т. Дастеру - представителям данной школы - в этом выражается «базисный процесс выделения различными группами друг друга и самих себя и корректировки своих взаимных действий; этот процесс интерпретации расовыми группами своего опыта и тех событий, которые этот опыт сформировали»³.

Теории рационального выбора основаны на предположении, что этнические отношения и проблемы связаны с теми или иными рациональными предпочтениями. Так, утверждается, что дискриминация существует пока она вы-

¹ См.: Cox O. Castle, Class and Rase: A Study in Social Dynamics: New York: Modern Paperbacks, 1948. - P.127.

² См.: Этничность. Национальные движения. Социальная практика : сб. статей. – СПб. : Петрополис, 2005. - С. 67-68.

³ См.: Blumer H., Duster T. Theories of Rase //Sociological Theories: Rase and Socialism. UNESCO. - Paris, 1980. - P. 187-198.

годна, т.е. приносит дискриминирующей стороне определенную «прибыль», имеющую материальную или иную форму выражения¹.

Анализ различных концепций этничности позволяет сделать вывод о том, что в каждой из них есть «рациональное зерно», поскольку они раскрывают определенные стороны этого сложного социального феномена: неомарксизм - объективные предпосылки этнических отношений, теории ресурсной конкуренции - условия и факторы их актуализации и появления межэтнической напряженности, символический интеракционизм - субъективную интерпретацию этих отношений, теории рационального выбора - мотивацию поведения индивидов в пространстве межэтнических отношений.

С учетом этой комплиментарности исследовательских подходов к этничности Н.Г. Скворцов дает такое определение. Об этничности можно говорить как о «социальном по своей природе феномене, проявляющемся в формах межгруппового взаимодействия (интеракционный аспект), совокупности (определенных культурных характеристик общностей (атрибутивный аспект) и, наконец, индивидуальной и коллективной идентичности (субъективно-символический аспект)»².

Дискуссии, связанные с определением понятия этноса, проходят довольно бурно и среди российских социологов, этнологов. При этом одни из них акцентируют внимание на субъективной стороне этничности, другие - на объективной.

Традиционный подход к определению и исследованию этноса представлен, в частности, авторами коллективной монографии «Этнические процессы в современном мире», подготовленной под руководством академика Ю.В. Бромлея. Суть этого подхода такова.

Этнос (этническая общность) - это особый исторически возникший вид социальной группировки людей, особая форма их коллективного существования. Такая общность складывается и развивается естественно-историческим путем; она способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства. Формирование каждого этноса обусловлено непосредственными контактами входящих в него людей; это, как правило, возможно, лишь в том случае, если люди живут по соседству, т.е. на одной территории, и говорят на одном языке. Общность языка и общность территорий выступают, таким образом, прежде всего как условия формирования этноса. Наряду с общностью территории и языка важнейшее значение для устойчивого функционирования этноса имеют специфические элементы его материальной и духовной культуры. Это, прежде всего те компоненты культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость: обычай, обряды, народное искусство, религия, нормы поведения и т.п. Культурное единство членов этноса в свою очередь неразрывно связано с особенностями их психики, проявляющейся, в частности, в оттенках их характера, специфике ценностных ориентаций и т.п. Вместе с тем этнос -

¹ См.: *Hechter, M. Rational Choice Theories and the Study of Race and the Ethnic Relations // Theories of Race and Ethnic Relations / M. Hechter. - Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. - P. 264-279.*

² См.: *Скворцов, Н. Г. Этничность: социологическая перспектива / Н. Г. Скворцов. - С.23-24.*

далеко не всякая группа людей, обладающих общностью определенных объективных свойств. Этнсом является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним). Самосознание членов этноса как бы фокусирует представления об общности территории («родной земли»), языка («родного языка»), отличительных особенностях культуры и психики, а также о какой-то общности происхождения и исторических судеб, входящих в него людей. Этническое самосознание, сформировавшись в ходе этногенеза, фактически выступает затем не только как важнейший определитель этнической принадлежности (оттесняющий в этом отношении даже признак родного языка), но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам¹. При этом каждому этносу, как считает А.Г. Здравомыслов, разделяя данную концепцию, свойственен собственный набор референтных этнических групп, predetermined историей нации, в каждом национальном самосознании складывается своеобразная иерархия значимых инонациональных общностей. Так, русское национальное самосознание обязательно содержит образы немцев, англичан, американцев, французов, евреев. На следующем уровне национального самосознания располагаются народы, населяющие Россию. Третий уровень занят народами, с которыми практически не было соприкосновений в историческом взаимодействии. Эта совокупность образов «других» так или иначе, проецируется на восприятие собственной нации. В свою очередь, образуемая сложная проекция иных национальных групп рационализируется в виде объединенных представлений о том, кто такие «русские» или «Они - немцы» и т.д.²

Самовоспроизводство этноса обеспечивается преимущественным заключением браков внутри этноса и путем передачи новому поколению языка, системы социально-культурных ценностей, традиций и т.п.

Таким образом, этнос (в узком значении этого термина) может быть определен как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)»³.

Попытка эмпирического исследования этнической идентификации предпринята Ф.С. Файзулиным и А.Я. Зариповым. Исходя из того, что национальная самоидентификация зависит от сложного, взаимосвязанного комплекса факторов (внутренних и внешних) и что сам акт идентификации представляет собой эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления

¹ См.: Этнические процессы в современном мире. - М. : Наука, 2003. - С.6.

² См.: *Здравомыслов, А. Г.* Этнические процессы и динамика национального самосознания россиян / А. Г. Здравомыслов // Социологические исследования. - 1996. - № 12. - С.24.

³ См.: Этнические процессы в современном мире. - С.7.

субъекта, себя с другим субъектом, группой, они разработали и предложили для респондентов - студенческой молодежи Башкортостана - 10 индикаторов идентификации, которые так расположились по мере убывания их значимости:

- 1) общая территория проживания;
- 2) национальность родителей;
- 3) общность языка;
- 4) культура;
- 5) история народа;
- 6) общность обычаев и традиций;
- 7) чувство малой родины;
- 8) воля к свободе и независимости;
- 9) великие представители народа;
- 10) умение трудиться¹.

Заслуживает внимание рассуждения указанных авторов относительно этнической роли общей территории проживания, которая является, по их мнению, особо значимым этноконсолидирующим фактором для любого титульного народа (этот фактор отметили 48,1% респондентов башкирской национальности). О том, что общность территории проживания предстает для молодых башкир основным идентификационным индикатором, свидетельствует и тот факт, что 83,6% из них после окончания вуза намерены остаться в республике. Что же касается респондентов татарской и русской национальностей, то для них указанный индикатор оказался не столь важным - по степени значимости он стоит на пятом месте (соответственно 16,9 и 23,8%)².

«Объективистский» подход к пониманию и исследованию этноса представлен в публикациях Л.Н. Гумилева, К.П. Иванова, М.О. Мнацаканяна, Э.В. Тадевосяна³.

Л.Н. Гумилев и К.П. Иванов в своей статье «Этнические процессы: два подхода к изучению» отмечают, что к началу 90-х годов сложились два подхода к исследованию этносов и этнических отношений. Первый состоит в том, что этнос явление социальное, следовательно, подчиненное законам развития общества и поэтому не имеющее собственных закономерностей. Второе заключается в том, что этнос - «система». Под системностью понимается некая однородность, идентичность всех элементов этноса, которая может быть обнаружена только в самосознании⁴.

К сторонникам первого из названных подходов авторы относят самих себя. Второй подход персонифицируется ими в академика Ю.В. Бромлея.

¹ См.: Файзуллин, Ф. С. Грани этнической идентификации / Ф. С. Файзуллин, А. Я. Зарипов // Социологические исследования. - 2003. - № 8. - С.58.

² См.: Файзуллин, Ф.С. , Зарипов, А. Я. Указ. соч. - С.43.

³ См.: Гумилев, Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилев, К. П. Иванов // Социологические исследования. - 1992. - № 1; Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2004. - № 5; Тадевосян, Э. В. Этнонация: миф или социальная реальность? / Э. В. Тадевосян // Социологические исследования. - 1998. - № 6. - С 67-68.

⁴ См.: Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. Указ. соч. - С.50.

Сторонники «системного подхода» к исследованию этноса, называя этнос системой, системной целостностью, подразумевают под этим «совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными чертами и особенностями культуры и психики»¹. В поисках таких черт им неизбежно приходится останавливаться на «представлении об определенной идентичности», «однородности психики членов этноса»,² т.е. констатировать определенное подобие, тождество. Однако, такое понимание системности, справедливо отмечает Л.Н. Гумилев, подменено в этом случае «принципом сходства и похожести, по необходимости внешней, поскольку внутренние связи при этом подходе уловить невозможно»³.

Если сравнить два подхода к исследованию этносов и этнических процессов, то разница между ними примерно такая же, как между систематикой К. Линнея и эволюционной теорией Ч. Дарвина. Первый систематизировал растения и животных исходя из внешнего сходства и похожести их признаков, второй - исходя из общности их генезиса и взаимосвязи в эволюционном процессе.

Нельзя не согласиться с Л.Н. Гумилевым в том, что основное при традиционном взгляде на систему - обнаруженные одинаковости людей, в то время как главным должно быть «установление динамических связей между различными людьми. Простейшая система - семья состоит из мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления...связей»⁴.

«Нет ни одного реального признака для определения этноса, - продолжает Л.Н. Гумилев, - применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда - нет. Вынести за скобку мы можем только одно признание каждой особью «мы такие-то, а все прочие другие»⁵.

Противопоставление «своих» и «чужих» («мы» - «они»), данное членам этноса в рефлексии, служит «индикатором для определения этнической принадлежности», а тем самым и особым типом системообразующей связи в этносе. Этнос возникает как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям того же типа и исчезает как система с потерей ощущения «свои» и «чужие». При этом, хотя этническая принадлежность и обнаруживается в сознании людей, но она не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую. Таким образом, «самосознание только опознавательный знак, а не сущность предмета»⁶.

¹ См.: Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. - С.58.

² См.: Бромлей, Ю. В. Указ. соч. - С.176.

³ См.: Гумилев, Л. Н. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос.ХІІ) / Л. Н. Гумилев // Вестник ЛГУ. - 1971. - № 24. - С.198.

⁴ См.: Гумилев, Л. Н. Сущность этнической целостности .../ Л. Н. Гумилев. - С.200.

⁵ См.: Гумилев, Л. Н. О термине «этнос» // Доклады Географического общества СССР / Л. Н. Гумилев. - Л., 1967. - Вып.3. - С.5.

⁶ См.: Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. Указ. соч. - С.52.

Исходя из того, что различия между коллективами (группами) одного биологического вида вызваны, прежде всего, различными формами адаптации к тем или иным участкам биосферы, т.е. к ландшафту, Л.Н. Гумилев определяет этнос как форму адаптации вида *Homo Sapiens* в биоценозе своего ландшафта, причем не столько в структуре, сколько в поведении¹.

Согласно обоснованной им теории этногенеза из этносов образуются суперэтноты, что происходит вследствие пассионарного толчка в регионе и общности исторической судьбы. Поскольку каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта, то суперэтноты обычно существуют в границах определенных этноландшафтных зон. «Так, северная граница Римского мира не пересекала распространения виноградной лозы, а с юга была ограничена степными и полупустынными ландшафтами Аравии и Африки. Мусульманский Восток, или Левант как суперэтнос не расширился далеко за границы адаптации финиковой пальмы, возделываемой в оазисах и почти совпадал с зоной полупустынь, где сложился замечательный симбиоз человека и верблюда...»².

На территории бывшего СССР существовали, как утверждает Л.Н. Гумилев, как минимум есть семь различных, каждый из которых занимает преимущественно свою особую экологическую нишу или этноландшафтную зону, имеет свою неповторимую историческую судьбу, т.е. оригинальный стереотип поведения и определенную традицию взаимоотношений с соседними суперэтнотами. Причем, принципиальное значение для контакта имеет знак комплиментарности взаимодействующих этносов³.

Небезынтересны и следующие рассуждения Л.Н. Гумилева. «Положительная комплиментарность двух основных суперэтнотов нашей страны - Российского и Степного - явилась залогом как создания Московского государства, а вслед за ним и территориального расширения Российской империи, так и нерушимости СССР в годы второй мировой войны. Комплиментарность есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтнотов и даже отдельных персон. Именно комплиментарность послужила поводом для дружбы Александра Невского и сына Батыя Сартака...»⁴.

Если дискуссия между сторонниками Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева идет больше по линии выбора приоритетов между динамическими и статическими детерминантами этничности, то развернувшаяся недавно дискуссия среди российских социологов и этнологов относится к оценке государственно-правового

¹ См.: Гумилев, Л. Н. О термине «этнос» / Л. Н. Гумилев // Доклады географического общества СССР. - Л., 1967. - Вып.3. - С.3-17.

² См.: Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. Указ. соч. - С.53-54.

³ См.: Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. ВИНТИ. Вып.1 (№1001). Вып.2 (№3734). Вып.3 (№ 3735) / Л. Н. Гумилев. - М. - Л., 1975.

⁴ См.: Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. Указ. соч. - С.55.

статуса этносов. Смысл этой дискуссии выражен наиболее полно в последних публикациях М.О. Мнацаканяна и Э.В. Тадевосяна¹.

Сначала они представляют точку зрения своих оппонентов - В.А. Тишкова, Б.Г. Капустина, А.Г. Здравомыслова.

В.А. Тишков утверждает, что «национальная общность – это, прежде всего общность национального самосознания ее членов, а не сама по себе групповая отличительность»². Другой автор Б.Г. Капустин заявляет: «нация не может быть уподоблена организму», ибо представляет явление «мира культуры символов, знаков, кодов, определений и сложный их кластер»³. А.Г. Здравомыслов, выдвигая концепцию релятивистской теории наций и рефлексивной политики, считает нации не исторически необходимо складывающимися сообществами людей, которым присущи свои интересы, но продуктом политических действий: «государство создает нацию, а не формируется как результат отражения объективно заданных интересов народа»⁴.

Если отвлечься от избирательного цитирования работ указанных авторов в контексте полемики, то суть их концепции заключается в следующем.

Во-первых, в условиях современного общественного развития самоопределение этносов и их границы становятся все менее различными и все более относительными, поэтому так называемый «национальный вопрос» теряет свой фундаментальный смысл и актуальность.

Во-вторых, термин «нация» - это не столько научная категория, сколько политический лозунг и средство мобилизации групп в руках региональной элиты, политических лидеров.

В-третьих, универсальным признаком и чуть ли не единственным индикатором национальной общности выступает общность национального самосознания, которая далеко не всегда совпадает с нашими традиционными представлениями об этносах. (Так, например многие лица мордовской или еврейской национальностей относят себя к русским)⁵.

В-четвертых, лозунг национально-государственного самоопределения этносов в современных условиях почти исчерпал себя, поэтому идея национальной государственности является не только бесплодной, но и вредной, поскольку провоцирует межэтническую напряженность, сепаратистские настроения.

¹ См.: Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2004. - №5. - С.118-127; Тадевосян, Э. В. Этнонация: миф или социальная реальность? / Э. В. Тадевосян // Социологические исследования. - 1998. - №6. - С.61-68.

² См.: Тишков, В. А. Что есть Россия? / В. А. Тишков // Вопросы философии. - 2005. - №2. - С.5.

³ См.: Капустин, Б. Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия / Б. Г. Капустин // Свободная мысль. - 1996. - № 3. - С.22.

⁴ См.: Здравомыслов, А. Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. - М., 2003. - С.28.

⁵ См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - М. : ИФРАН, 1993. - С.56-63; Рывкина, Р. В. Евреи в современной России / Р. В. Рывкина // Общественные науки и современность. - 1996. - № 5. - С.47-58.

Возражая против этих положений, Э.В. Тадевосян отмечает, что «понятие «нация» широко и постоянно используется в двойном смысле: а) как этнос, когда, наряду с социально-классовым, социально-демографическим, социально-территориальными, социально-профессиональным и иным подразделениям общества на социальные совокупности, выделяется и его социально-этническая дифференциация - членение на различные национальные и этнографические группы; б) как согражданство, политическое объединение граждан данного государства... Правомерно, конечно, спорить о целесообразности или нецелесообразности обозначения одним и тем же термином качественно несходных явлений, процессов. Но при этом невозможно не признать, что это данность, за которой стоят объективные различия двух особых социальных общностей - этнической и государственной, с которой трудно не считаться. Принципиальные же возражения вызывает не само разведение указанных понятий, а настойчивые и категорические предложения отказаться от восприятия наций в этносоциальном аспекте, сохранив лишь ее понимание как согражданство»¹.

И далее он пишет: «Негативное восприятие национальной государственности часто образуется на ее неверном понимании. Приверженцы национально-государственного нигилизма не прочь изобразить национальную государственность как выражающую нужды только той нации или народности, которая дала ей имя. Но такое истолкование явно отдает националистическим душком, заведомым недоверием. Подлинно демократическое государство, предоставляя коренным этносам реализовать принципы самоопределения, не может в то же время отказаться от полного равноправия граждан, независимо от того, к какой национальности они принадлежат...»².

М.О. Мнацаканян, вступая в дискуссию и возражая оппонентам, апеллирует к авторитету классиков социологии - М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Энгельса, а также Н.А. Бердяева, который, в частности, так писал о нациях: «...всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здравый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенитета есть великое несчастье, тяжкая болезнь, калечащая дух нации»³.

Основные положения развиваемой им концепции следующие.

Во-первых, национально-этнические общности - исторически сложившиеся устойчивые социальные образования, призванные удовлетворить особые жизненно важные потребности людей, выполнить соответствующие функции, а именно, интегративные, нормативные, когнитивные, инструментальные и т.д.⁴

Во-вторых, в концепции отечественных «нациестроителей» отсутствует позитивная основа разработки политики и программ демократического решения сложных межнациональных проблем, напротив, они блокируются и заго-

¹ См.: Тадевосян, Э. В. Указ. соч. - С.62.

² См.: Тадевосян, Э. В. Указ. соч. - С.67-68.

³ См.: Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. - М., 1990. - С.102.

⁴ См.: Мнацаканян, М. О. Указ. соч. - С.120.

няются в тупик. Она проповедует унитаризм, национально-этнический нигилизм, идеологию насильственного ассимиляторства.

В-третьих, современные национально-этнические процессы разворачиваются в русле расширения государственного самоопределения наций. Пример тому: в Европе - Испания, Бельгия, Франция; в Азии - Индия.

В-четвертых, игнорирование полиэтнического состава государств, ориентация на формирование одной единственной нации неизбежно приводит к обострению межнациональных отношений, к конфликтам. Например, в Бирме «нациестроительство» привело к 35-летней вооруженной борьбе бесправных национальных групп. В Руанде народность тутси (15 % населения, но наиболее высокоразвитая его часть) всецело контролировало государственный аппарат власти, чиновничество, а самый крупный этнос хуту (84 %) безоговорочно был отстранен от властных функций. В серьезном межэтническом противоречии на этой почве только в апреле 1994 г. было истреблено около миллиона этнических тутси¹. «Есть один единственный путь мирного развития и сотрудничества национально-этнических общностей внутри государства - последовательный демократизм, предоставление им равных прав в строительстве собственных национально-государственных образований»².

Таким образом, понятия «этнос» и «этнические процессы» находятся в центре научных дискуссий. При этом смысл дискуссий не ограничивается одним только теоретизированием, а имеет очевидные практические последствия. Так, если принять за основу национальных отношений и национальной политики теорию Л.Н. Гумилева об этнообразующей функции географического ландшафта, то логично будет допустить «что в национальной жизни земля выступает не столько как средство производства, сколько как основная материальная предпосылка этнического самоутверждения народа»³.

Из этого же делается следующий вывод о том, что при осуществлении хозяйственной деятельности на территории национальных образований целесообразно отдать приоритет интересам коренного населения⁴.

На протяжении своего развития этносы подвергаются определенным изменениям (вытеснение традиционных элементов материальной культуры унифицированными промышленными изделиями, изменение разговорного и письменного языка, распространение двуязычия и т.д.).

В научной литературе выделяются и рассматриваются два основных типа этнических процессов: этноэволюционные и этнотрансформационные. Этноэволюционные процессы - это процессы, приводящие к изменению каких-то

¹ См.: Соколова, Р. Две народности - два врага? / Р. Соколова // Азия и Африка сегодня. - 2003. - № 6. - С. 39.

² См.: Мнацаканян, М. О. Указ. соч. - С.126.

³ См.: Ирназаров, Р. И. О связи экономических и межнациональных отношений / Р. И. Ирназаров // Социологические исследования. - 2003. - № 8. - С.58.

⁴ См.: Ирназаров, Р. И. Указ. соч. - С. 59; Дрегалю, А. А. Европейские ненцы адаптивные возможности и эволюционная пластичность / А. А. Дрегалю, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. - 1998. - №6. - С.69-76.

элементов и параметров всего этноса (или отдельных частей его), но не затрагивающие этнического состояния, не приводящие к ломке этнической системы.

Каждый этнос практически перманентно подвергается эволюционным изменениям. Внедрение и закрепление такого рода изменений обеспечивается внутриэтническими информационными связями. Первоначально активная роль здесь обычно принадлежит синхронным (т.е. одновременным) связям, обеспечивающим распространение инноваций внутри этноса и придающих им тем самым массовый характер. Однако в конечном счете решающая роль остается за диахронными связями, ибо межпоколенная передача инноваций делает их традиционными и устойчивыми, что необходимо для нормального воспроизводства этноса.

Этнотрансформационными называются такие процессы, которые приводят к изменению этнической принадлежности тех или иных групп людей, к исчезновению одних и возникновению других этносов. В отечественной этнографической литературе последних лет принято обычно выделять три таких вида: консолидацию, ассимиляцию и этническую интеграцию¹.

Под этнической консолидацией понимаются, прежде всего, процессы слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну новую, более крупную этническую общность. К процессам этнической (национальной) ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого; иначе говоря, полную или почти полную утрату такой группой исконных этнических свойств и столь же существенное усвоение новых. В ходе ассимиляции некоторые элементы культуры могут восприниматься сознательно, например, язык и одежда, другие - бессознательно, например, жестикация и манеры, культурные ценности и т.д.

Различаются естественная и насильственная ассимиляция. Естественная ассимиляция возникает при непосредственном контакте этнически разнородных групп населения и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни, распространением этнически смешанных браков и т.п. В России процессы ассимиляции охватывают главным образом группы национальностей, живущих за пределами своих республик или областей, в сильном территориальном смешении с другими народами, особенно - в городах. Происходит она чаще всего в результате этнически смешанных браков: иногда такие браки приводят к снижению абсолютной численности отдельных народов, например, мордвы, карел, евреев и др.

Под этнической интеграцией (сближением) нами понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у народов, существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам, в результате их взаимодействия. С такого рода процессами связывается формирование в рамках многонациональных государств метаэтнических общностей.

¹ См.: Этнические процессы в современном мире. - С.12-13.

Представители разных национальностей проживают во всех странах мира, однако, многонациональность России - иного характера. «Скажем, Германия, Италия, Португалия - многонациональные государства, пусть в них и осело множество выходцев из Азии и Африки. Россия же явилась пространством, на котором разместились «исторические родины» автохтонных народов, колыбели их культуры и духовной жизни. С ними связаны в первую очередь, их «историческая память», психологическое восприятие собственной «самости», основа этнической идентификации и самосознания. Здесь, на этих территориях и в ло- не этих культур формируются условия и факторы их самосохранения и самореализации»¹.

Это обстоятельство имеет крайне важное значение для понимания специфики межэтнических взаимоотношений в современной России, выбора приоритетов национальной политики, предупреждения межэтнической напряженности.

Этнические процессы не происходят безболезненно. Нередко приобретают они конфликтную форму.

Этнические конфликты «представляют собой столкновение, происходящее между отдельными представителями, отдельными социальными группами различных этносов и конфронтацию двух или нескольких этносов. Соответственно можно в качестве отдельных типов этнического конфликта выделить межличностные, этносоциальные и этнические конфликты в строгом смысле термина. К последним примыкают национально-государственные конфликты, т.е. такие ситуации, когда сталкиваются с одной стороны, интересы государства, или, точнее, доминирующего в нем этноса или нескольких этносов, и интересы отдельных этнических групп (меньшинств)»².

Изучая природу этнических конфликтов, ученые обнаружили в их эволюции ряд повторяющихся черт и этапов.

Во-первых, этнические конфликты - это древнейшая форма социальных конфликтов, сопровождающая всю человеческую историю.

Во-вторых, этничность не является предметом свободного выбора. Этническая самоидентификация - «это аскриптивный тип социальной идентификации, что существенно повышает эмоциональную насыщенность этнического конфликта»³.

В-третьих, поскольку этносы выступают территориально организованными структурами, этнические конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер или территориальное происхождение.

В-четвертых, этнические конфликты обладают поразительной способностью вовлекать в свою орбиту самые разные фрагменты социальной реальности, по своему происхождению далекие от этнических отношений.

В-пятых, считается, что именно этнический конфликт предстает наиболее фундаментальным явлением в истории человечества, а остальные виды кон-

¹ См.: Мнацаканян, М. О. Указ. соч. - С.122-124.

² См.: Прусаускас, А. А. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / А. А. Прусаускас. - М., 1991. - С. 54.

³ См.: Авксентьев, В. А. Этнические конфликты: история и типология / В. А. Авксентьев // Социологические исследования. - 1996. - №12. - С. 44.

фликта играют второстепенную роль. Причина в особой значимости этнической идентификации в жизни человека и общества.

Разрушительные последствия межэтнических конфликтов актуализирует проблему их регулирования и, прежде всего предупреждения и разрешения.

Регулирование - это система действий, направленных на приведение социальной системы, социального процесса в нормальное состояние¹.

Регулирование предполагает выявление тех элементов (признаков) социальной системы (процесса), которые: во-первых, могут быть подвержены изменению; во-вторых, должны быть подвержены изменению. Эти элементы (признаки) назовем переменными социальной системы или социального процесса.

Н.С. Данакин выделяет и рассматривает четыре группы переменных социального процесса: структурные переменные, динамические переменные, функциональные переменные, факторные переменные². Эти переменные характеризуют и такую разновидность социального процесса, как этнический конфликт.

Структурные переменные выражают статику социального процесса, его признаки безотносительно ко времени. Анализировать структуру социального процесса - значит определить его содержание и форму, участников и масштаб. Динамические переменные - такие переменные, которые позволяют анализировать процесс во временном измерении. В числе таких переменных - фазы (стадии) социального процесса, его продолжительность, состояние.

Несмотря на негативные последствия этнических конфликтов, рассмотренные выше, следует избегать их однозначной оценки, поскольку у них имеются и положительные функции. Одна из таких функций, к примеру, состоит в разрядке психологической напряженности в отношениях противоборствующих сторон. Существование, так сказать, выходных клапанов и отводных каналов помогает взаимной адаптации индивидов, стимулирует положительные изменения.

Другой позитивной функцией конфликта является коммуникативно-связующая. Через эту функцию участники конфликта осознают свои и противостоящие им интересы, выявляют общие проблемы, приспосабливаются друг к другу.

Еще одна позитивная функция конфликта, вытекающая из предыдущих, проявляется в том, что он способен играть консолидирующую роль в обществе и даже быть движущей силой социальных изменений. Это происходит тогда, когда в ходе разрешения конфликта люди по-новому воспринимают друг друга и у них появляется интерес к сотрудничеству, выявляются возможности для этого.

¹ См.: Дятченко, Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л. Я. Дятченко. – М. – Белгород : Центр социальных технологий, 1993. - С. 73.

² См.: Данакин, Н. С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н. С. Данакин. – Белгород : Центр социальных технологий 1996. - С. 312.

Воздействуя на функции (функциональные переменные) этнического конфликта, мы ограничиваем или нейтрализуем одни из них и содействуем проявлению других функций.

Факторные переменные - это все то, что оказывает воздействие на социальный - в нашем случае этнический - процесс. К ним относятся источники процесса, его условия и факторы. Факторные переменные, которые вызывают социальный процесс и определяют само его содержание, будем считать источниками социального процесса. Если нет источников, то нет и процесса. В основе любого процесса лежат те или иные источники, порождающие его, дающие ему жизнь.

Факторные переменные, которые сами по себе не вызывают социального процесса, но без которых он не может существовать, назовем условиями социального процесса.

Факторные переменные, которые влияют на социальный процесс, изменяя его отдельные характеристики (форму, продолжительность, интенсивность и т.п.), определим как факторы социального процесса. Факторы не вызывают социальный процесс (в отличие от его источников) и не обеспечивают его существования (в отличие от его условий), но тем не менее влияют на него. Причем влияние оказывается иногда настолько сильным, что процесс даже приостанавливается или деформируется, или, наоборот, совершается в ускоренном темпе.

Источники и факторы социального процесса, взятые в совокупности, образуют причины социального процесса. Источники социального процесса выражают необходимость его возникновения или осуществления, условия - возможность его возникновения или осуществления¹.

С учетом предложенной классификации обратимся к рассмотрению переменных этнического конфликта и прежде всего его содержания.

Содержание каждого социального процесса специфично, но в любом случае оно включает в себя три группы элементов:

- 1) социальные действия и взаимодействия, осуществляемые в ходе социального процесса;
- 2) предмет социальных действий и взаимодействий, т.е. то, из-за чего или ради чего они совершаются;
- 3) изменения, вызываемые социальными действиями и взаимодействиями².

Исследователи выделяют и рассматривают различные виды социального взаимодействия, осуществляемые в процессе этнического конфликта.

Э.И. Скакунов в ходе социокультурного анализа осетино-ингушского конфликта выделяет и рассматривает три типа социальных отношений, в рамках которых происходит конфликт: иерархию и подчинение, конкуренцию, сотрудничество. Он приходит, в частности, к такому выводу: обе конфликтующие общины не менее чем на одну треть (осетины жестче) ориентированы на отношения иерархии и подчинения, однако в целом их представления о структуре

¹ См.: Данакин, Н. С. Указ. соч. - С.119-120.

² См.: Данакин, Н. С. Указ. соч. - С.109-110.

нынешнего общества асимметричны. Если большинство ингушской общины (54%) видит свое общество как основанное на началах сотрудничества и взаимопомощи, то осетинская община оценивает уровень сотрудничества почти на половину ниже (29%), придавая одновременно настолько же большее значение отношениям конкуренции и борьбы (32%)¹.

Е.В. Крицкий выделяет в структуре конфликта явления двух порядков: а) фокальные, непосредственно порожденные конфликтующими ценностными установками и интересами его участников;

б) периферийные, обусловленные катализирующим воздействием конфликтной ситуации на политические, социальные, идеологические процессы в обществах, связанных с конфликтом².

Содержание этнического конфликта характеризуется также его предметом, т.е. тем, из-за чего происходит столкновение противоборствующих сторон. Содержательный анализ этнических конфликтов с этой точки зрения позволяет сгруппировать их в шесть основных типов.

I тип - конфликты, в которых, доминирующую роль играют территориальные притязания. Наиболее явный пример этого типа - осетино-ингушский. Напряженность в связи с территориальными спорами имеет место и в Кабардино-Балкарии.

II тип - конфликты сецессионного типа, в которых ставится вопрос о выходе из России и полной государственной самостоятельности. Здесь наиболее ярким примером является чеченский кризис. Сецессионные тенденции имели место и в Татарстане до заключения договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями.

III тип - статусные конфликты, в основе которых лежат требования о расширении административно-управленческих полномочий в соответствующем регионе.

IV тип - социально-политические конфликты, в основе которых лежат требования социально-политического равноправия этнических общностей.

V тип - социокультурные конфликты, в основе которых лежат требования социокультурного равноправия этнических общностей.

VI тип - социально-бытовые конфликты, в основе которых лежат требования социально-бытового равноправия этнических общностей.

Имеются и другие классификации конфликтов в зависимости от их содержания. Так, например, весьма распространенный и в зарубежной, и в отечественной науке подход - классификация общественных конфликтов по сферам общественной жизни. Выделяют политические этнические конфликты, конфликты в экономической жизни, в духовной сфере и т.п. «Сферная» типология не является всеохватывающей и четкой, так как большинство этнических конфликтов имеют «межсферный» характер. А.А. Прусаускас группирует межэт-

¹ См.: Скакунов, Э. И. Социокультурный анализ осетино-ингушского конфликта / Э. И. Скакунов // Социологические исследования. - 2003. - № 7. - С.125.

² См.: Крицкий, Е. В. Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности / Е. В. Крицкий // Социологические исследования. - 1996. - № 9. - С.116 - 122.

нические конфликты в зависимости от тех целей, которые ставят и преследуют национальные и этносоциальные движения (сепаратистские, ирредентистские, автономистские, этнолингвистические, этноконфессиональные, этноэгалитаристские, антиэмиграционные или почвеннические)¹.

Важным вопросом при рассмотрении социальных конфликтов является вопрос о «действующих лицах и исполнителях» конфликтных отношений. Как утверждают Ю.Г. Запрудский, наряду с понятием «сторона конфликта» сюда могут быть отнесены и такие понятия, как «участник», «субъекты», «посредник». Заметим, что не следует отождествлять участников и субъектов социальных конфликтов, так как это может привести к путанице в понимании выполняемых в конфликте ролей.

Участником этнического конфликта может быть любая группа лиц, которая принимает участие в конфликте, но не отдает себе отчета в целях конфликтного противоречия. Участником могут быть сторонние лица, случайно оказавшиеся в зоне конфликта и не имеющие своего интереса².

Субъектом этнического конфликта является этническая группа, способная создавать конфликтную ситуацию, т.е. прочно и относительно самостоятельно влиять на ход конфликта в соответствии со своими интересами, оказывать влияние на поведение и положение других групп, вызывать те или иные изменения.

Поскольку потребности субъектов, их интересы, цели, притязания могут реализовываться нередко только через использование власти, постольку в конфликтах непосредственное участие могут принимать такие политические организации, как партии, парламентские организации, государственный аппарат, «группы давления» и т.д., они являются выразителями воли соответствующих этнических групп. Нередко этнический конфликт принимает форму конфликта лидеров (широкие массы выходят на улицы лишь в моменты наивысшего обострения ситуации). Яркий пример - этнический конфликт в Карачаево-Черкессии между карачаевцами и черкесами, обострившийся в период проведения там президентских выборов. В большинстве национальных конфликтов в первые годы перестройки в нашей стране субъектами выступали исключительно представители государственных структур власти.

Такой специалист в области теории конфликтов, как Р. Дарендорф, к субъектам конфликтов относит три вида социальных групп:

- первичные группы - непосредственные участники конфликта, которые находятся в состоянии субъективно несовместимых целей;
- вторичные группы - те, кто стремится быть незамешанным непосредственно в конфликт, но вносит вклад в его разжигание;
- третьи группы - силы, заинтересованные в разрешении конфликта.

¹ См.: Прусаускас, А. А. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / А. А. Прусаускас. - С.11.

² См.: Запрудский, Ю. Г. Внутри конфликта / Ю. Г. Запрудский // Социологические исследования. - 1993. - № 7. - С.53.

Существует несколько классификаций этнических конфликтов по их субъектам-носителям, обзор которых дается, В.А. Авксентьевым¹. В частности, выделяют конфликт между однопорядковыми и разнопорядковыми субъектами. К первому типу относятся, например, осетино-ингушский конфликт, конфликт между пророссийски и проукраински настроенными гражданами Крыма, а также многие международные конфликты. Другой тип конфликта вовлекает разнопорядковые субъекты, например, этническое меньшинство или «нетитульный» народ, с одной стороны, и «титульный» народ или его государственные структуры - с другой. Типичными примерами таких конфликтов являются российско-чеченский и грузино-абхазский конфликты. Относительность такой классификации очевидна, тем не менее, она достаточно часто встречается в исследованиях по этноконфликтологии.

Более содержательной является классификация субъектов конфликта с точки зрения их институционализированности. Бывают случаи, когда оба субъекта конфликта институционализированны т.е. государственно или иным образом политически оформлены, и в этом случае этнический конфликт приобретает черты международного. Как справедливо отмечает Г. Элмер, «этнические отношения внутри страны имеют много общего с международными отношениями. Некоторое сходство можно видеть и в способах насильственных действий. Война часто напоминает расширенный этнический конфликт, а этнический конфликт - локальную войну. Главное различие в том, что даже длительные войны рано или поздно заканчиваются прекращением огня и мирными переговорами. Серьезные этнические конфликты могут не иметь решения и продолжаться сотни и тысячи лет, лишь на определенное время, превращаясь в стадию передышек...².

Особый и достаточно распространенный случай такого конфликта - это институционализированность одного субъекта-носителя и неинституционализированность другого. В этом случае борьба государства против, например, одного из этнических меньшинств может восприниматься как борьба «титульного» этноса против этого меньшинства, возникают взаимная ненависть и отчуждение, хотя лишь небольшая часть институционализированного этноса (например, армия, полиция) принимает участие в борьбе против другого народа.

Регулятивное воздействие на субъектов, носителей этнического конфликта означает:

во-первых, влияние (давление) на непосредственных участников конфликта;

во-вторых, ограничение действий тех, кто разделяет и поддерживает конфликт;

в-третьих, распространение круга тех, кто выступает за прекращение конфликта;

в-четвертых, привлечение посредников к разрешению конфликта.

¹ См.: Авксентьев, В. А. Этнические конфликты: история и типология / В. А. Авксентьев. - С.43-49.

² См.: Elmer G. Ethnic Conflicts Abroad: Clues to America of Future? Monterey. VA, 1968. P.5.

В отличие от структурной модели этнического конфликта, его динамическая модель, как уже говорилось, учитывает фактор времени. При исследовании этнического конфликта как объекта регулирования наиболее важное значение имеют, на наш взгляд, его стадии (фазы) развития, продолжительность, состояние.

Стадия (фаза) этнического конфликта - его качественное изменение во времени. Обычно выделяют и рассматривают начальную стадию, промежуточные стадии и конечную (заключительную) стадию. «Развертывание событий в период обострения межнациональных отношений подобно водовороту, когда поверхностная воронка первоначального разделения населения по этническому признаку начинает постоянно увеличивать поле своего притяжения, а вовлекаемые в распространяющийся конфликт массы уносятся подводным течением обвальных социальных изменений к месту никому неизвестного выброса»¹.

Как считает В.А. Михайлов, «межэтнический конфликт - независимо от места и времени - имеет одну и ту же природу, демонстрирует один тот же механизм и проходит несколько этапов»². На первом этапе происходит образование «воронки» противостояния. Появляются претензии, призывы радикально изменить сложившееся положение вещей в национальном вопросе. Начинается накопление обид. Формируется образ «врага». На втором этапе проявляет себя, так сказать, закон «заразного» причинения: нет ничего у одной стороны, что рано или поздно не появилось бы у другой. Наступает время «одномерных чело-веков». Запущенная на полную мощь «психологическая война» кое-где сопровождается спорадическими вооруженными стычками. На третьем этапе противостояние дорастает до антагонизма. Обратной дороги нет, ибо на обеих сторонах правят идентично устраненные и настроенные лидеры, господствуют однотипные - хотя и с обратным знаком - «измы», применяются аналогичные методы. События отныне разворачиваются по принципу «зеркального» отражения. Такая динамичная статика, то есть борьба предоставленных самим себе идентичных противоположностей, - может продолжаться сколько угодно долго, и, в основном, военными средствами³.

Автор рассматривает более подробно детали представленной схематики развертывание межэтнического конфликта применительно к событиям в Молдове. Показательна в этом отношении и эволюция карабахского конфликта.

Как утверждают устные и письменные свидетельства очевидцев и участников, армянская и азербайджанская общины в Нагорном Карабахе при советской власти жили в состоянии «холодной войны» - взаимной вражды и отчуждения, время от времени приводящей к конфронтациям. Фактически это была предконфликтная фаза карабахского кризиса. Провозглашение Нагорно-Карабахской Республики (НКР) и последовавшие за этим массовое изгнание армян из Азербайджана и насильственные депортации азербайджанцев из Армении означали переход конфликта в стадию непосредственной армяно-азер-

¹ См.: Михайлов, В. А. Принцип «воронки» или механизм развертывания межэтнического конфликта / В. А. Михайлов // Социологические исследования. - 1993. - № 5. С.57.

² См.: Михайлов, В. А. Там же.

³ См.: Михайлов, В. А. Указ. соч. - С.57-58.

байджанской конфронтации. Попытки центра локализовать конфликт и заблокировать его в начале «горячей» фазы окончились провалом. Эволюция конфликта приводит к его критической стадии, на которой конфликтные воздействия между противоборствующими сторонами достигают максимальной остроты и силы. Одним из критериев подхода к критической точке можно считать интеграцию, однонаправленность усилий каждой из конфликтующих сторон, сплоченность групп, участвующих в конфликте. Критической стадией рассматриваемого нами карабахского конфликта можно считать конец 1992 - начало 1993 года, когда на наступление азербайджанских военизированных формирований на агдамском направлении и в Мардакертском районе НКР армянская сторона ответила взятием Шуши, прорывом на лачинском направлении, а затем предприняла широкомасштабное контрнаступление с переносом боевых действий непосредственно на азербайджанскую территорию, вследствие чего около 20% собственно азербайджанских земель перешло под контроль армянской стороны¹.

Важно знать время прохождения критической точки, так как после этого ситуация в наибольшей степени поддается управлению. В то же время вмешательство в критический момент, на пике конфликта бесполезно или даже опасно. Лучше воздействовать на ход развития конфликта либо до критического состояния, либо после него.

Важная характеристика этнического взаимодействия - его состояние. Состояние социального процесса, - пишет Н.С. Данакин - переменная, характеризующая его по критерию соответствия «норме». Состояние социального процесса может быть:

- оптимальным, т.е. соответствующим идеальной норме (идеальным требованиям);
- нормальным, т.е. соответствующим допустимой норме;
- ненормальным (аномальным), т.е., не соответствующим допустимой норме;
- патологическим, т.е. таким, когда несоответствие норме достигает крайних значений, что угрожает самому существованию данного процесса и он может перейти в свою противоположность.

Переход от одного состояния к другому нетрудно заметить на примере национального самоопределения. Этот процесс совершается нормально, если нация добивается своих прав, уважая такие же права у других наций. Если национальное самоопределение совершается путем нарушения равноправия наций, то оно уже становится аномальным. Если же этот процесс вызывает вооруженную борьбу между нациями, то он оказывается уже патологическим. Национальное самоопределение переходит в свою противоположность, т.е. национальное «самоистребление».²

¹ См.: *Востриков, С. В.* Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С. В. Востриков // *Общественные науки и современность.* - 2004. - С.75-79.

² См.: *Данакин, Н. С.* Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н. С. Данакин. - С.117-118.

Как считает Е.Г. Баранов, к патологическому состоянию этнического взаимодействия приводит искажение следующих черт национального характера:

1) особенностей восприятия нацией себя и окружающих социальных объектов, прежде всего других наций;

2) характера взаимоотношений внутри социальных групп, в первую очередь между гражданином и властью;

3) способов взаимоотношений с другими нациями¹.

Этнический конфликт, как и любой социальный конфликт, выполняет несколько функций, нередко исключаящих друг друга. Он может носить негативный, разрушительный характер, дестабилизировать отношения в социальных системах, разрушать социальные общности и межгрупповое сотрудничество. Этнический конфликт приводит:

- к аккумуляции отрицательных эмоций у враждующих сторон;
- к закреплению стереотипов и образов «врагов», тем самым формированию предпосылок для последующих конфликтов;

- к снижению уровня сотрудничества между сторонами конфликта или вообще отказу от него;

- к нарушению коммуникационных взаимосвязей;

- к ослаблению ценностно-ориентационного единства межгруппового взаимодействия;

- к нарастанию враждебности между конфликтующими сторонами;

- к неоправданной трате ресурсов (материальных, интеллектуальных и т.д.);

- к человеческим потерям и ухудшению условий жизни;

- к разрушению социальной системы.

Вместе с тем, этнические конфликты имеют и положительные функции. Конструктивные функции социального конфликта были впервые выделены и рассмотрены Л. Козером в его работе «Функции социального конфликта». Он выделил тринадцать функций². Предложенная им функциональная модель легла в основу классификаций, разработанных другими исследователями. С учетом этих классификаций предлагается выделить двенадцать конструктивных функций этнического конфликта:

1) социальная функция - конфликт способствует группообразованию, установлению и поддержанию нормативных и физических границ группы;

2) структурирующая функция- конфликт способствует установлению и поддержанию относительно стабильной структуры внутригрупповых отношений, содействует интеграции и идентификации, социализации и адаптации, как индивидов, так и групп;

3) коммуникативно-информационная функция- конфликт помогает членам группы правильно понять суть проблем, требующих разрешения, а также возможных для этого путей;

¹ См.: Баранов, Е. Г. Нациопатия - источник конфликтов / Е. Г. Баранов // Общественные науки и современность. - 1996. - № 6. - С.69.

² См.: Coser L. The Functions of Social Conflict.- N-V. 1956.P. 207.

4) предохранительная функция - конфликт играет роль «предохранительного клапана», способствуя выбросу отрицательных эмоций и напряженности в отношениях между сторонами;

5) связующая функция - в ходе конфликта стороны «проверяют», «узнают», «зондируют» друг друга, так что «ранее враждебное взаимодействие часто приводит к дружественному»;¹

6) адаптивно-стимулирующая функция - конфликт высвобождает социальное напряжение, усиливает способность группы к изменениям, стимулирует творческую активность;

7) мобилизационная функция- конфликт мобилизует все имеющиеся у сторон ресурсы;

8) стабилизирующая функция- конфликт способствует созданию и поддержанию баланса сил и, в частности, власти;

9) институциональная функция - благодаря конфликту возникают новые социальные институты и организации, защищающие интересы противоборствующих сторон или выполняющие посредническую миссию;

10) рекреационная функция - конфликты делают жизнь более интересной. Пребывание в конфликте часто пробуждает любознательность и стимулирует интерес. Конфликт нарушает привычный ход вещей, отвлекает от рутины;

11) диагностическая - возникающий конфликт сигнализирует о возникших в социальной системе дисфункциях;

12) перспективная функция- конфликт позволяет увидеть будущее, к которому придет организация, если ничего не предпринимать, и к чему можно прийти, если вмешаться в конфликт.

Подобное деление функций конфликта (как на положительные, так и на отрицательные) несколько условно. Все они взаимосвязаны, влияют друг на друга, вытекают друг из друга.

Знание и учет функций этнического конфликта имеет принципиально важное значение для обеспечения эффективности его регулирования. Смысл регулирования заключается при этом в трех взаимосвязанных действиях, а именно:

1) в ограничении и блокировании деструктивных функций этнического конфликта;

2) в содействии конструктивным (положительным) функциям конфликта;

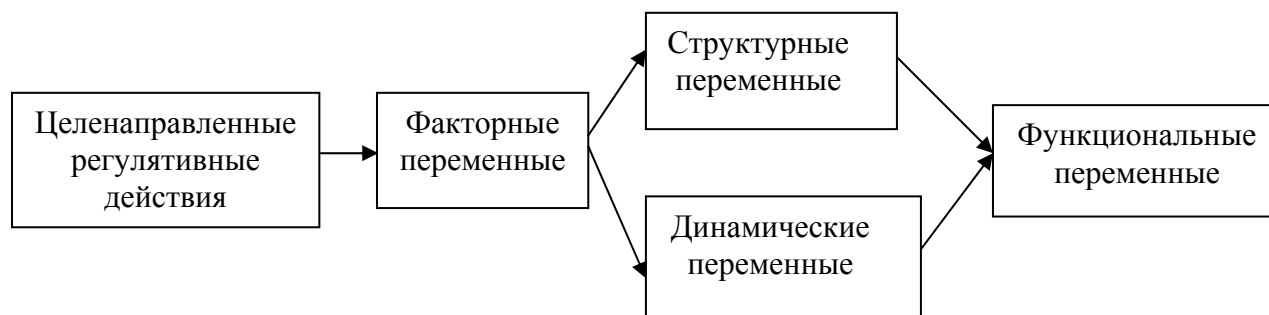
3) в поиске и использовании альтернативных механизмов реализации функций конфликтного взаимодействия. Так, например диагностическая функция может быть заменена функцией ранней диагностики этнической напряженности, адаптивно-стимулирующая функция - функцией этнического соревнования и т.д.

Функциональные переменные этнического конфликта непосредственно связаны с целями регулирования, его предполагаемыми результатами. Мы оказываем воздействие на структурные и динамические переменные конфликта с целью получения желательных результатов на уровне его функциональных пе-

¹ См.: Coser L. The Functions of Social Conflict, P. 122.

ременных. Однако между нашими целенаправленными действиями, структурно-динамическими переменными и функциональными переменными не хватает еще одного звена - факторных переменных конфликта. Регулирование конфликта образует четырехзвенную структуру: - целенаправленные действия - факторные переменные - структурные и динамические переменные - функциональные переменные. Субъект регулирования конфликта оказывает непосредственное целенаправленное воздействие на его факторные переменные, меняя посредством них структурные и динамические переменные, которые в свою очередь вызывают функциональное изменение конфликта, вплоть до его прекращения. Схематически представим это так.

Схема регулирования этнического конфликта

Завершая анализ этнических конфликтов как объекта регулирования, отметим следующее.

Во-первых, обоснование четких методологических позиций в отношении этнических конфликтов и их регулирования осложняется противоречивостью подходов к толкованию самого этноса как определенной социальной группы. Причем, основные «водоразделы» методологической интерпретации проходят по линиям «объективное и субъективное», «статичное и динамичное», «социальное и государственно-правовое». Анализ различных концепций этничности позволяет сделать вывод о том, что каждая из них раскрывает определенные стороны важные для ее понимания: неомарксизм - объективные основы этнических отношений; теории ресурсной конкуренции - условия и факторы их актуализации, появления межэтнической напряженности; символический интеракционизм - субъективную интерпретацию этих отношений, теории рационального выбора - мотивацию поведения индивидов в пространстве межэтнических отношений. Принимая в целом «динамическую» теорию этноса Л.Н. Гумилева, отметим определенный «позитив» и в альтернативной - «статической» - концепции, что проявляется, в частности, в ее широком использовании в практике государственного строительства. Нельзя не отметить определенные «плюсы» и в концепциях этнического релятивизма, которые основываются на очевидных тенденциях интернационализации общественной жизни и выступают за деполитизацию этнических отношений.

Во-вторых, в этнических конфликтах обнаруживается ряд характерных и повторяющихся черт, а именно: «первичность» этнического конфликта в отно-

шении других видов социальных конфликтов, историческая «константность» этнических конфликтов, функциональная обостренность, эмоциональная насыщенность, способность к быстрой и масштабной иррадиации.

В-третьих, разрушительные последствия этнических конфликтов актуализируют проблему их регулирования, что предполагает выявление тех их признаков, которые могут и должны быть подвержены изменению. Совокупность этих признаков включает структурные, динамические, функциональные и факторные переменные. Из структурных переменных выделены и рассмотрены конфликтные действия и взаимодействия (соперничество, сотрудничество, компромисс, оборона, отступление, уклонение), их предмет, субъекты конфликтного взаимодействия, из динамических - стадии (фазы) развития конфликта, его продолжительность, состояние. Выделены и рассмотрены также функции межэтнических конфликтов: как отрицательные (9 функций), так и положительные (12 функций).

В-четвертых, задачи регулирования межэтнических конфликтов связаны, в конечном счете, с их функциональным изменением, что достигается посредством воздействия на структурные и динамические переменные, что опосредовано в свою очередь направленными воздействиями на факторы конфликта. Мы оказываем непосредственное воздействие на факторные переменные, через них оно достигает структурных и динамических переменных. Их изменения сопровождается, как уже отмечалось, функциональным изменением конфликта, вплоть до его прекращения.

Определение функциональных, структурных и динамических переменных межэтнического конфликта - это только первый шаг к построению теории и технологии его регулирования. Следующий шаг - выявление и характеристика факторных переменных.

РАЗДЕЛ 2.

ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ПРАВИЛА УПРЕЖДАЮЩЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Регулирование конфликтов осуществляется прежде всего посредством двух видов действий: профилактических и коррекционных. Профилактические действия направлены на то, чтобы не допустить конфликт, когда есть реальная основа для его возникновения и развития. Коррекционные действия направлены на изменение, исправление ситуации, устранение или хотя бы ослабление появившегося конфликта. Первые действия имеют упреждающий характер, вторые - разрешающий (устраняющий).

Независимо от их характера, и те, и другие регулятивные действия могут быть успешно выполнены при условии знания и учета факторов, вызывающих этнические конфликты и оказывающих на них воздействие. Поэтому всесторонний анализ факторов этнических конфликтов, их взаимосвязи, особенностей действия имеет принципиально важное значение для обоснования эффективных механизмов их упреждающего и корректирующего регулирования.

В научной литературе представлены различные подходы к исследованию причин (факторов) этнических конфликтов. Так, в зарубежной и, прежде всего, англо-американской литературе широкое распространение получила натуралистическая концепция этнического конфликта. Она приписывает народам «всеобщую тенденцию преувеличивать различия между членами тех или иных культурных и этнических групп» и верить в «превосходство предполагаемых свойств своей группы над предполагаемыми свойствами другой группы» (этноцентризм). Сторонники данной концепции рассматривают этноцентризм (разновидностями которого являются расизм, национализм и т.п.) как «в существе своем психологическое явление, коренящееся в структуре личности» и имеющее, как правило, бессознательный характер¹.

Американский историк Б. Шейфер утверждает в книге «Облики национализма», что национализм «уходит своими истоками в нервные центры людей, он вызывает и приятно волнует их эмоции, он порождает надежды и уменьшает страхи»².

В отечественных исследованиях преобладают другие методологические ориентации и, прежде всего, ориентация на комплексную характеристику факторов этнического воздействия. Так, авторы коллективной монографии «Этнические процессы в современном мире» пишут: «Этнические процессы развиваются под воздействием многих факторов, которые могут иметь внутриэтнический, этнический и внеэтнический характер»³.

Рассматривая непосредственно межнациональные противоречия и конфликты в России, В.Г. Бабаков, Е.В. Матюшина и В.М. Семенов пишут: «Причины межнациональных конфликтов многообразны. В одних случаях это сло-

¹ См.: Richmond A. The Colour Problem, London, 1961, P.19, 20.

² См.: Shafer B. Faces of Nationalism, N., Y., 1972, P.336.

³ См.: Этнические процессы в современном мире. - М. : Наука, 1987. - С.21.

жившееся социально-экономическое неравенство регионов; в других - национально-государственное неравноправие народов; в-третьих - культурно-языковая ущемленность этносов; в-четвертых - перспектива этнического самоуничтожения в результате разрушения экологической среды и т.д. В различных регионах произошло тесное переплетение всех этих и других дестабилизирующих факторов, обусловивших в конечном итоге тотальный кризис межнациональных отношений, необходимость их радикального обновления»¹.

«Национальные движения по своим объективным задачам являются столь многомерными, - отмечает А.М. Юсуповский, - что и национальные проблемы и противоречия, их породившие. Они, во-первых, являются попыткой сохранить и развить свое этническое своеобразие, сохранить «идентичность», во-вторых, - модернизацией механизмов развития и воспроизводства социумов (начиная от системы образования и кончая механизмами внедрения инноваций в области технологии); в-третьих - это попытка дать шанс проверить себя и свои концепции у государственного руля новым социальным силам и их лидерам взамен старых, продемонстрировавших свою несостоятельность перед лицом новых реальностей»².

Автор выступает против упрощенного диагноза этнических проблем и противоречий, паразитирующего на интерпретации какого-либо одного момента. К таковым относит он, в частности, вульгарно-материалистическое сведение проблем к вопросам экономики, когда неразвитость экономической структуры, либо дефицит товаров проецировались на межнациональные отношения. Искажениями реальной картины являются также односторонние концепции «религиозного фактора» и «атеистического интернационализма».

Все эти факторы, по мнению А.М. Юсуповского, могут выступать как сопутствующие конфликту, производные от него, вторичные, но не являются первопричиной. В то же время есть такая сфера общественной жизни, в которой фокусируется взаимодействие различных факторов. Такой сферой выступает политика. «Практически все разнородные национальные движения политизируются, вовлекаются в политический процесс, в борьбу за власть. Именно политика является основным средством создания механизмов разрешения объективно возникающих противоречий в национальных отношениях всех уровней. Именно политические вопросы стали центральными вопросами, от ответа на которые зависит разрешение всех национальных проблем»³.

Большая часть населения была склонна усматривать причины межнациональных конфликтов в происках местной и центральной политических элит, при этом мнения об ответственности местных политических лидеров за разжигание национальных конфликтов оказалось в 2,5 раза более распространенными по сравнению с обвинениями в адрес центральных властей.

¹ См.: Бабаков, В. Г. Межнациональные противоречия и конфликты в России / В. Г. Бабаков, Е. В. Матюшина, В. М. Семенов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 8. - С.16-17.

² См.: Юсуповский, А. М. Нация и власть в условиях дезинтеграции СССР / А. М. Юсуповский. - М. : Знание, 1992. - С.10-11.

³ См.: Юсуповский, А. М. Указ. соч. - С.11.

Важно обратить внимание и на остальные позиции: 13% респондентов признались в собственной некомпетентности и нежелании определяться по столь важному вопросу государственной политики; 9,7% избрали классическую демократическую формулу, согласно которой все беды начинаются от Октября 1917 г. и от КПСС; наконец, 8,3% избрали позицию, которую можно охарактеризовать как этноцентристскую.

Таким образом, возникновение и обострение межличностных конфликтов связаны с действием множества факторов. Анализ теоретических источников, данных прикладных социологических исследований дает основание для выделения и рассмотрения десяти групп факторов этнических конфликтов:

- 1) цивилизационных;
- 2) культурно-исторических;
- 3) экономических;
- 4) демографических;
- 5) социокультурных;
- 6) социально-правовых;
- 7) социально-статусных;
- 8) социально-психологических;
- 9) идеологических;
- 10) политических.

Систематизация факторов этнических конфликтов, уяснение их соотношения являются, как уже выше отмечалось, предпосылкой эффективного упреждающего и корректирующего регулирования.

1. Цивилизационные факторы. Существует группа факторов, понять механизм действия которых можно лишь анализируя противоречия развития современной цивилизации¹. В области национальных отношений мы оказались просто вовлечены в поток цивилизационных процессов, как и многие многонациональные страны, независимо от их экономического или политического строя (Индия, Шри-Ланка, Канада, Ливан, Бельгия, Югославия и др.). Можно еще долго перечислять страны, в которых иногда не было социалистических революций, и партии большевистского толка не стояли у власти ни дня, чтобы понять, что упрощенные трактовки, сводящие причины национальных конфликтов к результатам деятельности большевиков, односторонни и имеют к объективному научному анализу косвенное отношение.

Цивилизационные причины национальных проблем и порождаемых ими конфликтов связаны и с противоречиями интернациональных процессов, ставящих перед народами вопрос об их выживании и развитии в изменяющихся условиях и со стремлением людей сохранить свою «идентичность» и «корни»². Это также вопросы о создании механизмов, способных взаимно увязывать и

¹ Специальному анализу цивилизационных факторов межэтнических конфликтов посвящена статья Я.Г. Шемякина. См.: *Шемякин, Я. Г.* Этнические конфликты: цивилизационный ракурс / Я. Г. Шемякин // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 4. С. 49-61.

² См.: Об этом более подробно: *Бондаренко, О.* Философия выживания этноса : в 3-х кн. / О. Бондаренко. – Бишкек : Илим, 1998-2004; *Шадже, А. Ю.* Этноэкология и проблемы выживания человечества / А. Ю. Шадже // *Социально-политический журнал*. - 1996. - № 6. С.35.

направлять динамику развития личности, этноса, нации, государства, культуры. Это вопросы о способах и путях интеграции различных обществ в международное разделение труда, различные политические, экономические, культурные структуры, в человечество. Наконец, это вопросы и противоречия, связанные с различным отношением к способам, темпам и формам включения в цивилизационные процессы со стороны разных сил, партий, групп. Идеология традиционалистов и вестернизаторов, установки народов христианской и мусульманской культур, принципы сторонников социалистического выбора и носителей альтернативных взглядов - все это можно отнести к цивилизационным факторам этнических процессов в целом и межэтнических конфликтов, в частности.

2. Культурно-исторические факторы. Неудачный исторический опыт межнационального взаимодействия превращается нередко в своеобразную «мину замедленного действия», подведенную под нынешнее их состояние¹. Так, в отношении карабахского конфликта она была установлена и «введена» еще в начале нынешнего века, после крушения Османской и Российской империй, на территориях которых компактно проживали, не имея собственной государственности, около 4 млн. армян, в том числе в России примерно 1,5 млн. человек, в Турции - более 2,5 млн. Происходила «перекройка» земель Передней Азии и Закавказья. Фактически армянские земли послужили «разменной монетой» в территориальном разделе и сближении между советской Россией и кемалистской Турцией. В соответствии с Московским договором, подписанным 16 марта 1921 года, Анкара, получила права на районы Карса и Ардагана, входившие ранее в состав России. По этому же договору под протекторат Азербайджана передавалась Нахичеванская область, являвшаяся ядром исторических армянских земель. Формальным поводом послужило то, что вследствие геноцида 1914-1916 годов в Западной Армении и резни армян в Баку, Нахичеване и Шуше в 1918-1921 годах численность армянского населения здесь сократилась вдвое².

3. Экономические факторы. Межнациональные конфликты возникают в связи с сохранившимися существенными различиями между республиками и регионами России в уровнях социально-экономического развития. Если достаточно высоким народнохозяйственным потенциалом обладают Татарстан и Башкортостан, то на низком уровне экономического развития и «качества жизни» находятся другие регионы (например, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Марийская республика). Разрыв максимальных и минимальных показателей на душу населения между регионами составлял (в конце 90-х годов) по производству национального дохода в 7 раз, по выпуску товарной продукции промыш-

¹ Культурно-исторические факторы межэтнических конфликтов рассмотрены в работах А.Н. Дронченкова, В.С. Полянского, З.В. Сикевиц. См.: *Дронченков, А. Н.* Русские между прошлым и будущим / А. Н. Дронченков / Социально-политический журнал. - 1993. - № 4. - С.37-38; *Полянский, В. С.* Историческая память в этническом самосознании народов / В. С. Полянский // Социологические исследования. - 2004. - № 3. С.16-17; *Сикевиц, З. В.* «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян / З. В. Сикевиц // Социологические исследования. - 2004. - № 1 - С.25-27.

² См.: *Востриков, В. С.* Карабахский кризис и политика России на Кавказе / В. С. Востриков // Общественные науки и современность. - 2004. - № 3. - С.75.

ленности и валовой продукции сельского хозяйства в 10, по уровню рентабельности промышленного производства в 4,7 раза. Аналогичное положение сложилось и в социально-бытовой сфере: в расчете на душу населения различия по обеспечению жильем - в 2 раза, детскими дошкольными учреждениями - в 3,7 раза¹.

Проанализировав нынешнее состояние и особенности экономики этнопроблемных регионов, В.В. Степанов приходит к следующим выводам. Этнопроблемные регионы пока сильно отличаются от остальной части России по уровню и типам разгосударствления экономики. В них сравнительно хуже развивается малое предпринимательство. Уменьшаются объемы капитальных вложений, особенно, в Адыгее, Туве, Осетии, Калмыкии. Иностраннные инвестиции также следуют в обход этнопроблемных регионов. Снижается розничный товарооборот, происходит падение объема рыночных потребительских услуг. Объемы промышленного производства, при некоторой стабилизации в РФ, в этнопроблемных регионах продолжает снижаться. К числу самых кризисных относятся Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия. Здесь товарное производство сокращается, чуть ли не на 15-20% ежегодно, начиная с 1991 года².

Различия в уровнях и темпах экономического развития национальных республик и регионов дают основание для негативных оценок состояния межнациональных отношений, стимулируют рост конфликтности. Сравнительно более продвинутые национальные республики чувствуют себя ущемленными в отношении социальной справедливости, менее продвинутые - в отношении социального равенства. «Фактическое равенство» народов, декларируемое официальной пропагандой, не выдержало проверки фактами реальной действительности. Неспособность центральных властей реально улучшить жизненный уровень местного населения, как справедливо отмечает американский политолог С. Берг, стимулировала стремление каждой нации решать стоящие перед ней проблемы, рассчитывая на собственные возможности³.

Причем ситуации здесь складываются подчас намного сложнее и противоречивее, чем может показаться на первый взгляд. Характерен в этом отношении пример с Нагорным Карабахом. К началу 80-х годов Армения ощутимо превосходила Азербайджан по большинству среднедушевых показателей уровня жизни: производство товаров народного потребления составляло соответственно 1190 и 635 руб.; средняя величина денежных вкладов - 1868 и 1195 руб.; розничный товарооборот в сельской местности - 405 и 278 руб.; средняя продолжительность жизни - 73,3 и 69,9 года⁴.

¹ См.: Бабаков, В. Г. Межнациональные противоречия и конфликты в России / В. Г. Бабаков, Е. В. Матюшина, В. М. Семенов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 8. - С.18-19.

² См.: Степанов, В. В. Особенности экономики этнопроблемных регионов / В. М. Семенов // Социологические исследования. - 2000. - № 2. - С.73.

³ См.: Burg S.L. The Soviet Union Nationalities Question // Current Histroy. 1988/October. P.- 320.

⁴ См.: Народное хозяйство СССР в 1986; Народное хозяйство СССР за 70 лет. - М., 1987. - С.28-31.

Социально-экономические различия правомерно расценивались как одна из предпосылок карабахского кризиса. Но суть проблемы заключалась даже не в том, что армяне Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) жили хуже, чем их соседи - азербайджанцы. Напротив, по целому ряду параметров уровень жизни первых был несколько выше соответствующих показателей вторых. Однако армяне НКАО хорошо знали, как живут их единокровные братья Армении и, естественно, полагали, что при достижении самостоятельности они смогут обеспечить собственное благосостояние, значительно улучшить условия жизни. Уровень жизненного стандарта Армении служил для них своего рода маяком и ориентиром, на который следовало равняться. В то же время неудовлетворительные, по их мнению, жизненные условия объявлялись результатом экономической политики Баку¹.

Как справедливо замечает С.В. Востриков, объяснение экономических просчетов или объективных трудностей национальным притеснением, жесткой административной «опекой» со стороны доминирующего этноса (или даже государства) достаточно типично для такого рода ситуаций и весьма распространено. Совершенно аналогично, например, воспринимало в свое время население бывшей ГДР собственное социально-экономическое положение, сравнивая его с тем уровнем жизни, который был у них, что называется, перед глазами - в «соседней ФРГ»².

Сами по себе различия в уровне социально-экономического развития этнических территорий, на наш взгляд, не приводят к конфликтам. Такие различия - обычное явление в состоянии и развитии межнациональных отношений. Они приобретают конфликтный характер при наличии еще трех взаимосвязанных факторов: неудовлетворительных социальных сравнений, неоправдавшихся ожиданий и синдрома чужой вины.

Эффект неудовлетворительных социальных сравнений проявляется в том, что этническая группа ощущает себя ущемленной в сравнении с другими группами, которые живут лучше и успешно развиваются. Она тоже могла бы жить лучше и развиваться, но «что-то» мешает этому.

Этнос может и смириться со сравнительно низким уровнем социально-экономического развития, если он не связан с неоправдавшимися ожиданиями социального равенства или социальной справедливости. Повышение чувствительности к равенству и справедливости, формируемое целенаправленно коммунистической идеологией, не могло не вызвать у этнических групп ущемленности в условиях очевидности реальных различий в уровнях этнического развития.

Комплекс конфликтных факторов дополняется синдромом чужой вины, т.е. приписыванием вины за собственное ущемленное положение другим этническим группам. Психологически легче переложить ответственность на других, чем взять ее на себя.

¹ См.: Востриков, С. В. Указ. соч. - С.76.

² См.: Востриков, С. В. Указ. соч. - С.76.

4. Демографические факторы. В числе этих факторов - изменение этнонационального состава той или иной территории. Так, в период 1921-1982 годов абсолютная численность армян в Нагорном Карабахе постоянно уменьшалась из-за активной миграции в города. Азербайджанское население практически не было вовлечено в процессы урбанизации. Кроме того, у него отмечались значительно более высокие темпы естественного прироста. Вследствие этого соотношение национальных групп в НКАО стало достаточно быстро изменяться в пользу тюркоязычного этноса. Это было устойчивой и постоянно прогрессирующей тенденцией.

Представляется, что именно подобная тенденция изменения национального состава жителей региона сыграла решающую роль в формировании карабахского кризиса. В контексте предшествующего исторического процесса, на фоне утвердившейся динамики изменения пропорций этнонационального состава сама «карабахская проблема», если вынести за скобки и морально-нравственные и этические аспекты, по мнению некоторых исследователей, может «сводиться к животному стремлению народа выжить, уцепиться на последнем рубеже. Это инстинкт самосохранения, который находится «по ту сторону добра и зла», который внеположен нравственности, как и само национальное начало, понимаемое в биологически-этническом смысле»¹.

В зависимости от сферы жизнедеятельности и типа активности могут быть выделены различные типы этнической миграции и мигрантов. Например, для зон этнических конфликтов характерны такие группы мигрантов, как беженцы, репатрианты. Для регионов со стабильной системой этнических отношений характерны потоки мигрантов деловой активности (включая труд, образование, коммерческую деятельность и т.д.); потоки мигрантов компенсаторной активности (лица, стремящиеся компенсировать перекосы снабжения и распределения активностью перемещений в географическом и отчасти социальном пространствах); мигранты криминогенной активности. Для мирного состояния этнических отношений, но в аномальной экологической среде, могут быть характерны, наряду с перечисленными группами, и такие группы этнических мигрантов, как экологические переселенцы (форма принудительной миграции), экологические репатрианты².

5. Социокультурные факторы. Эти факторы связаны с неравенством и ограничениями в культурном развитии этносов и, в частности, в развитии этнических языков. Так, например, армяне в НКАО имели право на использование родного языка. Однако сфера его применения была жестко ограничена. Продолжительность вещания местного радио- и телевидения на армянском языке

¹ См.: Лезов, С. Сколько стоит «неумение найти и сказать правду?» / С. Лезов // Социум. - 1992. - № 8. - С.24.

² См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - М. 1993. - С.129-130. Влияние демографического фактора на межнациональные отношения достаточно полно показано в работах А.В. Топилина. См.: Топилин, А. В. Влияние миграции на этнонациональную структуру / А. В. Топилин // Социологические исследования. - 1992. - № 7 - С.35-34; его же. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования. - 2005. - № 7 - С.22-23.

определялась и регламентировалась Баку. Телепередачи из Еревана не принимались. Курс истории своего народа был исключен из школьных программ, вместо него в административном порядке было введено изучение «Истории Азербайджана». Учителя готовились только в Баку или Степанакерте, направление педагогов для подготовки в вузы Армении запрещалось. В качестве государственного языка функционировал только азербайджанский. А ведь знание официального языка - один из важнейших маркеров принадлежности к титульной группе. Именно этим обуславливались ограничения вертикальной социальной мобильности по национальному признаку, права на получение определенных профессий.

Как показывает анализ развития культуры народов за более чем 70-летний период, корни большинства наших сегодняшних проблем в сферах языка и культуры уходят к худшим временам Российской империи. Далее последовала цепь ошибок в ходе так называемого социалистического строительства с самого начала и до конца 80-х годов. Она усугубила уже существовавшие проблемы, так как напряжения в сфере взаимодействия национальных культур и возникающие спонтанно конфликтные ситуации жестко подавлялись. Все это вело к накоплению нерешенных, загнанных вглубь проблем.

В настоящее время развитие культурно-языковых процессов происходит неровно и противоречиво. Во всех странах СНГ и автономных республиках Российской Федерации оформилась национальная интеллигенция. При этом рост числа студентов в республиках сопровождается существенными изменениями в его национальном составе. Представительство молодежи коренной национальности в большинстве республик превышает ее долю в составе населения. В Якутском государственном университете, например, в 1986 г. на дневном отделении якуты составили 79,5%, в то время как среди населения Якутской АССР на их долю приходилось 31,1%. В алма-атинских вузах число студентов казахской национальности достигло 75-80%, в то время как казахи в республике составляли 42%. Подобного рода диспропорции вели к межнациональному напряжению, так как в этих республиках игнорировались культурные запросы и стремление к получению высшего образования представителей других национальностей. В художественной литературе и искусстве, исторических и других научных трудах усиливался акцент на значимости национальной самобытности, оправдывались территориальные притязания, приукрашивалась история одних народов и принижалась роль других. Сегодня такие идеи находят отклик в широких слоях населения различных этнических образований, становятся идеологической основой этноцентризма.

Интернационализация культурной жизни народов России сопровождалась ростом национального самосознания. В настоящее время эти две тенденции столкнулись. Деформация национальных культур под влиянием насильственных процессов «интернационализации», их унификация и упрощение вызывают болезненные реакции у представителей многих народов Российской Федерации. Там, где эти деформации наиболее очевидны, часть национальной интеллигенции принимает политику интернационализации настороженно, а часть рассматривает ее как угрозу утраты национальной самобытности, культуры,

языка и т.д. Отсюда возрождение традиционализма, протесты против русского языка как средства межнационального общения, стремление замкнуться в рамках национальной культуры, ослабление взаимообогащающих связей национальных культур.

Важным социокультурным фактором этнической напряженности является аккультурация. Все большее распространение получают такие социокультурные процессы, в результате которых представители того или иного народа, утратив свою традиционную этническую культуру и родной язык, так и не приобщаются к какой-либо другой национальной культуре, к ее ценностям. В процессе модернизации (перехода общественных структур от традиционного состояния к современному) с углублением разделения труда и ускоренным развитием рыночных отношений) основным субъектом аккультурации становятся маргинальные слои, группы, страты и мигранты. Речь идет о том, что в процессе миграции населения со своей этнической территории, вызванного экстенсивным развитием экономики страны, образуется масса людей, которая, с одной стороны, теряет основополагающие черты своего этноса, а с другой - еще не приобрела устойчивых свойств вновь сложившихся сообществ. Именно эта группа, значительную часть которой составляют малоквалифицированные (в том числе и сезонные) работники преимущественно физического труда, создает питательную среду для возникновения национальной напряженности, обострения проблемы взаимодействия культур, двуязычия, контактов местного и приезжего населения¹.

6. Социально-статусные факторы. Эти факторы связаны с местом этнических групп в общенациональном разделении труда. Они выражаются в различиях в содержании и характере труда, размерах и способах общественного вознаграждения за труд, возможностях реализации материальных и духовных потребностей, количестве, структуре и использовании нерабочего времени и т.д. Эти различия становятся источником противоречий и конфликтов в национальных отношениях.

Во-первых, на практике сложилась такая ситуация, что правом выбора привлекательных, престижных, «выгодных» профессий пользуются преимущественно представители коренной национальности республик, регионов. В то же время в ряде мест социальная структура национальных меньшинств отличается высокой долей занятых физическим трудом и значительно более низкой долей по сравнению с коренным населением занятых в управлении, науке, культуре, просвещении и т.д. В последнее время своего рода дискриминация «мигрантов» может усилиться в связи с введением статуса государственных языков в республике.

Справедливости ради надо сказать, что в некоторых регионах сложилась обратная ситуация. Например, исследование башкирских социологов показывает, что в Башкортостане представительство национальностей в той или иной отрасли деформировано в ущерб титульной этнической группы. «Так, башкиры как бы закреплены за сельским и лесным хозяйством, а русские за наукой и

¹ См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - С.124-126.

промышленностью, татары - за торговлей, кредитованием и страхованием»¹. Такая закрепленность повлекла за собой три последствия:

1) этнические общности обладают разным культурно-техническим потенциалом;

2) этнические общности испытывают неодинаковое стимулирующее воздействие к росту, повышению квалификации со стороны производства;

3) сферы деятельности оказывают существенное влияние и вместе с тем различное влияние на образ бытия, способы удовлетворения материальных и духовных потребностей, здоровье этнических общностей.

Во-вторых, известно, что за годы советской власти все народы России получили возможность приобщиться к современной культуре и получить образование. Однако этот позитивный процесс породил ряд проблем и противоречий в формировании социально-профессиональной структуре различных этносов. Так, все более прочно утверждалось положение, согласно которому преимущества при поступлении в учебные заведения стали получать представители коренного населения. В результате рост студенчества в республиках сопровождался существенными изменениями в его национальном составе.

В-третьих, одной из предпосылок роста этнической напряженности и углубления взаимного недоверия является узурпация разного рода привилегированных социальных ниш и ключевых постов представителями одной этнической группы в ущерб другим. В условиях номенклатурной кадровой политики и преобладания патриархально-земляческих связей подобная практика получила широкое распространение в различных регионах Закавказья и Центральной Азии, особенно в регионах проживания этно-конфессиональных меньшинств. Фактически повсеместно руководящие должности в управленческих структурах занимали представители доминирующего этноса республики, назначаемые сверху. Причем, нередко кооптируемые «аппаратчики» представляли не только «коренное» большинство, но и круг лиц, приближенных к первому секретарю, парторганизации республики, были связаны с ними родственными, племенными и земляческими узами.

В-четвертых, изменения, происходящие в обществе, серьезно подрывают позиции национальной и земляческой бюрократии, ставят под сомнение социальную роль и компетентность групп национальной интеллигенции, получивших свой социальный статус преимущественно по принадлежности к коренной национальности. Занявшие удобную национальную нишу в системе межрегионального разделения труда, эти социальные группы упорно борются не только за свое выживание, но и приобретение функций власти.

В-пятых, следует обратить внимание и на другую тенденцию. Быстрый рост национальных кадров интеллигенции породил серьезные проблемы в их трудоустройстве. Больше половины выпускников вузов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока работают не по специальности, заполняя многочисленные, в большинстве ненужные, управленческие учреждения. В 80-е годы среди

¹ См.: *Ирназаров, Р. И.* О связи экономических и межнациональных отношений / Р. И. Ирназаров // Социологические исследования. - 2003. - № 8. - С.58.

малочисленных народов не были распределены на работу около 19% выпускников вузов и более 40% окончивших средние специальные учебные заведения, почти половина всех подготовленных учителей. В общественном производстве не были заняты тысячи представителей разных народов, имеющих высшее и среднее специальное образование. Многие из них ведут праздный, а порой и паразитический образ жизни. Вся эта масса профессионально несостоявшихся людей стала «гремучей смесью» целого ряда межнациональных конфликтов в горячих точках России и других странах СНГ. Эти представители национальной интеллигенции, не принося своему народу никакой пользы, стали активными участниками экстремистских митингов и демонстраций в более спокойных регионах.

В-шестых, сохраняется напряженность на рынках труда национальных окраин. Если в начале 2000 года напряженность на рынке рабочей силы (численность зарегистрированных безработных в расчете на одну вакансию) составила в целом 2,5 человека по Российской Федерации, то в Республике Калмыкия этот показатель равнялся 37,4, в Ненецком автономном округе - 41,8, Красноярском автономном округе - 97,1, Республике Ингушетия - 184,4, Агинском Бурятском автономном округе - 2495 человек¹.

7. Социально-правовые факторы. Попустительство и порой соучастие центральных инстанций способствовали формированию в регионах «теневой» экономики и соответственно «теневой» социальной структуры. Многомиллионные хищения и массовое взяточничество породили мафиозные кланы по этническому и родовому принципу. Их поведение создавало у людей искаженные понятия о морали и нравственности, представления о вседозволенности и безнаказанности. На этой социальной почве стали расти новые организованные преступные группы. По свидетельству правоохранительных органов, по национальному признаку в ряде мест сформировались сообщества людей с различным социальным статусом, объединенных идеей преступного промысла и последовательно реализующих ее в иерархической системе противоправной деятельности. Особую обеспокоенность вызывает сращивание этих иерархических структур с государственным аппаратом.

К числу «теневых» или «несистемных» социальных иерархических структур относится обычай обязательной взаимопомощи представителей родовой или этнической общности в продвижении по службе, устройстве на «выгодную» или престижную работу, поступлении в вуз и т.п. Такая же этническая взаимопомощь распространена и во многих структурах, связанных с «теневой» экономикой. В преступные сообщества вовлекаются люди, принадлежащих к определенным родовым или этническим группам. Причем обычаи и традиции обязывают родовых членов этих сообществ подчиняться их лидерам - «крестным отцам» и «аксакалам». Такого рода «теневые» структуры становятся неотъемлемой частью всей системы внутринациональных и межнациональных отношений, умело, приспособляясь к изменению социальных ситуаций. Не

¹ См.: Основные показатели деятельности органов государственной службы занятости. - М. : Минтруда и социального развития РФ, 2000. - С.41-42.

участвуя напрямую в противоправных действиях, лица, находящиеся на разных этажах «теневых» иерархических сообществ, становятся практически неуязвимыми для преследования со стороны правовых органов¹.

Особо следует сказать о криминальном аспекте, связанном с деятельностью диаспор. Так, по данным УВД г. Москвы, в 1996 г. на территории Москвы и Московской области зафиксирована деятельность 7 этнических общин, которые в свою очередь состоят из 116 преступных группировок. Среди них наиболее значительными являются: азербайджанская - 32 группировки, дагестанская и чеченская - по 20, армянская - 17, осетинская - 9, ингушская - 4 группировки².

8. Социально-психологические факторы. При диагностике причин этнических конфликтов особо следует выделить роль социально-психологических факторов³. Так, например, в случае карабахского конфликта они самым непосредственным образом связаны с укоренившейся в самосознании армянского этноса концепцией цивилизованности, которая основывается на представлении об армянстве как одном из древнейших народов мира, наследнике античной культуры, выполняющем просветительско-цивилизаторскую миссию в регионе. Отсюда же - ощущение армянами НКАО постоянного психологического дискомфорта, внутреннего беспокойства и напряженности, обусловленного пониманием себя в качестве инородного тела, искусственно вмонтированного в чужеродный цивилизационно-культурный пласт. Разнотипность политических культур мира ислама и христианского мира, естественно, отразилась на характере взаимоотношений и восприятии друг друга двумя этническими группами, проживающими в регионе. Пример «старшего брата» (Армении, обладающего несравненно более высоким статусом, уровнем жизни, степенью защищенности) был, что называется, перед глазами и делал особо притягательным и популярным идею «миацума», т.е. воссоединения с Арменией.

Иррациональное восприятие угрозы утратить самооценку и переживание «исторических несправедливостей», имевших место в прошлом, создавали благоприятные условия для этнической мобилизации и консолидации сил каждой из конфликтующих сторон, стимулировали жесткость позиций и экстремизм этнических требований. Сработала «реакция обеспокоенности», которая, по определению американского исследователя Д. Горовица, проистекает из-за распространения гипертрофированного чувства опасности и способна инициировать «крайние действия в ответ на довольно умеренные угрозы»⁴. Скоротеч-

¹ См.: Бабаков, В. Г. Национальные противоречия и конфликты в России / В. Г. Бабаков, Е. В. Матюшина, В. М. Семенов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 8. - С.14-25.

² См.: Тощенко, Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чептыкова // Социологические исследования. - 1996. - № 12. - С.40.

³ См.: Иванов, В. Н. Межэтнические конфликты: социопсихологический аспект / В. Н. Иванов // Социологические исследования. - 1992. - № 4 - С.37; Крицкий, Е. В. Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности (Северная Осетия) / Е. В. Крицкий // Социологические исследования. - 1996. - № 9. - С.116-122; Шестопал, Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопал, Е. О. Брицкий, М. В. Денисенко // Социологические исследования. - 2004. - № 4. - С.47.

⁴ См.: Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985. P. 324.

ность развития карабахского кризиса и быстрый переход конфликтующих сторон к самым крайним средствам борьбы, т.е. к убийствам и насилию, во многом, по нашему мнению, объясняются именно этим обстоятельством.

Иногда на национальную почву переносится ощущение каких-то нереализованных ожиданий в конкретных жизненных ситуациях. В таких случаях предупреждение нежелательных явлений в межнациональном общении зависит от регулирования социальных проблем, актуальных для современного этапа развития общества (соотношения спроса и предложения на конкретные виды труда, профессиональной ориентации молодежи, дальнейшего расширения жилищного строительства, улучшения бытового обслуживания).

Нельзя сбрасывать со счетов и роль этнического соперничества. Характерно с этой точки зрения обострение взаимоотношений между фламандцами и валлонами, образующими население современной Бельгии. Это обострение объясняется снижением этнокультурного значения валлонских провинций и экономическим подъемом Фландрии, соперничеством валлонской и фламандской буржуазии, а также растущей долей фламандско-язычного населения в Бельгии, отличающегося более высокой рождаемостью.

К числу социально-психологических факторов этнических конфликтов следует отнести и разрушение традиционного сознания некоторых этнических групп.

Так, например, апогей всестороннего прессинга на этническое сознание малых народов Севера приходится на 60-80-е годы. Связано это с тотальным наступлением на этнические культуры малочисленных народов, массовым уничтожением селений, т.е. разрушением пространственной структуры этноса, насильственным переводом кочевого населения на оседлость, отменой преподавания на родных языках, разрушением традиционной системы брачных отношений и семьи, введением интернатского воспитания, официальной установка на естественную ассимиляцию, аксиологическим подходом к духовной культуре с позицией классовой морали. По данным опроса экспертов, который проводился В.Г. Бабаковым¹ в нескольких регионах Сибири, стрессовое состояние этнического сознания в этот период проявлялось в постоянно усиливающемся ощущении ущербности своей этнической культуры в целом. Молодежь стала стыдиться своей этнической принадлежности. Несмотря на северные льготы, молодые северяне (особенно те, которые родились в национально смешанных семьях) стремились хотя бы формально сменить свою национальность, на индивидуальном уровне снять стрессовое состояние психологическим бегством из своей непристижной этнической среды.

9. Идеологические факторы. Этнические конфликты вызываются и подогреваются националистической идеологией (национализмом), для которой характерно признание исключительности собственной нации и ее преимущественных прав по отношению к другим нациям. Характерно в этом отношении развитие отношений между русскими и чеченцами.

¹ См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - С.172-173.

Объявление независимости России открыло возможность для развития национального самосознания народов нашей страны. При этом взаимное национальное восприятие русских и чеченцев развивалось в направлении формирования «образа врага». В национальном сознании чеченцев этот образ латентно присутствовал и ранее. Перестройка национального сознания русских началась после осознания того, что в СССР они были эксплуатируемым народом. Они и раньше видели более высокий уровень жизни на национальных окраинах, но только разделение Советского Союза на самостоятельные государства показало действительное территориальное распределение производства и потребления. Действия национальных преступных группировок ускорили этот процесс. Россияне считали, и во многих случаях обоснованно, что каждая подобная группировка имеет поддержку соответствующего национального руководства. Таким образом закладывались когнитивные основы нациопатии в сознании чеченцев и русских.

Аффективное подкрепление данных когнитивных образований у них происходило по-разному. Социальное сознание россиян определялось борьбой демократических и тоталитарных тенденций, проблемами формирования рыночных отношений. Национальные проблемы стояли далеко не на первом месте и не вызывали большого эмоционального отклика. В Чечне нагнетали антирусские настроения. Руководство республики и подконтрольные ему средства массовой информации внедряли в сознание чеченцев идею об их угнетенности. Проводились грандиозные антирусские политические шоу, сопровождавшиеся боевыми плясками. Кроме того, активно использовался большой эмоциональный потенциал ислама.

Массированное психологическое воздействие Д. Дудаева, который и в дальнейшем показал себя мастером психологической войны, привело к формированию у чеченцев устойчивого комплекса национальной неполноценности и к включению механизмов его компенсации. Население стало восприимчивым к идее национальной исключительности, начало претворять ее в жизнь, т.е. ограничивать права русскоязычной части. Массовый отъезд русскоязычных специалистов вызвал паралич промышленности. Культивирование «образа врага», российской угрозы и своей богоизбранности привело к милитаризации и к участию в военных авантюрах (Абхазия). Вызванные этим экономические проблемы стали решаться преступным путем (фальшивые авизо, контрабанда наркотиков и оружия, рэкет и т.п.) - ради национальной идеи все средства хороши. Началась тотальная криминализация населения, чеченцы вернулись к средневековому промыслу своих предков - грабежу. Деградация экономической, социальной и психической жизни представлялась следствием происков Москвы. Нациопатический круг замкнулся¹.

Сегодня прежде всего следует избавиться от детской привычки видеть в каждом врага, потенциального поработителя или, наоборот, бескорыстного

¹ См: Баранов, Е. Г. Нациопатия - источник конфликтов / Е. Г. Баранов // Общественные науки и современность. - 1996. - № 6. - С.72.

друга. Всем нужны взвешенные взаимовыгодные отношения с равноправными партнерами, умеющими отстаивать свои и уважать чужие интересы.

10. Политические факторы. Следует отметить, во-первых, многообразие политических факторов этнических конфликтов и, во-вторых, определяющую роль данных факторов в появлении и обострении межнациональной напряженности.

В числе важных политических факторов - командно-волонтаристская политика государства к решению национальных вопросов. Так, искусственное включение целых ареалов и стран вопреки интересам их населения в национальные государственные образования породило трудноразрешимую проблему этнонациональных меньшинств - «заложников», дальнейшая судьба которых ставилась в прямую зависимость от намерений и доброй воли доминирующего этноса. Трудно объяснить, например, решение о включении в состав Азербайджана Нагорного Карабаха, населенного в начале 20-х годов на 90% армянами, которое было принято Кавбюро РКП(б) 5 июля 1921 года. По мнению С. Лезова, подобный шаг был определен «попытками большевиков найти общий язык с Турцией, которая тогда, как и сегодня, стремилась быть покровителем азербайджанцев»¹.

Немало территориальных проблем накопилось на Северном Кавказе, наиболее острые из которых связаны с незаконными депортациями народов в годы сталинщины. Показателен в этом отношении ингушско-осетинский конфликт. После насильственной депортации чеченцев и ингушей в 1944 году почти половина бывшей Ингушской автономной области была приписана Северной Осетии (территория Пригородного и части Малабекского районов). При восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году эта территория осталась в соседней республике, и теперь ингуши требуют ее назад. Полагаем, те земли, на которые сегодня претендуют ингуши, следовало бы вернуть в 1957 году, в момент восстановления ЧИ АССР. Но почему-то тогда было принято иное решение: возрожденной республике передали три района Ставропольского края, в несколько раз превышающие по площади ту территорию, которая ныне стала яблоком раздора. Причем, один из этих трех районов мог бы свободно вместить всех осетин, переселенных на ингушские земли.

Существенным фактором обострения этнической напряженности стала тотальная политизация общественной и национальной жизни. Поэтому любой, самый незначительный вопрос почти автоматически в таких условиях становится вопросом политическим, государственным, причем не в смысле его значимости и важности для власти, для развития нации, общества или государства, а в силу того, что решать этот вопрос могли только государственные и политические структуры высокого уровня. Соответственно неудовлетворенность ре-

¹ См.: Лезов, С. Сколько стоит «неумение найти и сказать правду» / С. Лезов // Социум. - 1992. - № 8. - С.53.

шением, либо нерешенность вопроса обращивались против власти, государства и протест автоматически приобретал политический оттенок¹.

Закономерной реакцией на подобную тотальную политизацию общественной и национальной жизни являются попытки объяснить все национальные проблемы конкретного региона как сознательные происки неких политических сил, результат некоего заговора. «Конфликт в Южной Осетии полностью спровоцирован Москвой», - заявлял, например, один из руководителей Грузии, объясняя причины столкновений на национальной почве². Такая упрощенная объяснительная схема коррелирует с особенностями обыденного сознания, стремлением упрощать и персонифицировать проблему.

Важнейшая причина, порождающая национальные проблемы, - как справедливо считает А.М. Юсуповский, - несовместимость модели государственного социализма с интересами развития наций и национальных отношений, их действительным самоопределением³.

Это проявлялось, во-первых, в том, что любая самостоятельность и независимая от тоталитарной власти активность трактовалась как нелояльность, «подрыв основ, отступление от принципов», крен в сторону, диссидентство. Во-вторых, обречены были на оппозиционность любые шаги, в которых можно было угадать импульс к развитию социума, его национальной культуре; стремление поддержать традиции. В-третьих, эта несовместимость проявилась и в отчужденности власти от интересов этнического развития. Это развитие шло до тех пор, пока оно не угрожало власти.

При этом нельзя согласиться с утверждением, что несовместимость модели «государственного социализма» и национального развития может быть охарактеризована как «шовинизм». «Шовинизм имманентен большевизму, где люмпены, там и шовинизм, там имперский дух»⁴. Нам представляется, что шовинизм - это утверждение через государственную мощь, насилие некоего национального начала. Шовинизм - это асимметрия в отношениях наций, подчинение одной нации другой. Система, где все нации выступают объектами политики, тасуемыми как карты в колоде, подвергаемые репрессиям вплоть до грудного младенца за действительные и мнимые преступления представителей этой нации - такая система и политика вряд ли могут быть названы шовинистическими⁵.

Конституирующим началом государственного социализма было стремление сохранить власть, а не интересы какой-либо нации, даже такой многочисленной как русская. Но такова уже логика обыденного сознания, что напряженность между «центром» и «окраинами» трансформировалась в нем как конфликт между «русскими и нерусскими».

¹ См.: Юсуповский, А. М. *Нация и власть в условиях дезинтеграции в СССР* / А. М. Юсуповский - М. : Знание, 1992. - С.12.

² См.: Независимая газета. - 1991. - 26 февраля.

³ См.: Юсуповский, А. М. *Указ. соч.* - С.16-20.

⁴ См.: Независимая газета. - 1991. - 26 февраля.

⁵ См.: Юсуповский, А. М. *Указ. соч.* - С.12.

Либерализация общественных отношений в период перестройки и распад СССР активизировали действие такого фактора как стремление национальных - да и не только национальных территорий к суверенитету. Показательно в этом отношении развитие событий в Татарстане. Избрание собственного президента вкупе с отказом подписать союзный договор в составе РСФСР - это уже было фактическим заявлением о выходе из России. Население республики было изрядно озадачено, если не напугано бурными событиями тех дней - погромами на нефтяных установках, митингами, сопровождавшимися угрозами: списки голосовавших «за президента иностранного государства» (то есть России) еще попадут в руки патриотов, и они разберутся с изменниками татарской нации. Идея суверенитета стала с первыми проблесками демократии проходным цензом для местных депутатов всех уровней. В самом деле, производя продукции млрд. рублей (столько, сколько все прибалтийские республики) и имея национальный доход в 9-10 млрд., Татарстан мог оставить себе лишь треть. Вся «выгода» от нефтяных промыслов, дающих стране половину экспорта углеводородного сырья, соленые родники да погубленные земли. Деревни буквально стоят на залежах природного газа, а у самих газа нет¹.

Словом, идея суверенитета была неизбежна, как средство самозащиты от тоталитаризма. Не случайно весь депутатский корпус республики при одном воздержавшемся проголосовал за Декларацию о суверенитете.

Выразители интересов отдельных политических субъектов требовали не «расширения суверенных прав», а «абсолютного суверенитета, который либо есть, либо его нет». Совершенно прав был президент Киргизии А. Акаев, который говорил тогда: «Абсолютный суверенитет, который многим вскружил голову - это миф. Такого суверенитета нет даже у США. Я за реальный суверенитет республики. Когда четкое разделение полномочий ее и Союза выгодно обоим»².

Надо сказать, что «парад суверенитетов», стремление политических субъектов были спровоцированы во многом ошибочными решениями Президента и парламента РСФСР провозгласить суверенитет России, включающий главенство республиканских законов над союзными. Хотя такое решение и было лишено этнической окраски, но оно породило в отношениях с Российской Федерацией ситуацию, аналогичную ситуации России и некоторых других республик с Союзом. Например, М. Рахимов, председатель Верховного Совета Башкортостана отмечал: «Ведете себя по отношению к бывшим автономиям России так же центристски, как союзный центр - по отношению к России... а что если 16 республик, входящих в РСФСР, объединятся и объявят войну законам РСФСР, как это делает российский парламент против союзных законов?»³.

Сделанное Б. Ельциным заявление о том, что «Россия не согласна с восстановлением диктата Кремля, который к тому же не имеет реального курса возрождение страны», стало мощным импульсом развития сепаратистских тенденций как внутри СССР, так и внутри самой Российской Федерации.

¹ См.: Московские новости. - 1990. - 14 ноября.

² См.: Московские новости. - 1990. - 14 ноября.

³ См.: Известия. - 1991. - 12 февраля.

В связи с этим, нельзя не согласиться с парадоксальным на первый взгляд утверждением Р.В. Рывкиной, «что основные конфликты, которые в годы реформ наблюдались и наблюдаются в российской экономике и российском обществе, генерированы именно государством»¹. В частности, этнические конфликты генерируются через государственную региональную политику, через нескрываемые от населения приоритеты в отношении разных субъектов Федерации. В настоящее время неприязнь к Москве, считает Р.В. Рывкина, характерна для населения всех регионов страны.

Заслуживающими внимания представляются выделение и характеристика черт государственного управления, которые сделали государство «конфликтно-генным» фактором развития экономики и общества:

- эклектичность государственного управления: сочетание рыночных целей с административно-командным стилем их достижения. Нет и достаточного представления о том, как выходить из организационного хаоса, проваливающейся реформы. Государственные структуры самоустранились от решения вопросов, которые и в рыночной экономике останутся в сфере их компетенции;

- значительная доля теневой активности. Теневой характер управления проявляется в недостаточной открытости экономической политики, принимаемых хозяйственных решений;

- негативное влияние государственных акций на экономическую деятельность работников, субъектов «реального сектора», а также на психологическое состояние населения;

- «эгоистически ориентированная структура» мотивации поведения государственного аппарата, который руководствуется не столько интересами граждан, сколько соображениями политической (в неполной мере - внешнеполитической) конъюнктуры, интересами властвующей элиты².

Знание и учет факторов возникновения, развития этнических конфликтов является необходимой предпосылкой упреждающего регулирования.

Конфликт конфликту - рознь, и предупреждение каждого из них требует знания и учета специфических особенностей и условий.

Однако возможно и полезно сформулировать общие правила упреждающего регулирования, следование которым повышает вероятность достижения успеха.

Применительно к предупреждению (профилактике) этнических конфликтов термин «правило» используется в значении руководящего положения, установки для успешного осуществления регулятивной деятельности. Сами эти руководящие положения и установки формулируются на основе знания: а) факторов этнических конфликтов и особенности их действия; б) условий действия факторов и возможности их ослабления и нейтрализации; в) возможных мер противодействия этим факторам.

¹ См.: Рывкина, Р. В. Постсоветское государство как генератор конфликтов / Р. В. Рывкина // Социологические исследования. - 2004. - № 5. - С.12.

² См.: Рывкина, Р. В. Указ. соч. - С.10.

Применительно к упреждающему регулированию межэтнических конфликтов считаем целесообразным выделить правила активности, конструктивности, ранней диагностики, разграничения интересов и позиций, социального разнообразия, дифференцированного подхода, социальной эффективности, информационной достоверности, естественного ритма, объективизации (деперсонализации), деполитизации, исключения смысловой подмены, демифологизации, самоутверждения, альтернативных вариантов, автономии, паритетности (социальной справедливости), сотрудничества, регулируемого соперничества, взаимопомощи, учета позитивного опыта. Всего их 21.

Правило активности. Должна быть активная позиция по отношению к конфликту у стороны тех, от кого зависит его ослабление и прекращение. В этническом конфликте - прежде всего у органов государственного управления. Их пассивность может быть истолкована каждой из конфликтующих сторон как косвенное одобрение именно ее ориентаций и действий. Конфликт получает тем самым дополнительный импульс. Важно не только противодействовать конфликту, но и демонстрировать это противодействие. Нельзя не согласиться с обозревателем А. Бовиным: «Когда грузины пошли войной на осетин, когда они берут измором Южную Осетию, союзные войска объявили себя нейтральными. Москва осталась «над схваткой». Странная позиция. Разве поиски политической развязки могут оправдать бездеятельность союзной власти, когда одни граждане Союза (а он пока существует!) убивают других его граждан?»¹

Или другой пример. В 1990 году для изучения вопроса ингушских земель, находящихся ныне в составе Северной Осетии, была создана специальная комиссия Верховного Совета СССР, которая сочла требования о возврате земель и восстановлении ингушской автономии обоснованными. Материалы комиссии вместе с заключением Комитета Верховного Совета СССР по межнациональным отношениям были переданы в Верховный Совет РСФСР. Прошло много времени, пока парламент России принял по ингушско-осетинскому спору конкретные решения. Приезд Ельцина в Северную Осетию откладывался несколько раз. Постепенно стало формироваться мнение, что отсрочка - неявное признание бессилия российского лидера перед кавказскими проблемами. Или по меньшей мере - нежелание рисковать в канун чрезвычайного Съезда народных депутатов РСФСР на поприще межнациональной политики.

Правило конструктивности. Одной активности органов государственного управления бывает мало. Важно принятие конструктивных решений, ослабляющих и устраняющих межнациональную напряженность. Этого не было сделано, в частности, в отношении армяно-азербайджанского конфликта. Как армянская, так и азербайджанская сторона считала Нагорный Карабах исконным очагом формирования собственной нации. Развязка стала неизбежной.

Конфликт в Сумгаите в 1988 году был естественным продолжением того состояния межнациональных отношений, которое имело место на протяжении последних лет. Однако она оказалась неожиданностью и застала врасплох гор-

¹ См.: Известия. - 1991. - 21 февраля.

бачевское руководство бывшего Союза, проявившее в условиях кризисного развития недостаточную компетентность.

Справедливости ради надо заметить, что значительно больше конструктивности было проявлено руководством Российской Федерации в отношении бывших автономных республик. Признание их суверенитета сопровождалось заключением взаимосогласованных и взаимовыгодных договоров о разделении полномочий федерального центра и каждой отдельной республики.

Смысл правила конструктивности заключается не просто в признании тех или иных национальных проблем и демонстрации готовности к их решению, а в конкретных мерах содействия их решению.

Правило ранней диагностики. Чем раньше обнаруживаются признаки отклонений в межнациональных отношениях, тем легче находятся меры противодействия, обеспечивающие успех упреждающего регулирования.

Обратимся в связи с этим к одной из диагностических концепций, развиваемых Е.Г. Барановым в статье «Нациопатия - источник конфликтов»¹.

В ней речь идет об одной из социопатий - психических отклонениях нации. Автор исследует искажение черт характера нации, ведущие к социопатии. Среди многочисленных черт отмечаются следующие:

- 1) особенности восприятия нацией себя и окружающих социальных субъектов, прежде всего других наций;
- 2) характер взаимоотношений внутри социальных групп, в первую очередь между гражданином и властью;
- 3) способы взаимоотношений с другими нациями.

Характеризуя первую группу черт, автор отмечает, что почти все народы бывшего СССР страдают комплексом национальной неполноценности вследствие длительной групповой фрустрации. Компенсация этого комплекса зачастую отнимает все силы наций, не позволяя им заниматься другими острыми социальными проблемами, принимая формы агрессивности и национальной замкнутости. И то и другое уменьшает межнациональные контакты, усиливает социальную депрессию и, в конечном счете, замедляет как соматическое (экономическое), так и психическое развитие наций, а также порождает неадаптивное поведение (внутреннюю и внешнюю политику).

Получается замкнутый круг: исключительно ради национального самоутверждения предпринимаются действия, которые ведут к неудачам в экономической, политической, военной и других сферах. Неудачи, в свою очередь, усиливают национальную фрустрацию и требуют компенсации. С каждым витком спирали нарастают психопатические симптомы².

Что касается взаимоотношений гражданина и власти, то он характеризуется как тоталитарный тип, при котором действуют внутриличностные мотивы поведения. Необходимость подчинения обосновывается волей харизматического лидера либо интересам социальной группы (партии, класса, нации и т.д.).

¹ См.: Баранов, Е. Г. Нациопатия - источник конфликтов / Е. Г. Баранов // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 2. - С.78-79.

² См.: Баранов, Е. Г. Указ. соч. - С.70.

В таком обществе человек всего лишь средство для достижения каких-либо целей, винтик большой системы. У него не складываются основы самостоятельного поведения и личной ответственности, исходящие из задаваемых самому себе и интегрирующих общесоциальный опыт нравственных норм.

Характеризуя способы взаимоотношений с другими нациями, Е.Г. Баранов справедливо утверждает, что на современном этапе развития человеческой цивилизации национализм не может считаться нормой. Недавно один высокопоставленный чиновник Министерства обороны Украины заявил, что национализм - это любовь к нации. Сто лет назад его высказывание было бы нормальным, сейчас оно является нациопатическим. Механизм возникновения нациопатических реакций в этом случае примерно тот же. Несоответствие социальной организации общества реальностям современного мира (а значит, и неадаптивность системы) порождает неудачи, прежде всего в экономике. На этой основе усиливается комплекс национальной неполноценности. Стремление к компенсации вновь порождает неадекватные действия и т.д.

Наличие положительной мотивации межнационального взаимодействия (по существу, отсутствие комплекса национальной неполноценности) - основное, но недостаточное условие нормального состояния этой сферы психической жизни нации. Необходим еще и операциональный компонент - навыки и привычки межнационального взаимодействия.

Автор выделяет применительно к межнациональным отношениям нациопатию и акцентуацию. Акцентуированный характер - это крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психологических воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим.

Есть признаки, позволяющие отличить нациопатию от акцентуации.

1. Неадаптивное поведение, т.е. действия, предпринимаемые для достижения патогенной цели и объективно наносящие ущерб субъекту этих действий.
2. Относительная стабильность во времени и тотальность проявления нациопатических реакций.

Только наличие в поведении нации обоих симптомов дает право поставить диагноз нациопатии (Чечня). Отсутствие одного из них указывает на акцентуацию характера нации (Украина)¹.

Правило разграничения интересов и позиций. Смысл этого правила заключается в следующем: чтобы достичь разумного решения, необходимо примирить интересы, а не позиции. Р. Фишер и У. Юри приводят для иллюстрации этого правила ситуацию, когда два человека ссорятся в библиотеке. Один из них хочет открыть окно, другой предпочитает закрытое окно. Они спорят, насколько его открыть: оставить щелочку, открыть наполовину или на три четверти. Ни одно из решений не устраивает обоих. Входит библиотекарь и спрашивает одного из них, почему он хочет открыть окно. Тот отвечает: «Для свежего воздуха». Она спрашивает второго, почему он хочет, чтобы окно было за-

¹ См.: Баранов, Е. Г. Указ. соч. - С.71.

крыто. «Чтобы избежать сквозняка», - отвечает он. После минутного раздумья она широко открывает окно в соседней комнате, и свежий воздух поступает без сквозняка¹.

Этот пример типичен для многих спорных ситуаций. Поскольку проблема сторон представляется конфликтом между позициями и поскольку цель состоит в том, чтобы согласиться по поводу какой-то позиции, люди, естественно, думают и говорят о позициях и в итоге часто заходят в тупик. Библиотекарь не смогла бы найти выход, если бы сосредоточилась только на двух выявленных позициях обоих читателей о закрытом или открытом окне. Вместо этого она обратилась к их истинным интересам - получить свежий воздух и избежать сквозняка. Эта разница между позициями и интересами является решающей.

Основная проблема межнациональной напряженности заключается не в конфликтных позициях, а в расхождении между нуждами, желаниями, заботами и опасениями каждой из сторон. Интересы являются мотивом поведения людей, они являются молчаливой движущей силой на фоне гама и шума из-за позиций. «Ваша позиция - это нечто, о чем вы приняли решение. Ваши интересы - это нечто, что заставило вас принять решение»².

Успешное сглаживание интересов, а не позиций срабатывает по двум причинам. Первая - для удовлетворения каждого интереса обычно существует несколько возможных позиций. Нередко люди просто принимают какую-то одну определенную и жесткую позицию. Но стоит только попытаться разобраться в мотивировке интересов, как почти наверняка обнаруживается альтернативная позиция, охватывающая интересы обеих сторон. Вторая причина - примирение интересов вместо достижения компромисса между позициями работает и потому, что за противоположными позициями скрывается гораздо больше интересов по сравнению с теми, которые вошли в противоречие³.

Правило социального разнообразия. Для полиэтнической общности характерно разнообразие составляющих его этносоциальную структуру компонентов как по численности (от нескольких сотен до десятков миллионов людей), так и по специфичности этноисторических культур, пространственно-географического расселения, природных условий существования. Поэтому абсурдными оказались попытки найти универсальное средство для удовлетворения разнообразных национально-этнических потребностей и интересов, навязывания народам одинаковых стандартов в хозяйственно-экономической, государственно-политической и культурно-языковой жизни. «Слияние этнических общностей, - отмечают Л.Н. Гумилев и К.П. Иванов, - было бы возможным лишь при полной нивелировке разнообразных ландшафтов страны, что следует признать принципиально неосуществимым даже в далекой перспективе. Невозможность слияния вовсе не означает неспособность к добрососедству и искренней дружбе. Наоборот, единственно верный девиз устойчивого сосущество-

¹ См.: Фишер, Р. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер и У. Юри. - М.: Наука, 2004. - С.56.

² См.: Фишер Р. и Юри У. Указ. соч. - С. 57.

³ См.: Фишер Р. и Юри У. Указ. соч. - С.58.

вования народов в полиэтническом государстве - «В мире, но порознь». Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы. Грозным предупреждением от соблазна «слияния» для всех этнополитиков должен послужить пример Кампучии, где тотальному геноциду предшествовала кампания создания единой кхмерской нации»¹.

Стремление нивелировать объективно существующее этническое разнообразие сыграло дезинтегрирующую роль, усилив центробежные тенденции в союзном государстве, и обусловило открытое противостояние ряда республик сформировавшейся модели федеративного государства. В этом смысле его распад был исторически предопределен. Если последовательно придерживаться системного подхода к изучению социальной структуры общества как организационной системы, то неизбежен вывод: развитие каждой системы ведет к усложнению ее строения, плюрализму элементов и связей, а вовсе не к единообразию.² Поэтому бытовавшая долгие годы догма, согласно которой развитое социалистическое общество будет характеризоваться «полной социальной однородностью», попросту ненаучна. Как показывает практика, в последние годы значительно усилились и дифференцирующие моменты в социальных отношениях. Социологи, стараясь получить достаточно агрегированную типологию социальной структуры общества, выделяют десятки социальных групп и слоев. Такое множество элементов в социальной системе предполагает, естественно, противоречивое многообразие и плюрализм общественных интересов.

Правило дифференцированного подхода. На этнические процессы, форму их проявления влияет множество местных факторов, определяющих своеобразие и в определенной степени уникальность национальной ситуации в той или иной республике, конкретного конфликта или проблемы. Так, национальная окраска социальной напряженности программировалась в республиках Прибалтики, где недостаток рабочей силы, связанной с демографическими особенностями региона, восполнялся союзными ведомствами технически близоручко за счет миграции, оргнабора людей, не компенсированных никакими механизмами адаптации к инонациональной среде.

Сходный характер приобретала и политика, игнорирующая трудоизбыточность населения в республиках с иными демографическими особенностями, скажем в Средней Азии. Ведь молодежь, не имеющую работы, не сложно, имея ресурсы и желание, спровоцировать и направить ее энергию в разрушительное русло национальных конфликтов.

Различный исторический опыт народов, различная историческая память и эмоционально-смысловая окраска ее о тех или иных событиях прошлого также программируют порой противоположные представления и об уроках истории, и о перспективах дальнейшего развития народа с учетом этих уроков. Сам факт существования региональных причин обострения национальных проблем, по-

¹ См.: Гумилев, Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилев, К. П. Иванов // Социологические исследования. - 1992. - № 1. - С.52-59.

² См.: Заславская, Т. И. О стратегии социального управления / Т. И. Заславская // Наука и жизнь. - 1988. - № 9. - С.36-39.

рождаемых конкретной национальной ситуацией, приводит к выводу, что решать проблемы только из единого центра - невозможно. Власть могла решать вопросы унифицировано «сверху» лишь в системе, где нации были низведены до роли «винтика», объекта действий этой власти, лишенного права определять свою судьбу сколько-нибудь самостоятельно. Такое «фактическое равенство» наций - объектов делает различия между ними несущественными, второстепенными, количественными. Самоопределение наций и их становление как субъектов общественной и политической жизни делает необходимым выработку политики, адаптированной к конкретным условиям.

Правило социальной эффективности. Меры упреждающего регулирования этнической напряженности должны быть ориентированы на определенные показатели (критерии) социальной эффективности. А.М. Юсуповский считает, что критериями эффективности чьей бы то ни было национальной политики, будь то идущей «сверху» от власти и государства, либо «снизу», развертывающейся в форме национальных движений, являются следующие параметры: во-первых, способность создать механизмы, обеспечивающие полное удовлетворение этнических потребностей людей и свободное этническое развитие наций, живущих в регионе; во-вторых, способность обеспечить социальное развитие народов, одновременно создавая механизмы цивилизованного согласования социальных интересов наций; в-третьих, нахождение по возможности безболезненного пути увязывания интересов составляющих нации социальных слоев и групп¹.

Правило информативной достоверности. Обострению межнациональной напряженности способствуют искаженные представления противоборствующих сторон о значимых событиях и друг о друге. В связи с этим важное значение приобретает обеспечение достоверности информации, которой, как правило, нет.

Е.В. Крицкий, исследовавший восприятие чеченского конфликта населением Северной Осетии показал что, интерес к событиям сочетается с неудовлетворенностью информацией, ее неполнотой и тенденциозностью. На вопрос, касавшийся именно этого обстоятельства, были получены следующие распределения (в % от числа опрошенных): полностью не удовлетворен - 19, скорее не удовлетворен - 28, полностью удовлетворен - 8, скорее удовлетворен - 2, затрудняюсь ответить - 16².

Правило естественного ритма. Уже давно известно и сказано, что преступно требовать от женщины, чтобы она родила ребенка за три или четыре месяца. А вот к социальным и, в частности, национальным процессам такого рода требования предъявлялись и, к сожалению, продолжают предъявляться. Так, ускоренное «вхождение в социализм» всех народов страны сопровождалось использованием репрессивных методов, оправдываемых «исторической необхо-

¹ См.: Юсуповский, А. М. Нация и власть в условиях дезинтеграции СССР / А. М. Юсуповский. - С.22.

² См.: Крицкий, Е. В. Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности (на примере Северной Осетии) / Е. В. Крицкий // Социологические исследования. - 1996. - № 19. - С.117.

димостью» подтягивания их к одинаковому уровню социально-экономического и культурного развития, а также «тихой» ассимиляцией, русификацией этнических культур. Сформировавшаяся псевдосоциалистическая система, разрушая естественно-исторические механизмы этнического самовоспроизводства, не могла не подойти к той стадии своего развития, на которой вспыхнувшие межнациональные конфликты подтвердили необходимость ее радикального преобразования.

У многих народов процессы внутринациональной ассимиляции и консолидации происходят неровно и противоречиво. Например, у мордвы происходит два разнонаправленных процесса культурной ассимиляции русскими части мордовского народа (эрзя) и отатаривания ее второй части (мокша).

Или другой факт. Несмотря на наличие субъективных факторов, поощряющих консолидацию малых народов Севера, фактически эти процессы находятся в стадии стагнации, так как отсутствуют необходимые для этого объективные условия.

Противоречия между субъективным желанием «сконсолидировать» разрозненные этнические группы в общности, часто называемые в литературе народностями, и объективными условиями его осуществления порождают ряд проблем. Во-первых, искусственная подгонка различных этнических групп под термин «народность» приводит к серьезному искажению этнодемографической картины в Сибири и на Дальнем Востоке, и по развитию культуры коренного населения. Так, по данным исследований, в большинстве автономных округов издаваемая на местных языках периодика, а также радиопередачи остаются мало понятны (или совсем не понятны) для большинства коренного населения. Причиной этого является явная искусственность так называемых национальных языков народов Севера. Дело в том, что, например, у хантов существует 8 диалектов, которые сильно отличаются друг от друга (в частности, казымские ханты плохо понимают сургутских хантов и общаются между собой на русском языке). Литература же издается на среднеобском диалекте, непонятном для 7-ми остальных диалектных групп хантыйского населения. Такая же картина наблюдается у эвенков, ненцев, манси, селькупов и других народов Севера¹.

Правило объективизации (деперсонификации). Любое отклонение в межнациональных отношениях имеет объективные причины, связано с необходимостью решения той или иной проблемы, и именно с этой позиции следует подходить к оценке и исправлению данного отклонения. В тактике предупреждения конфликта важно «не переходить на личность», не выходить за рамки существа дела, чтобы случаем не разбудить «темные силы», дремлющие в противоборствующих сторонах. В то же время нам свойственен вопрос «В чем причина проблемы?» трактовать как вопрос «Кто виноват в ее возникновении», хотя это разные вопросы, очень часто не совпадающие друг с другом. Объяснительная схема «заговора» позволяет на доступном обывателю языке как бы «объяснить» проблему и является, несмотря на то, что к подлинному объяснению причин может иметь никакого отношения, крайне удобным инструментом

¹ См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - С.116-117.

идеологической манипуляции общественным сознанием. Этот инструмент тем более эффективен, чем удачнее его «заземляют» на этническое сознание, политизируя этническую оппозицию «мы - они».

Искаженное и сознательно извращаемое в духе субъективизма производство подобных объяснительных схем, искажающих действительные причины возникновения и обострения национальных проблем, не является простым теоретическим заблуждением. Такие схемы обосновывают и оправдывают политику столь же «простую и понятную» - политику национализма и сепаратизма.

Правило деполитизации. Крайне важным для стабилизации, вышедшей из под чьего-либо контроля эскалации напряженности, является обуздание самого государства и государственной власти с помощью развития институтов гражданского общества. «Категория этнос принадлежит обществу, но не государству, - считает, например, юрист А. Яковлев. - Мы знаем, какого рода государство возвело национальность в ранг государственного признака. Национал-социалистическое государство»¹. Рассмотрение этнической принадлежности как государственного, политически значимого признака - это рудимент тоталитарной политики, одно из эффективных средств тотальной регламентации общественной и личной жизни граждан. Сохранение, даже раздувание политической значимости этнической принадлежности, неявной привязки ее к гражданству, праву на собственность с помощью псевдоправовых, шитых белыми нитками ухищрений, есть не что иное как стремление сохранить тоталитарные элементы власти, придав ей с помощью этнократических инноваций респектабельность и «второе дыхание»².

Именно через гражданское общество, на наш взгляд, должны быть созданы общественные «иммунные системы», не позволяющие в условиях плюрализма собственности использовать государственную власть для ограничения возможностей конкурентов на основании этнических или каких-либо еще мотивов. В то же время этнические интересы индивидов и общностей, вне апелляции к количеству лет, прожитых на той или иной территории, должны также реализовываться на уровне гражданского общества, а не на уровне государства. Национальную политику в правовом государстве политическая власть должна проводить лишь в регулировании, поддержке и соблюдении равноправия всех культур.

Правило исключения подмены. Как уже выше отмечалось, конфликт между центром и республиками нередко воспринимается на уровне обыденного сознания как конфликт между Россией (русскими) и национальными республиками (титularyной нацией) или конфликт русских (русскоязычного) и нерусских (коренного населения). Такая подмена явлений (понятий), поощряемая некоторыми национальными лидерами, склонными к этнонационализму и сепаратизму, совершенно необоснованна. Во-первых, абсурдно сведение России к «центру». То, что пределами «Центра» - это уже, получается, не Россия. Во-вторых, неопределенным остается содержание понятия «Центр: то ли это Москва, то ли

¹ См.: Огонек. - 1988. - № 43. - С.16.

² См.: Юсуповский, А. М. Указ. соч. - С.52.

руководящие органы федеральной власти, то ли еще что-то. В-третьих, неправомерно сведение этических отношений к отношениям между уровнями государственной власти, т.е. представлять русских как носителей федеральной (центральной) власти, а нерусских - как представителей региональной или местной власти.

Эта подмена понятий далеко не безобидна. Если обыденное сознание обывателя может назвать бюрократическую власть русской властью на том основании, что чиновник говорит на русском языке, то политолог, повторяющий то же словосочетание, либо обязан доказать, что эта власть реализует интересы русской нации, либо признаться в том, что он осознанно подменил существенные признаки понятия «власть» случайными и несущественными.

Правило демифологизации. Процесс становления наций как субъектов политики неоднороден, поскольку разные социальные группы и слои консолидируются вокруг своих реальных либо иллюзорных интересов с разной скоростью. Каждый из участников этого процесса пытается связать себя с национальным возрождением, «оседлать» этот процесс, используя его энергию и привлекательность, выдать свою политику за политику, отвечающую национальным интересам. Различные социальные и политические силы, связанные с государственным социализмом, имеют разный потенциал обновления. Однако все они вынуждены адаптироваться к изменившейся логике политического развития, одновременно пытаясь изменить эту логику. Все эти силы заинтересованы в перестройке экономики, политики национально-государственных структур.

Мифологизация этнических процессов проявляется, прежде всего, в стремлении национального движения или лидера представлять себя как исключительного выразителя общенациональных интересов, причем, с подобными заявлениями выступают иногда люди с взаимоисключающими политическими позициями. Мифологизация проявляется и в самооценке той или иной нации как исключительной, «богоизбранной» и т.п.

Правило самоутверждения. Самое верное средство предупреждения социальной напряженности, конфликтов - обеспечить возможность личностного самоутверждения человека, его конструктивного самовыражения. Социальная блокировка потребности к самовыражению не только фрустрирует личность, но и не дает развиваться личностным качествам, что увеличивает несамостоятельность человека и зависимость его от власти.

Именно такого человека описал Т. Адорно в книге «Авторитарная личность»). Для него характерны: косность, ригидность, стереотипность мышления (а значит, и приверженность к простым решениям, пренебрежение наукой); вера в «моральную чистоту» собственной группы и отказ в таковой другим группам; преувеличенный интерес к проблемам власти (у многих наших граждан политомания доходит до того, что, не прочитав газеты или не прослушав политических новостей, они испытывают ощущения, подобные наркотической абстиненции), силы, насилия; боязнь дурного влияния, опасения попасть под власть «чужих»; цинизм, уверенность в том, что все средства хороши для достижения неизменно «высоких и справедливых» целей собственной группы; не-

способность к самоконтролю, апатия, депрессивные состояния¹. Круг тоталитаризма замыкается. С этих позиций раскрывается подоплека националистических идеологий. Шопенгауэр отмечал, что только несчастный глупец, ощущающий недостаток личностных качеств, обращается к заслугам нации, к которой он принадлежит случайно.

Правило альтернативных вариантов. Данное правило связано с учетом и использованием адаптационных механизмов жизнеобеспечения традиционных этносов. Они выработали особую стратегию природоиспользования, которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования. Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали продуктивность другой. Историю природоиспользования аборигенов Арктики можно представить как постоянный «перелив» населения от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т.е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экономической и социальной обстановки. Подобного рода «переключения» в кризисных ситуациях, вызванных разными причинами, характерны и для других народов. Следует при этом заметить, что эти «переключения» происходили в пределах привычной среды обитания и не вели к потере этнических свойств популяции, так как не нарушали традиционных видов хозяйства и жизнеобеспечения².

Проблемы малых народов Севера, теряющих традиционный уклад хозяйственной и социальной жизни, активно обсуждаются среди социологов, этнологов и политиков³. Особо выделяются и рассматриваются проблемы психического здоровья,⁴ профессиональной патологии,⁵ адаптивных возможностей и

¹ См.: Баранов, Е. Г. Указ. соч. - С.72.

² См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - С.47-48.

³ См.: Аверин, А. Н. Проблемы малочисленных народов Севера / А. Н. Аверин // Социологические исследования. - 1990. - № 5; Донской, Ф. С. Проблемы возрождения юкагиров / Ф. С. Донской // Социологические исследования. - 2005. - № 7; Князев, В. А. Вхождение российского Севера в рыночные условия / В. А. Князев // Социологические исследования. - 1994. - № 7; Курамин, В. П. Российский Север: современная ситуация и приоритеты государственной политики / В. П. Курамин // Социологические исследования. - 1994. - № 7; Манчук, В. Т. Среда и здоровье населения Крайнего Севера / В. Т. Манчук // Социологические исследования. - 1994. - № 7; Мартынов, М. Ю. Народы ханты и манси в условиях техногенной цивилизации / М. Ю. Мартынов // Социологические исследования. - 2000. - № 10; Назаров, А. А. Проблемы развития народов Севера / А. А. Назаров // Социально-политический журнал. - 1994. - № 7; Петров, Ю. Д. Многочисленные народы Севера: государственная политика региональная практика / Ю. Д. Петров - М., 1998; Рывкина, Р. В. Малочисленные народы Севера СССР: итоги жизни в империи и перспектива / Р. В. Рывкина, Л. Я. Косалс, К. А. Ковалкина // Социологические исследования. - 1992. - № 4; Хайруллина, Н. Г. Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства народов Ханты-Мансийского автономного округа / Н. Г. Хайруллина // Социологические исследования. - 1994. - № 7.

⁴ См.: Муратова, И. Д. Клинико-социальные особенности психического здоровья ненцев / И. Д. Муратова, П. И. Сидоров и др. // Социологические исследования. - 1994. - № 7

⁵ См.: Артюнина, Г. П. Проблемы профессиональной патологии малочисленных народов Севера / Г. П. Артюнина // Социологические исследования. - 1994. - № 7.

эволюционной пластичности¹. В целом ряде работ обосновываются и предлагаются модели экономической и социальной реабилитации². В качестве одной из форм социальной защиты коренных народов Севера предлагается, в частности, бразование экологических парков³. Формируется особая научная дисциплина - этноэкология⁴.

Привлекают внимание рассуждения и предложения Р.И. Ирназарова, связанные с признанием положения от этноутверждающей функции земли, ландшафта. «Знакомство с опытом стран Запада, в частности США, - пишет он, - показывает, что там при осуществлении хозяйственной деятельности на территории национальных образований приоритет отдается интересам коренного населения. Вот, например, как складываются взаимоотношения американской компании «Арктик-слоп», занимающиеся строительством газопроводов на Аляске и вездеходов для тундры. «Арктик-слоп» - акционерное общество, пайщиками которого могут быть только коренные жители Аляски - инцыпатские эскимосы. И данное положение утверждено конгрессом США. Работать в «Арктик-слоп» по найму может представитель любой национальности, а владеть акциями компании, то есть получать доход от использования природных ресурсов той земли, на которой тысячами жили местные народы, вправе только представители этих народов».⁵

Правило автономии. Данное правило означает признание права этноса на самостоятельное решение собственных проблем. Как отмечает М.О. Мнацаканян, «В Европе после Второй мировой войны с ростом национального самосознания этнических общностей развернулась борьба за самоопределение. Демократическое решение проблем их самостоятельного развития нередко снимало угрозу сепаратизма укрепляя тенденцию к сохранению целостности государства благодаря федеративным связям на базе политической автономии»⁶.

Характерны в этом отношении примеры Бельгии, Великобритании, Индии. И, наоборот, этносоциологи отмечают, что государства, идущие под ло-

¹ См.: Дрегалю, А. А. Европейские ненцы: адаптивные возможности и эволюционная пластичность / А. А. Дрегалю, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. - 1998. - № 6.

² См.: Елин, С. П. Социально-экономическая реабилитация малочисленных этносов Иркутской области / С. П. Елин, А. А. Маглеев, В. М. Парфенов // Социологические исследования. - 1994. - № 7; Зайдфудим, П. Х. Реабилитация жизненной среды Российского Севера / П. Х. Зайдфудим. - М., 1993; его же. Система социальной реабилитации и адаптации населения Российского Севера. - М., 2005.

³ См.: Бобриков, Н. К. Этноэкологический парк как форма социальной защиты коренных народов Севера / Н. К. Бобриков, А. А. Дрегалю, П. И. Сидоров, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. - 1994. - № 7.

⁴ См.: Козлов, В. И. Основные проблемы этнической экологии / В. И. Козлов // Социологические исследования. - 1993. - № 1; Курпник, И. П. Арктическая этноэкология / И. П. Курпник. - М., 1990; Шадже, А. Ю. Этноэкология и проблемы выживания человечества / А. Ю. Шадже // Социально-политический журнал. - 1996. - № 6.

⁵ См.: Ирназаров, Р. И. О связи экономических и межнациональных отношений / Р. И. Ирназаров. - С.59.

⁶ См.: Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян. - С.123.

зунгом «строительства единой нации», не интегрированы, их прочность обеспечивается принуждающей силой, ограничением политических прав этнических групп и граждан, организационных возможностей и доступа к власти для подавляющего большинства населения, основная масса которого скорее подданные, чем граждане¹. Типичные примеры - Бирма, Филиппины, Индонезия, Шри-Ланка.

Правило паритетности, которое относится прежде всего к обеспечению культурно-языкового равноправия этносов. Задачи нормализации языковых проблем в рамках современных национальных процессов, оптимизации двуязычия и многоязычия в каждой автономной республике России могут быть решены только путем выработки и практического осуществления реалистических принципов национально-языковой политики на основе равноправия всех этнических образований. Для этого необходимо разработать и принять научно обоснованную комплексную систему мер. Сегодня нежелательны ситуации, когда среднее, а порой даже и высшее образование части нерусского населения сочетается с незнанием или плохим знанием русского языка. Нужны также условия, когда русско-язычное население государства «ближнего зарубежья» и республик, входящих в Российскую Федерацию, имело больше возможностей улучшать свое знание коренных национальностей.

Правило сотрудничества. Самое эффективное противоядие от этнических конфликтов - это сотрудничество. Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, наличие общих целей и совместных путей их достижения оказывают мощное сплачивающее воздействие на этносы. Сложившиеся на этой основе дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроениях и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей, тысячи молодых русских, украинских, грузинских, армянских парней и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС. Живыми примерами братского содружества народов служат такие гигантские стройки, как Байкало-Амурская магистраль, Саяно-Шушенская ГЭС, Атоммаш, освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири.

Правило регулируемого соперничества. Этническое соперничество – достаточно распространенное явление. Оно есть между англоязычными и франкоязычными канадцами, фламандцами и валлонами в Бельгии. Есть оно между странами СНГ, да и внутри самой России. Здоровое соперничество содействует взаимному обмену опытом, наращиванию национального потенциала, достижению успехов. Однако нередко соперничество связано с неадекватным поведением, приводит к такому поведению.

Вот несколько примеров неадаптивного поведения Украины. При введении в денежное обращение украинских купонов любому здравомыслящему человеку было понятно, что это расстроит денежную систему и резко подхлестнет

¹ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. - М., 1991.

инфляцию, т.е. масштаб последующих экономических неприятностей был очевиден. Но национальная валюта - атрибут независимого государства. Впоследствии руководители Украины заявляли, что это была вынужденная мера, поскольку, мол, Россия перестала выделять Украине рублевую наличность. Однако те, кто пережил три купонных лихорадки, помнят, что последовательность событий была обратной.

В начале 1992 года Украина взяла под свою юрисдикцию 1,5-миллионную группировку войск СНГ, дислоцирующихся на ее территории, и потребовала от каждого военнотружущего принести присягу. Представители правительства Украины не раз заявляли, что государство может содержать армию численностью не более 200 тыс. человек. Никто, конечно, всерьез не воспринимал войска СНГ как угрозу независимости Украины, аргумент был другой: армия - атрибут независимого государства. Вместо того чтобы создавать современную малочисленную профессиональную армию, республика забрала огромную устаревшую, пораженную социальными болезнями и пороками военную машину. Примерно такая же ситуация складывалась и с оставшимся на Украине ядерным оружием.

Очевидно также, что преподавание в вузах, защита диссертаций и т.д. должны осуществляться на национальном языке. Но должно быть также очевидно, что перевод науки на национальный язык нельзя совершить за год без серьезного снижения качества подготовки специалистов и уровня научных разработок.

Все эти примеры из разных сфер социальной жизни объединяет одно: ради национальной идеи, межгосударственного соперничества предпринимаются абсурдные экономические, военные, образовательные мероприятия и ломаются судьбы конкретных людей¹.

Правило взаимопомощи. Нормальное, бесконфликтное развитие этносов невозможно без оказания помощи одним этносам со стороны других, со стороны государства. Причем, оказание такой помощи должно быть ориентировано не на развитие иждивенчества, а на использование и расширение созидательного потенциала этноса, нуждающегося в помощи. Поэтому помощь должна быть конкретной и обоснованной. Так, рассуждая об оказании помощи малочисленным народам Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, В.Г. Бабаков выделяет и рассматривает две концепции помощи.

Сторонники одной - часть обществоведов и политики из центра считают, что методами управления необходимо сформировать у аборигенов социальную структуру и образ жизни, соответствующие общероссийским стандартам и эталонам. Сторонники другой - обществоведы с культурологическим уклоном, местная гуманитарная интеллигенция, новое поколение локальных политиков - видят в таком подходе ликвидацию этнической специфики и самобытности народов Севера и предлагают всеми способами сохранять их традиционный уклад и образ жизни. Нам представляется, пишет В.Г. Бабаков, - что оба эти подхода отличаются односторонностью. Нельзя остановить хозяйственное освоение Се-

¹ См.: Баранов, Е. Г. Указ. соч. - С.73.

вера, законсервировав традиционный культурнохозяйственный уклад. С другой стороны, насильственное разрушение этого уклада ведет к тяжелым для аборигенов последствиям. По всей видимости, в стратегическом плане нужно отказаться от чисто экономического подхода к управлению подобными регионами и перейти на научно обоснованную культурную политику, регулирующую отношения аборигенов с центром и приезжим населением. Это регулирование должно быть многовариантным: для каждого конкретного региона необходимо разработать программу мер, обеспечивающих соблюдение не только экономических, но и социально-культурных интересов коренного населения при разработке природных богатств.

Осуществление культурной политики предполагает повышение роли аборигенов в решении стратегических задач общего развития Севера, свободу выбора пути развития, право самим решать, что для них лучше - традиционализм или индустриализация и урбанизация, государственные льготы или самостоятельность в социально-экономической сфере¹.

Правило учета позитивного опыта. Речь идет при этом не только об отечественном, но и зарубежном опыте. Так, во многих районах Американской и Канадской Арктики идея высокой ценности аборигенных форм природоиспользования уже победила в трудной борьбе, которую вели организации коренных жителей за свои права, за сохранение традиционных способов хозяйствования на земле своих предков, и утвердилась в общественном мнении. В законодательства США, Канады, Гренландии, скандинавских стран уже внесены специальные статьи, закрепляющие права коренного населения на свои территории и использование их ресурсов, оговорены условия выплаты крупных компенсаций за отчужденные промысловые угодья, за нанесение ущерба окружающей среде. Опираясь на эти права, ассоциации коренных жителей смогли заставить промышленные кампании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию минерального сырья, проводить очистку (рекультивацию) земель от техногенного загрязнения. Более того, удалось заблокировать ряд крупных проектов, губительных для северных экосистем. Так были отменены: строительство плотины и электростанции на реке Юкон (близкой аналог нашей Туруханской ГЭС), программа «мирных» ядерных взрывов на севере Аляски (проект Колесница), проект танкерной перевозки нефти через Берингов пролив и многое другое. Все они исходили из сиюминутных коммерческих расчетов или узко понимаемых национальных интересов. «В целях сохранения самобытности местных жителей Конгрессом принят закон, в соответствии с которым Аляска поделена на тринадцать регионов, в каждом из которых организована компания, получающая его для освоения и пользующаяся серьезными налоговыми льготами. За действиями компаний строго следят контролеры из муниципалитета, администрация штата и страны - тройная опека. Если компания доказала свою финансовую и экологическую надежность, ей дополнительно

¹ См.: Бабаков, В. Г. Кризисные этносы / В. Г. Бабаков. - С.151-152.

выделяется здесь новая земля. Такой подход - восстановление исторической справедливости по отношению к коренным жителям Аляски»¹.

Экологическое движение жителей зарубежного Севера в защиту своих земель и ресурсов - лишь одна из сфер современного применения этноэкологии. Другая сфера - развитие на Севере коммерческого промыслового и оленеводческого хозяйства, которое было отодвинуто приоритетом индустриального освоения. У северных промыслов и оленеводства есть очевидные преимущества перед современной промышленностью. Это долгосрочные экологически «чистые» формы производства, которые поддерживают преимуществом трудовой и этнической культуры северных народов, поставляют ценные и высококачественные виды продукции.

Завершая рассмотрение факторов межэтнических конфликтов и принципов их регулирования, обратим внимание на следующее.

Во-первых, технологическое основы упреждающего регулирования не ограничиваются анализом факторов этнических конфликтов и принципов их предупреждения. К ним относятся также методы и процедуры профилактического воздействия.

Во-вторых, десять групп факторов этнических конфликтов, рассмотренных в пособии, представлены как однопорядковые, хотя в действительности есть различия в их порядке и содержании (характере) воздействия. Одни из них являются факторами прямого действия, т.е. непосредственными факторами, другие являются факторами косвенного действия, т.е. опосредованными факторами. К первым относятся, на наш взгляд, политические, идеологические и социально-психологические факторы. Ко вторым относятся все остальные факторы, т.е. цивилизационные, культурно-исторические, экономические, демографические, социокультурные, социально-статусные и социально-правовые. Первые индуцируют энергетический заряд вторых, придают им определенную направленность, проявляют и актуализируют их потенциал. Факторы из второй группы сами по себе не вызывают этнические конфликты, они, образно говоря, дают «горючее» для них, которое «разжигается» действием факторов первой группы. Схематически это представлено так.

Неудобства, проблемы или фрустрации, связанные с действием факторов второй группы, должны сначала или отложиться в психологических ориентациях и установках этнических групп, или приобрести определенную идеологическую форму, или получить соответствующую политическую окраску, или все это вместе взятое - и только тогда они актуализируются как факторы этнического конфликта.

В-третьих, относительная роль отдельных факторов в каждом конкретном случае различна, поэтому было бы неправомерным их априорное деление на «более важные» и «менее важные».

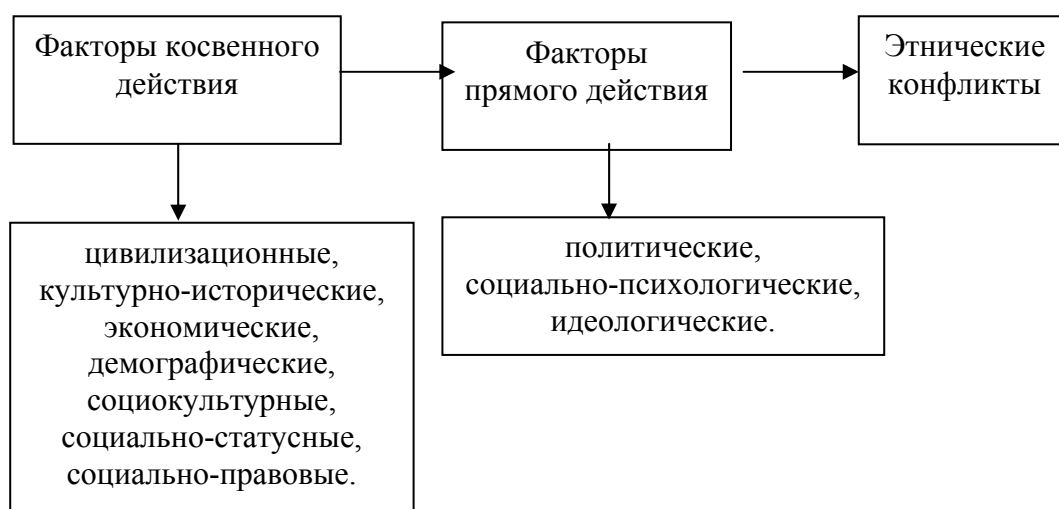
В-четвертых, нами обосновано и описано множество возможных правил упреждающего регулирования этнических конфликтов как равнозначных и од-

¹ См.: *Ирназаров, Р. И.* О связи экономических и межнациональных отношений / Р. И. Ирназаров. - С.59.

нопорядковых. В процессе упреждающего регулирования важно знать и учитывать все эти правила, хотя в каждом конкретном случае их сравнительная значимость может различаться.

Упреждающее регулирование - это только один из двух основных видов регулирования этнических конфликтов. В следующем разделе будет рассмотрен механизм разрешения конфликтов.

Схема факторной модели этнического конфликта

РАЗДЕЛ 3.

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Основная задача регулирования конфликта состоит в том, чтобы не допустить его разрастания и снизить негативные последствия. В качестве субъекта управления конфликтом могут выступать как одна из сторон, так и, скажем, третья сила, не участвующая в нем, но заинтересованная в его урегулировании. Кто бы ни выступал субъектом управления социальным конфликтом, важно найти способы или технологию регулирования конфликтных отношений. Этому могут способствовать - следующие меры:

- сделать социальные конфликты (прежде всего теневые, неявные, латентные) достоянием гласности, максимально открытыми. Это позволит поставить их под контроль и своевременно отреагировать на процессы, происходящие в ходе противоборства сторон;

- снизить степень социально-психологического возбуждения, чтобы воспрепятствовать появлению детонизирующих ситуаций в отношениях сторон¹.

По мнению Н.С. Данакина и Л.Я. Дятченко возможны три варианта ослабления, прекращения конфликта (противоборства).

Вариант внешнего воздействия означает ослабление, прекращение противоборства посредством подключения третьих сил, т.е. усилий третьей стороны, которая не заинтересована в продолжении конфликта и располагает достаточными ресурсами, чтобы его прекратить.

Вариант внутреннего развития означает прекращение борьбы благодаря усилиям самих противоборствующих сторон, обнаруживших, что сотрудничество или, по меньшей мере, нейтралитет для них обоих более привлекательны.

Вариант стихийного затухания означает постепенное, спонтанное ослабление и, наконец, прекращение борьбы вследствие того, что противоборствующие стороны начали терять интерес друг к другу или отвлекались на более важные задачи².

Различают несколько возможных исходов конфликта с точки зрения желательных форм его прекращения, достижения конфликтующими сторонами преследуемых целей. Так, Р. Акофф выделяет и рассматривает три возможных исхода: разрешение, урегулирование, устранение³.

Разрешение противоборства (конфликта) означает принятие условий, порождающих борьбу и стремление к достижению того, что хочет получить каждая сторона, чего бы это не стоило противнику. Стремление разрешить конфликт обычно усиливает его до тех пор, пока одна из сторон не победит другую.

Урегулирование противоборства означает принятие условий, порождающих борьбу, и поиск компромисса, т.е. распределение выгод и убытков,

¹ См.: Социология. - М. : Культура и спорт; ЮНИТИ, 1998. - С.19-298.

² См.: Данакин, Н. С. Технологии сотрудничества и противоборства / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко. - Белгород, 1993. - С.62.

³ См.: Акофф, Р. Искусство решения проблем / Р. Акофф. - М. : Мир. - С.42.

приемлемых для противоборствующих сторон. Соглашение об урегулировании обычно достигается, когда участники считают, что предлагаемое распределение выигрышей и потерь справедливо (при поиске соглашений весьма полезной может оказаться теория игр). Однако, компромисс, как отметил Боуэлл, - хороший защитник, но плохая крыша.

Устранение противоборства означает изменение порождающих его условий таким образом, что оно исчезает. Это можно сделать, изменив обстановку или участников борьбы. Если противоборство возникает, скажем, из-за чего-либо, за чем «устроилась» возбужденная очередь, то устранение дефицита автоматически устраняет соперничество, конфликт.

В отечественной социологической литературе обычно не делается разграничения между понятием «разрешение», «устранение» и т.п. Достижение любого удовлетворительного исхода конфликта принято считать «разрешением». «Признаком разрешения служит завершение инцидента. Это значит, что между конфликтующими сторонами прекращается конфликтное взаимодействие. Устранение инцидента - необходимое, но все же недостаточное условие для погашения конфликта, ибо при определенных обстоятельствах угаснувший конфликт может вспыхнуть вновь. Разрешение конфликта возможно лишь при изменении конфликтной ситуации, когда изменится установка соперников в отношении друг друга, и они перестанут видеть друг в друге противников, когда изменятся требования сторон и соперник идет на «уступки (но возможны и одновременно обоюдные уступки)»¹.

Разрешение конфликта может быть полным или частичным. Полное разрешение означает прекращение конфликта, кардинальную перестройку всего образа конфликтной ситуации. При этом «образ врага» трансформируется в «образ партнера», установка на борьбу сменяется ориентацией на сотрудничество. При частичном же разрешении конфликта чаще изменяется только внешняя его форма, но сохраняются внутренние побудительные установки к продолжению противоборства.

Имеет смысл различать оптимальное и удовлетворительное разрешение конфликта. Оптимальный вариант - это лучший из всех возможных вариантов. Удовлетворительный вариант - это не лучший, но приемлемый конфликтующими сторонами вариант.

Очевидно то, что разрешение социального (этнического) конфликта возможно лишь при изменении конфликтной ситуации. Однако это изменение, - справедливо отмечает С.С. Фролов, - может принимать разные формы. Наиболее эффективным изменением конфликтной ситуации, позволяющим погасить конфликт, считается устранение причины конфликта. Действительно, при рациональном конфликте устранение причины с неизбежностью приводит к его разрешению. Однако в случае высокой эмоциональной напряженности устранение причины конфликта обычно никак не влияет на действия его участников или влияет, но очень слабо. Поэтому для эмоционального конфликта наиболее важным моментом изменения конфликтной ситуации следует считать изменение установок со-

¹ См.: Социология. - С.296.

перников относительно друг друга. Эмоциональный конфликт полностью разрешается только тогда, когда противники перестают видеть друг в друге врага. Возможно, также разрешение социального конфликта путем изменения требований одной из сторон: соперник идет на уступки и изменяет цели своего поведения в конфликте. Например, видя бесперспективность борьбы, один из соперников уступает другому или оба одновременно идут на уступки. Социальный конфликт может быть также разрешен в результате истощения ресурсов сторон или вмешательства третьей силы, создающей подавляющий перевес одной из сторон, и, наконец, в результате полного устранения соперника. Во всех этих случаях непременно происходит изменение конфликтной ситуации¹.

Разрешение социального (этнического) конфликта - дело довольно сложное.

Чеченский конфликт - это, наверное, самое «болезненное место» в организме современного российского общества, поэтому любые конструктивные и обнадеживающие шаги в направлении его регулирования заслуживают внимания и одобрения. Однако таких шагов сделано пока мало, что вызывает у многих ощущение безысходности в отношении чеченского конфликта.

«В социологической науке, - пишут авторы учебника «Социология» под редакцией В.Н. Лавриненко, - соответствующее внимание уделяется выработке технологии регулирования конфликтов, управления ими»². Точнее было бы сказать - «должно уделяться соответствующее внимание», которого явно не хватает для удовлетворения нарастающей общественной потребности.

Технология - это способ осуществления деятельности посредством ее расчленения на определенные операции, их координацию и выбор оптимальных вариантов исполнения. Технологический эффект при осуществлении деятельности достигается за счет ее рационализации, т.е. исключения необязательных и бесполезных действий, и оптимизации, т.е. выбора лучшего варианта использования действий.

Социальный процесс, - отмечает Н.С. Данакин, - совершается в трех возможных формах: 1) объектной, т.е. в форме последовательного изменения состояний социального объекта; 2) субъектной или деятельностной, т.е. в форме последовательных действий субъекта деятельности; 3) технологической, т.е. в форме соблюдения, осуществления определенной технологии (технологий). Технологическая форма социального процесса является ее высшей формой, так как она обеспечивает взаимную «подгонку» двух первых форм. Посредством ее достигаются, с одной стороны, рационализация процесса деятельности и, с другой стороны, оптимизация объектного процесса. Если объектный или субъектный процессы могут существовать относительно самостоятельно, то технологический процесс реально существует в одной из двух первых форм: объектной или деятельностной. Введение в социальный процесс определенной технологии (технологий) можно назвать технологизацией социального процесса³.

¹ См.: Фролов С. С. Социология / С. С. Фролов. - М., 1992. - С.319-320.

² См.: Социология. - С.297.

³ См.: Данакин, Н. С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н. С. Данакин. - С.105-106.

Технологизация социального процесса - задача сама по себе не только сложная, но и в высшей степени ответственная. Ее решение требует учета, по меньшей мере, четырех основных компонентов социальной технологии (социальной технологизации):

- функционально-целевого компонента, т.е. четкого определения возможных функций и предполагаемых целей технологического воздействия;
- нормативного компонента, т.е. определения закономерностей, принципов и правил технологического воздействия, возможных ограничений и запретов при его осуществлении;
- операционно-процедурного компонента, т.е. определения содержания и последовательности выполняемых операций;
- инструментального компонента, т.е. определения возможных средств и методов технологического воздействия в целом и отдельных действий (операций), в частности¹.

Эти компоненты имеют прямое отношение и к технологизации регулирования этнических конфликтов. Но поскольку в пособии не ставится задача разработки технологии регулирования какой-то группы этнических конфликтов или отдельного конфликта, то мы ограничимся обоснованием и характеристикой правил (нормативный компонент), методов (инструментальный компонент) и процедур (операционно-процедурный компонент) разрешения этнических конфликтов. Использование таких правил, методов и процедур способствует успешному разрешению этнических конфликтов, поэтому мы принимаем объединяющий их термин «способы регулирования этнических конфликтов».

Понятие «правило регулирования» выражает то, что следует учитывать и на что следует ориентироваться при осуществлении регулятивной деятельности, направленной на разрешение этнических конфликтов. Таких правил несколько. Мы выделяем и рассматриваем шесть правил: Это - правила политического реализма, перспективы, учета вероятных последствий, гибкости, локализации, воздействия на «болевы точки». Рассмотрим эти правила более подробно.

Правило политического реализма. Данное правило требует избавления как от унаследованных от прошлого догм и комплексов («имперских», неполноценности, вины перед другими, наивного альтруизма, беспросветной доверчивости, «обязанности» заботиться обо всех), так и новоизобретенных мифологий («заграница нам поможет», Запад «заинтересован в процветании России», Америка повсеместно «борется за демократию и права человека», «общечеловеческие ценности», «рынок - прямой путь в светлое капиталистическое будущее»). Политический реализм требует видеть, что на деле в международной практике наряду с высокопарными лозунгами и внешне привлекательными концепциями широко используются апробированные и прошедшие проверку временем принципы: «разделяй и властвуй»; «враг моего врага - мой друг»; «цель оправдывает средства»; «своя рубашка ближе к телу»; «деньги не пахнут»².

¹ См.: Данакин, Н. С. Социально-технологическая культура современного специалиста / Н. С. Данакин // Научные ведомости БелГУ. - 2004. - №2. - С. 51-56.

² См.: Востриков, С. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С. В. Востриков. - С.84.

Как отмечает С.В. Востриков, особое распространение в современных условиях получил подход, основанный на применении «двойных стандартов», которого последовательно придерживается Вашингтон. Проявляется это не только на Балканах, Ближнем Востоке, в Латинской Америке, АТР, но и в геополитическом пространстве Евразии. США всеми средствами стимулируют националистические настроения в бывшем Советском Союзе и решительно поддерживали реализацию бывшими советскими республиками «священного права» на национальное самоопределение, но столь же решительно выступали с противоположных позиций, когда распад СССР был достигнут и речь пошла об Абхазии и Нагорном Карабахе.

В этих условиях для России было бы крайне нерационально не использовать весь тот богатый арсенал способов, методов и приемов, которые не стесняются применять в политической практике другие субъекты межнационального сообщества. Это в полной мере относится и к региону Закавказья, где Россия заинтересована в сохранении своего разностороннего, стабильного и эффективного присутствия.

Начавшийся процесс выправления внешнеполитического курса, базирующийся на здравом чувстве национального эгоизма, может быть дополнен следующими коррективами: консолидацией национального потенциала; централизованной координацией всей внешнегосударственной деятельности; подчинением внешней политики экономическим интересам; обеспечением полного информационно-пропагандистского покрытия акций страны на международной арене; выработкой научно обоснованной конфликтной стратегии как средства обеспечения интересов России в постсоветском геополитическом пространстве; принятием специальных законов «О порядке добровольного вхождения в состав Российской Федерации субъектов бывшего СССР» и «Об ассоциированном членстве в Российско-Белорусском Союзе»; приданием всей внешнегосударственной деятельности напористого и целеустремленного характера¹.

Правила перспективы. Возможны три подхода к урегулированию этнических конфликтов с точки зрения учета временного фактора и временной ориентации регулятивной стратегии: ретроспективный, презентативный и перспективный. Первый из них ориентирован на прошлое, второй - на настоящее, третий - на будущее. В первом случае конфликтующие стороны выясняют свои отношения и пытаются добиться справедливого решения проблемы, апеллируя к прошлому в поисках ответа. Во втором случае конфликтующие стороны стремятся решить проблему с учетом условий и интересов сегодняшнего дня, не вникая в прошлое и не задумываясь о будущем. В третьем случае конфликтующие стороны стремятся решить проблему с учетом того, что должно и может быть в будущем.

Перспективный подход к решению конфликтов представляется более оптимальным, во-первых, с точки зрения временного ресурса, которым располагают конфликтующие стороны, во-вторых, с точки зрения возможных маневров

¹ См.: Востриков, С. В. Карабахский кризис и политика на Кавказе / С. В. Востриков. – С.84-85.

и корректив и, в-третьих, с точки зрения возможной фрагментации конфликта и его постепенного разрешения.

Правило учета вероятных последствий. Это правило тесно связано с предыдущим. Многие люди и социальные группы ориентируются, как правило, на достижение ближайших целей и не думают о возможных негативных последствиях достижения этих целей. Они могут взять верх в конфликте, но победа оказывается «пирровой». Такая близорукость возможна и при принятии государственных решений по национальным вопросам. Так, например, административно-волевое включение Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР позволило руководству СССР добиться определенных целей (распределение союзной территории по «республиканским квартирам», налаживание отношений с Турцией и т.д.), но это решение стало в последующем одним из мощных конфликтующих факторов региона, превратилось в своеобразную «мину замедленного действия», подведенную под стабильность всего Закавказья. Или другой пример. Передача части территории проживания ингушей Северной Осетии вследствие их насильственной депортации позволила в свое время решить территориальный вопрос, но это решение стало опять же в последующем источником ингушско-осетинского конфликта.

Правило локализации. При решении национальных проблем целесообразно избегать их глобализации, постепенно сужая круг участников и посредников, которые могут быть привлечены в качестве гарантов на заключительной стадии урегулирования.

«Для того чтобы снизить эффект влияния и деструктивных действий со стороны прессы, тех, кто наблюдает за вами дома, словом, третьей стороны, полезно, - советует Р. Фишер и У. Юри, - установить личное и конфиденциальное общение с другой стороной. Вы также можете улучшить общение, ограничивая число участников встреч. Так, на переговорах между Югославией, Британией и Соединенными Штатами по поводу Триеста в 1954 г. не было достигнуто большого прогресса, пока основные участники переговоров не оказались от своих больших делегаций и не начали встречаться наедине и неформально в частном доме. Хорошим примером может служить замена призыва Вудро Вильсона «Открытые договоренности, принятые открыто» на лозунг «Открытые договоренности, принятые частным образом». Сколько бы людей не было вовлечено в переговоры, важные решения, как правило, принимаются тогда, когда в комнате не больше двух человек»¹.

Правило гибкости. Прогрессу переговорного процесса может помочь и исключение из политического лексикона заведомо однозначных формулировок, неприемлемых для одной из сторон, акцент на реальных гарантиях, способных содействовать процессу установления доверия. При этом разумно выдвижение такого комплексного проекта урегулирования, который не был бы болезненно воспринят ни одной из сторон конфликта и не исключил бы возможности сохранения в какой-либо форме юнионистских отношений между конфликтующими сторонами.

¹ См.: *Фишер, Р.* Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер и У. Юри - С.52.

Правило воздействия на «болевые точки». Смысл данного правила и условия его использования раскрываются Ю.В. Востриковым применительно к урегулированию карабахского конфликта. Естественно, - подчеркивает он, - что как Баку, так и Ереван исходят при оценке ситуации и определении позиций по отношению к путям и методам урегулирования конфликта из своих собственных интересов, которые расходятся как между собой, так и по отношению к Степанакерту и Москве. Однако последняя располагает необходимым инструментарием и технологиями, чтобы провести последовательно и методично приоритет своих национальных интересов при развязывании конфликтных узлов в этом регионе.

Для решения этой задачи существует арсенал средств и способов. Известно, что как у армянской, так и азербайджанской стороны имеется целый ряд «болевых точек» и уязвимых мест, умелое воздействие на которые способно принести ощутимый эффект.

Для Баку таковыми являются: хроническая внутривнутриполитическая нестабильность (по числу раскрытых и нераскрытых заговоров, переворотов, контрпереворотов и покушений Азербайджан лидирует в СНГ); неурегулированность этнонациональных противоречий (лишение возможности любого самоопределения таких крупных компактно проживающих нацменьшинств, как лезгины, талыши, курды, крызы, таты); чрезвычайно высокий уровень коррумпированности властных структур (по этому показателю Азербайджан и в советское время далеко превосходил все союзные показатели); «нефтяной фактор», детерминирующий одностороннюю ориентацию страны; давняя проблема «второго Азербайджана» (две северные провинции соседнего Ирана населены преимущественно азербайджанцами); медленное, но неуклонное усиление роли» исламского фактора» в общественно-политической жизни (что со временем неизбежно отразится и на продолжающейся борьбе за власть).

Для армянской стороны к аналогичной категории можно отнести следующие факторы: сильная зависимость от внешних поставок энергоносителей; наличие постоянной внешнеполитической проблемы в форме «турецкой угрозы»; уязвимость национальной экономики перед лицом экономической блокады; несамодостаточность национального ВПК, потребность в военно-технических поставках извне; ограниченность собственных природно-сырьевых ресурсов; «утечка умов», истощающая интеллектуальный потенциал нации¹.

Завершая рассмотрение правил разрешения этнических конфликтов, заметим, что вытекающие из них требования относятся ко всему множеству этнических конфликтов, тогда как методы относятся к определенному классу (подмножеству) конфликтов. Для одних случаев они пригодны, для других - нет.

В научной литературе по социальным конфликтам и, в частности, по этническим конфликтам выделяются и рассматриваются несколько методов разрешения конфликтов, причем исследовательские предпочтения у отдельных авторов различны. Часто выделяются и описываются пять методов разрешения

¹ См.: Востриков, Ю. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе / Ю. В. Востриков. - С.84.

конфликта - метод избегания конфликта, метод переговоров, метод использования посредничества, метод откладывания, метод третейского разбирательства¹.

Обращаясь к посредничеству в контексте этнических конфликтов, заметим, что посредническая деятельность является фактически одним из важнейших инструментов политики России в зонах повышенной конфликтности на постсоветском пространстве Евразии. Стремление играть роль основного арбитра, следование логике переговорного процесса без предварительной жесткой фиксации подходов к решению основополагающих проблем конфликта, толерантность и готовность к активному диалогу и сотрудничеству с вовлеченными актерами, оказание сбалансированного и адресного воздействия на все противоборствующие стороны представляют по существу комплекс общих принципов, на которые призвана основываться российская «конфликтная политика» в «ближнем зарубежье».

Весьма продуктивным в разблокировании конфликтных ситуаций является и метод «пакетных решений», основанный на «увязывании» разноплановых проблем в рамках единой стратегии «контролирования» кризисных процессов. Большой вклад в разработку и реализацию этой методики внесли такие подлинники мастера своего дела, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский, У. Квандт, С. Хофман, Г. Сигман. Данный метод, вероятно, вполне применим, как считает С.В. Востриков, к карабахскому урегулированию, например: взаимоувязывание решения проблемы Лачинского коридора с обеспечением безопасности коридора транзита углеводородного сырья из бассейна Каспия в Европу; решение в одном «пакете» вопросов о статусах Нагорного Карабаха и Каспия; зависимость предпочтений в поставках вооружений и техники от учета конфликтующими сторонами интересов России².

Множество методов разрешения конфликтов выделено и рассмотрено Н.С. Данакиным и Л.Я. Дятченко в работе «Технологии сотрудничества и противоборства»: методы альтернативного разделения, сближения, «ассимиляции» и другие³.

Метод альтернативного разделения. Этот метод рассмотрим на примере преобразований, введенных Нумой Помпилием с целью прекращения противоборства между римлянами и сабинянами. Он разделил всех граждан по роду занятий на плотников, кожевников, гончаров и т.п. Некоторые ремесла соединил, напротив, вместе и образовал из них один цех. Каждая профессиональная группа (цех) имела свои собрания, сходки, религиозные обряды. Таким образом, исчезла рознь между двумя народами. Деление на цехи внесло всюду и во всем гармонию.

Итак, метод альтернативного разделения означает «перемещение» представителей противоборствующих сторон посредством введения нового принци-

¹ См.: Социология. - С.305.

² См.: Востриков, С. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С. В. Востриков. - С.84.

³ См.: Данакин, Н. С. Технологии сотрудничества и противоборства / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко. – Белгород : Центр социальных технологий, 1993. - 96 с.

па социального разделения, который постепенно вытесняет старый, побуждавший к борьбе.

Метод сближения. Для того чтобы нейтрализовать противника и ослабить противоборство, имеет смысл не удалять его, а напротив, приближать. Когда приближенные царя Пирра посоветовали ему изгнать из страны его противника, который везде ругает и позорит царя, мудрый государь ответил на это: «Пусть лучше останется на месте и бранит нас перед немногими людьми чем, странствуя, позорит перед всем светом».

Метод «ассимиляции» близок по содержанию к предыдущему и нацелен на нейтрализацию различий, побуждающих к противоборству, посредством включения одной стороны в другую, когда вчерашний противник становится нынешним союзником. Имея в виду метод «ассимиляции» или интеграции, С.В. Востриков отмечает, что провозглашение интеграции постсоветского пространства в качестве приоритета внешней политики Российской Федерации отнюдь не мешает упрочению ее позиций посредством ослабления конкурентов и усиления союзников и партнеров, в том числе и через конфликтные ситуации.

Для нашей страны, укрепляющей собственную государственность и формирующей вокруг себя интеграционное поле из тех, кто желает и готов к сближению с ней, было бы предпочтительнее рассматривать «ближнее зарубежное» в качестве общего евразийского пространства, в котором наряду с постсоветскими государствами наличествуют также и разные регионы и этнонациональные общности (СНГ как «Сообщество евразийских регионов»). Конструктивнее выстраивать подлинную интеграцию не сверху, а снизу - на основе близких или взаимосовпадающих экономических связей, формирования транснациональных финансово-промышленных групп, добровольного волеизъявления народных масс, а не вершущих структур (в этом плане показателен пример Армении, где при населении в 3 миллиона человек было собрано более 1 млн. подписей в поддержку подключения страны к Российско-Белорусскому Союзу). Россиянам не выгодна псевдоинтеграция за счет их государства или бумажная казенно-бюрократическая интеграция. Тем более с теми, кто ищет партнеров для объединения на антироссийской основе. Дабы не оказаться в один прекрасный момент в положении Сербии или Ирака, России необходимо научиться последовательно, жестко и профессионально отстаивать свои национальные интересы, которые существенно меняются в условиях нового миропорядка, как это делают не только «сильные мира сего», но и любые государства, обладающие развитым чувством национального достоинства, например, Индия, Латвия, Израиль, Куба¹.

Метод «общего врага». Ничто и никто так не объединяет людей, как наличие у них общего врага. Действительно, люди забывают о своих внутренних ссорах, если вдруг они оказываются лицом к лицу с еще большей общей опасностью. Это обстоятельство не следует понимать дословно и упрощенно. «Общий враг» - это и общие проблемы, и трудности, усугубляемые борьбой и т.д. Ориентация внимания враждующих сторон на необходимость взять верх над

¹ См.: Востриков, С. В. Указ. соч. - С.84.

«общим врагом» - одно из важных условий прекращения борьбы. Так, борьба между двумя группировками в учреждении моментально прекратилась, когда вышестоящая инстанция пригрозила совсем ликвидировать это учреждение. Русские князья, враждовавшие между собой, вынуждены были объединиться под угрозой татаро-монгольского нашествия. Белые и черные воевали бок о бок в армии северян во время Гражданской войны в США, забыв о расовых различиях. Точно так же прекращались многие этнические конфликты, когда появлялась внешняя угроза для обоих конфликтующих сторон.

Метод бойкота применяется третьей стороной, требующей прекращения противоборства. В случае невыполнения этого требования и конфликтующим сторонам применяются соответствующие санкции: изоляция, создание трудностей, вооруженное вмешательство. Этот метод применялся часто в отношении африканских стран, раздираемые межплеменными конфликтами. Он был также использован НАТО в отношении Югославии из-за конфликта сербов и косовских албанцев в Югославии.

Достаточно эффективным методом разрешения этнических конфликтов является, на наш взгляд, **метод «фрагментации»**, который предполагает аналитическое расчленение противоборства на составные элементы, уточнение зон согласия и несогласия сторон, установление возможности поэтапного прекращения борьбы и осуществление соответствующих практических шагов. Действия в соответствии с формулой «все или ничего» не всегда оказываются оптимальными. Кто не умеет довольствоваться малым, тот не будет довольствоваться и большим. Разделение конфликтной проблематики на отдельные самостоятельные составляющие, их фрагментами и постепенное урегулирование по частям являются наиболее предпочтительной методикой. Одним из примеров такого рода «малых шагов» служит осуществленный в 1996 году обмен пленными между армянской и азербайджанской сторонами по инициативе и при участии России.

При разрешении этнических конфликтов могут быть полезными также методы уравнивания, отвлечения, психологической паузы¹.

«Метод уравнивания» направлен на урегулирование противоборства путем обеспечения равновесия (временного сдерживания) сторон и использования балансирующего эффекта третьей стороны.

Метод отвлечения - противоборство можно ослабить путем отвлечения внимания и усилий сторон на другой объект. Для того, чтобы «остудить страсти» противоборствующих сторон, отвести их от скороспелых и необдуманных решений, необходимо давать им определенную паузу, которая может длиться от нескольких минут и до многих месяцев. В этом - **смысл метода психологической паузы**.

При разрешении этнических конфликтов, как, впрочем, и других проблем возникает вопрос о моральной обоснованности используемых средств управле-

¹ Эти методы специально рассматриваются в книге Н.С. Данакина и Л.Я. Дятченко «Технологии сотрудничества и противоборства». - С.66-68.

ния и регулирования. Есть три подхода к этому вопросу: этический, прагматический и умеренный.

Сторонники этического подхода настаивают на исключении из арсенала регулятивных средств всех тех, применение которых расходится с моральными требованиями. Основное возражение в адрес этого подхода - если строго-настроено следовать всем моральным требованиям при разрешении конфликта, то ни одного из них не разрешить.

Сторонники прагматического подхода допускают целесообразным использование всего набора возможных средств, гарантирующих успех. Набор средств воздействия может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств и поставленных задач, начиная с традиционных, распространенных в политической практике со времен Н. Макиавелли (подкуп, шантаж, предательство, заговор), включая изощренно-цивилизованные и новомодные (дезинтеграция, рефлексивное манипулирование, регионализация, финансовая интервенция, информационно-психологическая война, экономическая экспансия) и кончая всевозможными разновидностями шокотерапии (массовое зомбирование населения через подконтрольные СМИ, инициирование антиправительственных мятежей, сепаратистских движений, этнополитических конфронтаций, инспирирование внутренних смут, гражданских войн и локальных конфликтов)¹.

Очевидное возражение в адрес прагматического подхода - критика не только вседозволенности в выборе средств достижения цели, но и игнорирования им последствий достижения краткосрочных целей, которые оказываются чаще всего негативными и перекрывают собой достигнутые до того положительные результаты.

Мы разделяем умеренный подход в выборе средств достижения целей при разрешении этнических конфликтов, который свободен и от инструментального бессилия этического подхода, и от инструментального «беспредела» прагматического подхода.

Каждый из рассмотренных выше методов приводит к успеху, как правило, в связи с другими методами, при их согласованном применении. При этом наибольшая степень согласованности достигается при разработке и использовании соответствующей технологии.

Несмотря на важность технологизации процесса урегулирования этнических конфликтов, эта деятельность находится пока на начальной стадии, поэтому заслуживают внимания и одобрения все те попытки, которые предпринимаются в этом направлении. Рассмотрим некоторые из них.

Так, С.В. Востриков предлагает технологию «деэскалации» для разрешения карабахского конфликта. Она охватывает три последовательных этапа.

I этап - укрепление мер взаимного доверия и стабильности в зоне конфликта (подписание Декларации о намерениях, включающей общие контуры урегулирования и обязательств сторон не применять военную силу; взаимный

¹ См.: *Востриков, С. В.* Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С. В. Востриков. - С.83-84.

вывод войск и создание демилитаризованной зоны; взаимное снятие экономической блокады, бьющей в первую очередь по гражданскому населению; прекращение информационно-психологической войны в СМИ; введение эмбарго на ввоз любых вооружений в зону конфликта; размещение в демилитаризованной зоне миротворческого контингента СНГ и групп международных наблюдателей ООН; придание переговорному процессу системного и непрерывного характера).

II этап - продвижение вперед посредством нарастающих компромиссов (заключение соглашений по конкретным аспектам конфликтного урегулирования: демилитаризация транспортных коммуникаций и коридоров транзита углеводородного сырья; прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений; обмен дипломатическими представительствами; проведение многосторонних прямых регулятивных консультаций в «треугольнике» Ереван-Баку-Степанакерт; поэтапный отвод армянских войск с контролируемых территорий с одновременным расширением демилитаризованной зоны; определение форм реализации концепции «гуманитарного коридора» в регионе Лачина).

III этап - достижение консенсуса и гарантии безопасности (определение «отложенного статуса» Нагорного Карабаха; завершение отвода армянских войск с образованием по периметру линии разграничения буферных зон с контингентами миротворческих сил СНГ; проведение «саммита» с участием глав государств - членов Совета Безопасности ООН и стран региона; заключение специальных международных соглашений, содержащих гарантии безопасности всем участникам конфликта; подписание конфликтующими сторонами специального Пакта о добрососедстве и невозобновлении конфронтации; создание международного финансового фонда для стимулирования мирного процесса в регионе; реализация масштабного долговременного проекта регионального экономического сотрудничества)¹.

Интерес вызывает технология рефлексивного управления социальными, в том числе, этническими конфликтами, предлагаемая С.С. Фроловым². По определению, сформулированному В. Лефевром, рефлексивное управление - это способ управления, при котором основания для принятия решения передаются одним из действующих лиц другому³. Это означает, что один из соперников пытается передать и внедрить в сознание другого такую информацию, которая заставляет этого другого действовать так, как выгодно тому, кто передал данную информацию. Таким образом, любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще любая ложь представляют собой рефлексивное управление. Причем ложь может иметь сложное строение, например, передача правдивой информации, чтобы ее приняли за ложную.

Для того чтобы понять, каким образом осуществляется рефлексивное управление в конфликте, приведем пример скрытого конфликтного взаимодей-

¹ См.: *Востриков, С. В.* Указ. соч. - С.81-82.

² См.: *Фролов, С. С.* Социология / С. С. Фролов. - С.312-316.

³ См.: *Лефевр, В.* Конфликтующие структуры / В. Лефевр. - М. : Мир, 1972. - С. 50-51.

ствия. Предположим, что две соперничающие партии, образованные на национальной основе, стремятся завоевать доверие электората - многонационального населения страны, но для этого им необходимо вступить в борьбу, чтобы устранили соперника. Одна из соперничающих партий X выходит на реальный электорат (назовем его плацдарм действий). Не имея точной и детализированной картины электората, X представляет себе плацдарм исходя из своего знания о нем в виде Π_x . Руководители X имеют определенную цель Π_x - заручиться поддержкой электората с помощью проведения активной агитационно-пропагандистской работы. Таким образом, партия X формирует некоторый предполагаемый способ действий, или доктрину D_x . В результате X имеет некоторую цель, соотнесенную с его видением плацдарма, и доктрину или способ для достижения этой цели, которые служат для принятия решения P_x , также зависящего от видения плацдарма со стороны X. Вся процедура принятия решения может быть изображена следующим образом:

$$\frac{\Pi_x}{\Pi_x} D_x \supset \frac{P_x}{\Pi_x}$$

Теперь предположим, что соперника Y не устраивает принимаемое X решение относительно «захвата» электората с использованием тотальной пропаганды. Чтобы помешать X принять задуманное решение, Y должен в первую очередь представить себе возможные рассуждения X и попытаться повлиять на эти рассуждения в определенном пункте. Представив себе возможные действия X, Y начинает строить особую стратегию, которую условно можно обозначить выражением:

$$\frac{\Pi_{xy}}{\Pi_{xy}} D_{xy}$$

Это означает, что Y готовит выгодное для него видение плацдарма, цель и доктрину, которые он пытается внушить X. Если это ему удастся, то мы имеем дело со следующим явлением:

$$\frac{\Pi_{xy}}{\Pi_{xy}} D_{xy} \rightarrow \frac{\Pi_x}{\Pi_x} D_x$$

Стратегия, разработанная Y специально для X, принимается последней и становится его стратегией. Очевидно, что и решение, принимаемое X, будет таким, каким хотел бы его видеть Y, т.е. $P_{xy} \rightarrow P_x$.

Каким же образом Y может изменить стратегию X или другими словами осуществить рефлексивное управление? У партии Y существуют возможности воздействия на принятие решения X путем формирования нужной картины плацдарма, формирования цели у противника и его доктрины: $\Pi_{xy} \rightarrow \Pi_x \rightarrow \Pi_{xy} \rightarrow D_{xy} \rightarrow \Pi_x$.

1. Рефлексивное управление посредством формирования картины плацдарма $\Pi_{xy} \rightarrow \Pi_x$ - это один из наиболее распространенных типов управления. Сюда следует отнести прежде всего маскировку одной из конфликтующих сторон своих объектов, или камуфляж.

2. Рефлексивное управление посредством формирования цели противника $\Pi_{xy} \rightarrow \Pi_x$. Наиболее часто встречающимся видом такого управления является провокация. Она может осуществляться в виде идеологической диверсии, коварного «дружеского совета».

3. Рефлексивное управление посредством формирования доктрин противника $D_{xy} \rightarrow D_x$. Под доктриной противника будем понимать некоторый алгоритм, с помощью которого из видения плацдарма и цели вырабатывается решение. Доктрина противника обычно формируется путем его обучения. Особенно характерен в этом отношении пример с нападающим в футболе, который систематически сознательно попадает на определенном действии и, когда защитник закрепляет действие как стандартное и необходимое в борьбе с данным нападающим, последний в нужный момент неожиданно меняет тактику. Защитник, автоматически следуя усвоенному стандарту, оказывается не готовым к такой перемене.

4. Рефлексивное управление посредством связи $\Pi_{xy} \rightarrow \Pi_x \rightarrow \Pi_{xy} \rightarrow \Pi_x$

В условиях реального конфликта противники редко применяют способ рефлексивного управления только по одной составляющей. Чаще всего воздействие идет в связке, где внушение нужной картины плацдарма затем приводит к формированию необходимой цели, а потом уже появляется нужное решение. Например, при вооруженном конфликте сторона намеренно ослабляет один из флангов, чтобы таким изменением плацдарма сформировать у противника вполне конкретную цель - атаковать именно в этом месте. На практике невозможно бывает передать видение плацдарма полностью, во всех деталях.

В связи с этим обычно противнику передается система опорных точек плацдарма - реперов, пригодных для построения им нужной картины плацдарма. В. Лефевр приводит очень удачный пример таких действий в конфликте¹. Во II тысячелетии до н.э. библейский полководец Гедеон использовал светильники как средство рефлексивного управления своим противником - армией мадианитян. По нормам тех времен на каждую сотню бойцов полагался один трубач и один факельщик. Гедеон постарался довести эти нормы до сведения мадианитян, после чего каждому из 300 бойцов выдал по факелу и по трубе и ночью провел демонстрацию. Произведя несложные подсчеты, мадианитяне предположили, что войско Гедеона составляет 30 тыс. человек, и обратились в бегство. Противнику передавался репер - светильники. Фактически цель - избежать столкновений - была передана посредством картины плацдарма, а последняя - с помощью репера.

Е.Г. Баранов разрабатывает и предлагает для разрешения этнических конфликтов технологию социальной терапии, которая распадается на две разновидности: коррекция акцентуированных черт характера нации и лечение нациопатии.

Останавливаясь на содержании психокоррекционной работы, он отмечает: опыт колониальных империй показал, что прямое воспитательное руководство нацией, ее опека не только не дают положительных результатов, но и

¹ См.: Лефевр, В. Указ. соч. - С.95.

приводят к противоположным результатам. Не складываются основы самостоятельного поведения нации, напротив, усиливаются иждивенчество, национальная инфантильность. Более перспективный способ - опосредованное воздействие на коммуникативные процессы без ущемления самостоятельности нации. ООН и другие международные организации давно и успешно его применяют. Основная идея состоит в том, что интенсификация общения и совместной деятельности людей разных национальностей ломает (а по существу позитивно меняет) этностереотипы. Для придания этой работе целенаправленности необходимо определить ту черту характера нации, которая требует коррекции, выделить те ситуации, в которых она проявляется в большей степени. Используя подобные наличные и искусственно создаваемые ситуации, следует так организовать общение и совместную деятельность людей, чтобы возникли соответствующие когнитивные, аффективные, контактные состояния, складывались необходимые взаимоотношения. То есть речь идет о целенаправленной организации совместных культурных, экономических, научных и прочих мероприятий. Следует еще раз подчеркнуть: для плановости и скоординированности этой деятельности необходимо создать соответствующую межгосударственную организацию, имеющую определенный экономический и научный потенциал, а также средства массовой информации и арбитражные органы¹.

Нациопатия, - считает В.Г. Баранов, - требует экстренного оперативного лечения. Психореабилитация нации осуществляется той же коррекционной работой (конечно, более интенсивной), но требуется предварительная изоляция и искусственное обеспечение основных адаптационных процессов (жизнедеятельности). В международной практике эти вопросы решает ООН.

Необходимость создания в рамках СНГ межнациональных миротворческих сил с каждым новым вооруженным конфликтом становится все острее. Пока их функции выполняют части и соединения российских войск. Хотя есть пример эффективной миротворческой деятельности российских войск в Приднестровье, это далеко не лучший вариант. Во-первых, во многих государствах бывшего СССР России не доверяют, ее боятся. Во-вторых, Россия и российское военное население - слишком удобный объект для провокаций; уже не раз бывали ситуации, когда противоборствующие в военном конфликте стороны одновременно и почти хором обвиняли Россию в военной поддержке противника. Во многих «горячих точках» стало традицией брать в заложники российских военнослужащих и членов их семей. В-третьих, миротворческая деятельность российских войск не пользуется популярностью у населения нашей страны. В-четвертых, в психосоординационных целях все государства должны ощущать свою причастность к миротворческой деятельности. В-пятых, миротворческие силы должны обладать не только особым статусом, но и иметь специальную подготовку².

¹ См.: Баранов В. Г. Нациопатия - источник конфликтов / В.Г. Баранов. - С.74.

² См.: Белов, А. А. Аналитические модели организационного конфликта / А. А. Белов. - Белгород, 1998. - С.91.

Использование технологий урегулирования конфликта зависит от стадии его развития. Этот аспект проблемы достаточно полно разработан Ф. Гласлом и К. Муром.

Фридрих Гласл предложил такую схему последовательности перехода конфликта к радикальной эскалации, состоящую из трех фаз и девяти стадий.

Первая фаза: группы уверены в скрытых и явных напряжениях и антагонизмах, но стараются решать их рациональным и конструктивным путем.

Стадия 1. Попытки кооперироваться. Случайные срывы, ведущие к напряжениям и трениям.

Стадия 2. Поляризация сторон и дебаты. Дебаты - вид интеллектуального насилия.

Стадия 3. Дела, а не слова.

Вторая фаза: взаимоотношения групп становятся важнейшим источником напряжения.

Стадия 4. Обеспокоенность за репутацию и формирование коалиций.

Стадия 5. Потеря лица. Создаются мифы о противнике.

Стадия 6. Преобладание стратегии угроз.

Третья фаза: все конфронтации между группами становятся очень жесткими.

Стадия 7. Систематические деструктивные действия против потенциальных санкций другой стороны.

Стадия 8. Атаки против сильных центров врага.

Стадия 9. Полное разрушение и самоуничтожение.

На первой фазе развития конфликта, т.е. на первых трех его стадиях нецелесообразно вмешательство 3-х сил, хотя с третьей стадии рекомендуется проведение процессуального консультирования с его продолжением до 5-й стадии включительно.

Консультирование - это новаторская форма вмешательства в конфликт, осуществляемая квалифицированным и непредвзятым специалистом. Цель его работы - формирование продуктивного решения с помощью налаживания коммуникации между участниками. Суть действий - обращение к лежащим в основе конфликта вопросам с целью их решения посредством кооперации взаимодействующих сторон.

Различают процессуальное консультирование, относящееся к сути спорной проблемы и путям ее решения, и социотерапевтическое консультирование, нацеленное на то, чтобы изменить отношение конфликтующих сторон к проблеме и предложенным способам ее разрешения.

Проведение социотерапевтического консультирования одновременно с процессуальным консультированием рекомендуется начать на четвертой стадии развития конфликта и продолжить до шестой стадии включительно.

На 5-7-ой стадии конфликта вступает в действие посредничество, которое двух видов: посредничество «равное» и экспертное посредничество.

На 6-8-ой стадиях целесообразно обращение к арбитражу. Арбитраж используется в тех случаях, когда не помогает посредничество. Арбитраж является добровольным процессом, в котором участники конфликта призывают на помощь непредвзятую и нейтральную третью сторону с целью выработки ре-

шения по спорному вопросу. Арбитраж находится вне конфликтных взаимоотношений. Он является частью правовой системы регулирования.

На 7-9-ой стадиях возможно силовое вмешательство.

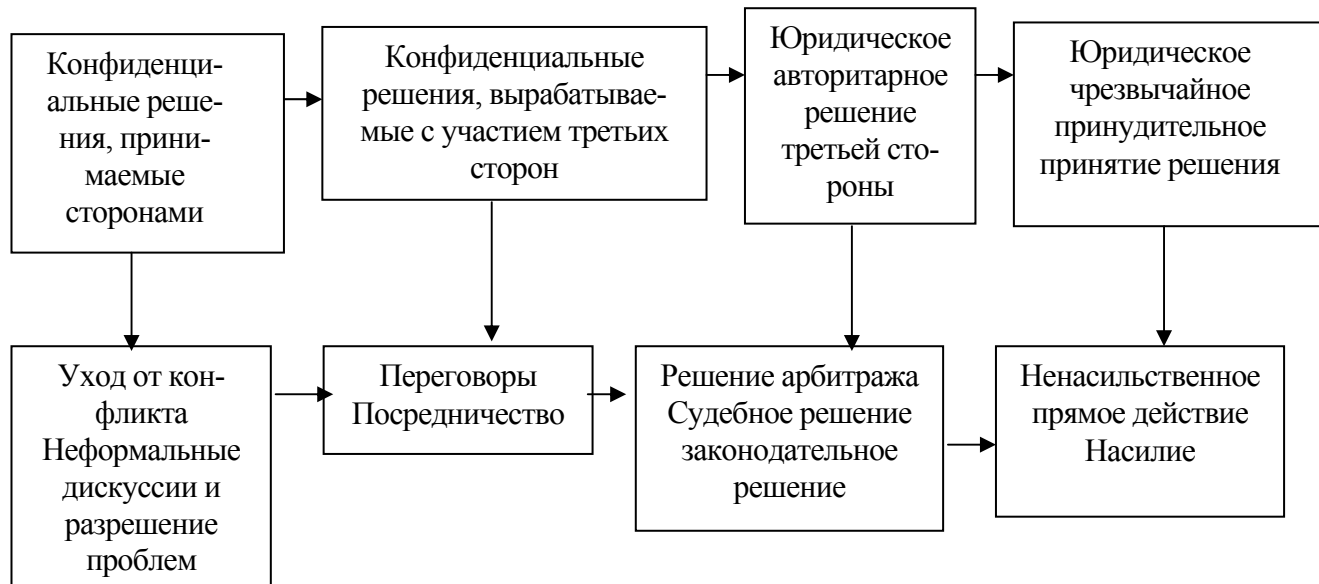
Зависимость стратегий вмешательства третьих сил в конфликт от стадии его эскалации наглядно представлена схемой.

Стратегии вмешательства третьих сил в конфликт в зависимости от стадии эскалации конфликта

Стратегии	Стадии								
Без вмешательства 3-х сил	■	■	■						
Процессуальное консультирование			■	■	■				
Социотерапевтическое и процессуальное консультирование				■	■	■			
Посредничество					■	■	■		
Арбитраж						■	■	■	
Силовое вмешательство							■	■	■

Континуум стратегий управления конфликтом в зависимости от степени допускаемого ими принуждения предлагает К. Мур.

Континуум управления конфликтами и подходов к его разрешению.

Широкое распространение в практике разрешения конфликтов получила переговорная технология конфликтного менеджмента, разработанная Роджером Фишером и Уильямом Юри¹.

Эта технология, которую рассмотрим чуть подробнее, включает четыре базовых элемента: 1) разграничение между участниками переговоров и предме-

¹ См.: См.: Фишер, Р. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер и У. Юри. - М. : Наука, 1990.

том переговоров; 2) сосредоточение на интересах, а не позициях; 3) разработка взаимовыгодных вариантов; 4) настаивание на использовании объективных критериев.

Характеризуя первый базовый эксперимент, отметим, что каждый участник переговоров преследует двойной интерес: относительно существа дела и взаимоотношений между партнерами. При общей процедуре ведения переговоров (позиционном торге) возникают противоречия между существом проблемы и отношениями участников переговоров. Поэтому важно отделить отношения от существа дела и уделить внимание непосредственно «человеческому фактору», т.е. учесть три основные категории: восприятие, эмоции и общение.

Восприятие. Каким бы полезным не было обращение к объективным фактам, в конечном счете, именно реальность в том виде, в котором видит ее каждая из сторон, составляет проблему переговоров и открывает путь к ее разрешению. Р.Фишер и У. Юри дают в этой связи следующие рекомендации:

- поставить себя на их место;
- не делать вывода о намерениях людей, исходя из собственных опасений;
- ваша проблема не ваша вина;
- обсуждайте восприятие друг друга;
- ищите возможность для действий, неожиданных с точки зрения другой стороны;
- позвольте другой стороне сделать ставку на результат, предоставив верную возможность участвовать в процессе;
- «спасти лицо»: ваши предложения должны соответствовать возможностям партнеров.

Эмоции. В переговорах, особенно в ситуации застоя, эмоции могут оказаться важнее самой дискуссии.

Поэтому рекомендуется следующее:

- прежде всего, осознайте свои и их чувства;
- обнаружьте свои эмоции и признайте их законными;
- позвольте другой стороне «выпустить пар»;
- не реагируйте на эмоциональные проявления;
- используйте символические жесты.

Общение. Без общения нет переговоров. Переговоры - это взаимное общение с целью достижения совместного результата. Эффективное общение возможно при соблюдении следующих правил:

- внимательно слушайте и показывайте, что вы слышали то, что было сказано;
- говорите так, чтобы вас поняли;
- говорите о себе, а не о них;
- говорите ради достижения цели;
- осуществите предварительные действия для облегчения работы;
- стройте работающие отношения;
- будьте готовы разбираться с проблемой, а не с людьми.

Смысл второго базового элемента переговорной технологии можно выразить так: чтобы достичь разумного решения, необходимо примирить интересы, а не позиции. Для его иллюстрации приводится, в частности, такой сюжет. Как

известно, в результате шестидневной войны 1967 года Израиль оккупировал египетский Синайский полуостров. Когда обе страны сели за стол переговоров, чтобы договориться о мире, их позиции были несовместимы: Израиль настаивал на части Синая, Египет же со своей стороны требовал, чтобы весь оккупированный полуостров до последнего метра был возвращен под его суверенитет. Раз за разом участники доставали карты с указанием возможных границ, которые бы разделяли Синай между Египтом и Израилем, но такого рода компромисс был совершенно неприемлем для египтян. Вернуться же к ситуации до 1967 года было неприемлемо для израильтян... Политики вынуждены были тогда обратиться к специалистам в области ведения переговоров, которые предложили отложить пока в сторону позиции двух государств и сосредоточиться на их интересах. Интерес израильской стороны состоял в обеспечении национальной безопасности. Она не хотела, чтобы египетские танки стояли на границе в готовности в любой момент пересечь ее. Интерес Египта заключался в суверенитете: Синай был частью Египта со времен фараонов. После многовекового подавления со стороны греков, римлян, турок, французов и британцев Египет только недавно приобрел полный суверенитет и не желал уступать свою территорию новоявленному иностранному завоевателю.

Исходя из интересов Израиля и Египта было достигнуто соглашение, удовлетворяющее обе стороны. Что это за соглашение? В Кэмп-Дэвиде обе стороны согласились с планом, по которому Синай возвращался под полный суверенитет Египта, а путем демилитаризации обширной территории полуострова гарантировалась безопасность Израилю.

Таким образом, успех переговоров был обеспечен тем, что потенциальные партнеры (в реальности они оставались пока непримиримыми противниками) отвлеклись от сформулированных позиций и обратились к интересам.

Совершенно очевидно, что разглядеть за позицией интересы - дело перспективное. Как это сделать - менее ясно. Процедура идентификации интересов включает следующие действия:

- спросите «почему»?
- спросите «почему нет?» Подумайте о выборе других;
- осознайте - у каждой стороны множество интересов;
- наиболее сильные интересы - это основные человеческие нужды;
- составьте перечень интересов.

При обсуждении самих интересов важно выполнить следующие правила:

- объясняя ваши интересы, покажите их жизненную важность;
- признайте их интересы частью проблемы;
- сначала сформулируйте проблему, а затем предложите свое решение;
- смотрите вперед, а не назад;
- будьте конкретны, но гибки;
- будьте тверды, говоря о проблеме, помягче с людьми.

Мастерство в изобретении вариантов (3-й элемент переговоров технологии) - самое полезное качество в переговорах. В большинстве переговоров их участники допускают четыре серьезных просчета, которые препятствуют созданию изобилия вариантов: 1) преждевременное суждение; 2) поиск единст-

венного объекта; 3) убежденность в невозможности «увеличить пирог»; 4) мнение, что «решение их проблемы - их проблема».

Для создания творческих подходов, по мнению Р. Фишера и У. Юри, необходимо:

- отделить изобретение вариантов от их оценки;
- расширить круг вариантов на столе переговоров, вместо того чтобы искать единственный ответ;
- искать взаимную выгоду;
- изобрести способы, чтобы им было легко принимать решение.

Решения, принятые на волевой основе, дорого обходятся. Поэтому важно использовать объективные критерии (4-й элемент переговорной технологии). Есть три основных момента, которые необходимо при этом помнить.

1. Подготовьте каждую проблему для совместного поиска объективных критериев.

2. Рассуждайте и будьте, открыты для договоров, к которым принципы могут быть лучше всего применимы. Обдумайте, каким образом последнее можно осуществить.

3. Никогда не поддавайтесь давлению, только принципу.

Таково основное содержание переговорной технологии разрешения споров, конфликтов, включая и этнические конфликты.

Завершая рассмотрение способов разрешения этнических конфликтов (правил, методов и отдельных технологий), отметим следующее.

С момента возникновения этнических конфликтов или, точнее будет сказать, с момента осознания необходимости и возможности их урегулирования люди стремились к их разрешению, предупреждению. За это продолжительное время накоплен значительный практический опыт урегулирования конфликтов. Достаточно указать хотя бы на метод альтернативного разделения, успешно использованного при разрешении конфликта между римлянами и сабинянами, или на принцип разделения интересов и позиций, важность которого была наглядно продемонстрирована при урегулировании межгосударственных взаимоотношений между Израилем и Египтом. Примером успешного разрешения и предупреждения этнических конфликтов - великое множество в человеческой истории. Поэтому не стоит «изобретать велосипед», а следует внимательнее приглядеться к тому позитивному опыту, который уже имеется, хотя и в скрытом, завуалированном виде. Выявление позитивного исторического опыта, его описание и аккумуляция - это одно из важных условий и направлений пополнения технологического арсенала в процессе разрешения и предупреждения этнических конфликтов. В некоторых случаях для достижения успеха достаточно действий «по образцу» или «по прецеденту».

Второе направление технологического оснащения конфликтного менеджмента - это обобщение позитивного исторического опыта. Не все в этом опыте равноценно с точки зрения необходимого и случайного, повторяющегося и единичного, существенного и несущественного. Их строгое аналитическое разграничение создает гносеологические предпосылки для ценных технологических обобщений, формулирования правил и методов регулятивного воздей-

ствия. В рамках именно данного направления нами сформулирована или систематизирована большая часть правил и методов регулирования этнических конфликтов.

И наконец, третье направление технологического оснащения менеджмента - это специальное проектирование его инструментария: правил, методов и процедур. Хотя это направление и может оказаться более результативным и перспективным, это не исключает значимости и актуальности двух предыдущих направлений. Их потенциал еще далеко не исчерпан, если не сказать большего: он только еще становится предметом специальных исследований.

Обоснование и систематизация в пособии правил, методов и процедур (технологий) разрешения этнических конфликтов проводится по всем трем указанным направлениям и еще по одному направлению, суть которого заключается в обобщении тех «технологических» выводов и положений которые представлены в специальной литературе (технология поэтапной деэскалации карабахского конфликта С.В. Вострикова, технология социальной терапии этнической конфликтности Е.Г. Баранова, технология рефлексивного управления В. Лефевра, коммуникативная технология конфликтного менеджмента Р. Фишера и У. Юри и др.).

Анализ способов разрешения этнических конфликтов приводит к очевидному выводу: построение целостной теории и технологии корректирующего регулирования этнических конфликтов пока еще остается делом будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование эффективной государственной политики национальных отношений - это не одномоментный акт. Это процесс трудного становления новых подходов и технологий.

Современное развитие общества, характеризующееся опасным расширением зоны правового отчуждения населения и властных структур, вызывает насущную необходимость поиска новых технологий формирования личности, предъявляет качественно иной уровень требований к содержанию правоохранительной деятельности и носителям властных полномочий.

Конфликты неизбежны. Они существовали всегда и будут существовать столько, сколько существуют человек и общение людей между собой.

В сложных ситуациях борьбы с преступностью, в обстановке реальной угрозы здоровью и жизни сотрудников ОВД у них нередко возникают стрессовые состояния: напряженность, чувство тревоги, страха, растерянности и т.д., которые отрицательно влияют на психику и здоровье.

Важный путь предупреждения конфликтов - конфликтологическая подготовка сотрудников ОВД в современных условиях. Квалифицированное разрешение конфликтов в ОВД - это направление не только ответственное, но и чрезвычайно эффективное, способное кардинально повлиять на современное состояние правоохранительной системы.

Литература

1. *Авксентьев, В. А.* Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа / В. А. Авксентьев, В. А. Шаповалов // Социологические исследования. - 2004. - №5.
2. *Авксентьев, В. А.* Этнические конфликты: история и типология / В. А. Авксентьев // Социологические исследования. - 1996. - № 12.
3. *Аклаева, В. В.* Демократизация и образ национализма в Российской Федерации / В. В. Аклаева, В. В. Коротеева // Полис. – 2004 - № 2.
4. *Алексахина, Н. А.* Тенденции в изменении национальной идентичности народов России / Н. А. Алексахина // Социологические исследования. - 2004. - № 2.
5. *Андреев, В. Н.* Конфликтология (Искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов) / В. Н. Андреев. - М. : Народное образование, 2005.
6. *Андреев, А. Л.* Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства / А. Л. Андреев // Общественные науки и современность. - 1996. - №1.
7. *Анцупов, А. Я.* Конфликтология в схемах и комментариях : учебное пособие / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2005.
8. *Аренов, Ю. В.* Современные языковые ситуации в Казахстане / Ю. В. Аренов и др. // Социологические исследования. - 2005. - № 12.
9. *Аренов, М. М.* Этносоциальная действительность Казахстана / М. М. Аренов, С. К. Калмыков // Социологические исследования. - 2004. - № 3.
10. *Арутюнян, Ю. В.* Этносоциология : учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. - М. : Аспект Пресс, 2004.
11. *Арутюнян, Ю. В.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и др. // Социологические исследования. - 2000. - № 4.
12. *Арутюнян, Ю. В.* О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект / Ю. В. Арутюнян // Социологические исследования. - 2004. - № 4.
13. *Арутюнян, Ю. В.* О трансформации социальной структуры постсоветских наций / Ю. В. Арутюнян // Социологические исследования. - 2004. - № 4.
14. *Арутюнян, Ю. В.* Грузия: Перегиб в общественном сознании / Ю. В. Арутюнян // Социологические исследования. - 2005. - № 12.
15. *Аствацатурова, М. А.* Чеченская диаспора в России / М. А. Аствацатурова, Д. Тепс // Социологические исследования. - 2004. - № 2.
16. *Бабаков, В. Г.* Межнациональные противоречия и конфликты / В. Г. Бабаков, Н. В. Матюнина, В. М. Семенов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 8.
17. *Балакина, Г. Ф.* Тувинские реалии перехода к рынку / Г. Ф. Балакина // Социологические исследования. - 2004. - №6.
18. *Балакина, Г. Ф.* Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / Г. Ф. Балакина, З. В. Анайбан – Новосибирск : Наука, 2005.
19. *Баранов, Е. Г.* Нациопатия - источник конфликтов / Е. Г. Баранов // Общественные науки и современность. - 1996. - № 6.

20. Белов, А. А. Аналитические модели организационного конфликта / А. А. Белов. – Белгород : изд-во БелГУ, 2004.
21. Бобриков, Н. К. Этноэкологический парк как форма социальной защиты коренных народов Севера / Н. К. Бобриков, А. А. Дрегалю, П. И. Сидоров, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. - 1994. - № 7.
22. Бондаренко, Е. А. Республика Татарстан: национальные отношения / Е. А. Бондаренко // Социологические исследования. - 2004. - № 11.
23. Борисова, О. В. Политическая социализация этнических групп в постсоветском пространстве / О. В. Борисова // Общественные науки и современность. - 2004. - № 1.
24. Брагин, А. А. Конфликтология : учебник / А. А. Брагин, В. И. Коваленко, В. А. Кудин, К. Н. Лобанов, И. С. Максимов. – М. : ЦОКР МВД России, 2007.
25. Брагин, А. А. Конфликтология : учебное пособие / А. А. Брагин, И. С. Максимов. – Белгород : БелЮИ МВД России, 2006.
26. Брагин, А. А. Принципы упреждающего регулирования этнических конфликтов / А. А. Брагин // Вестник Белгородского юридического института МВД России. - 2006. - № 1. - С. 46-51.
27. Бурмистрова, Т. Ю. Социология национальных отношений / Т. Ю. Бурмистрова // Социологические исследования. - 1994. - № 5.
28. Быков, А. А. О русофобии в постсоветском пространстве / А. А. Быков // Социологические исследования. - 2000. - № 4.
29. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. - М. : Юрист. - 1994.
30. Видоевич, З. Социальные конфликты в трансформирующих обществах / З. Видоевич, З. Т. Голенкова // Социологические исследования. - 2003. - № 12.
31. Винокурова, Т. З. Этнические аспекты демографических проблем в Республике Саха (Якутия) / Т. З. Винокурова // Социологические исследования. - 2004. - № 6.
32. Витковская, Г. С. Новые диаспоры в Центральной Азии: миграционный потенциал / Г. С. Витковская // Социологические исследования. - 2004. - № 2.
33. Вормсбехер, Г. Г. Российские немцы: у последней черты? / Г. Г. Вормсбехер // Общественные науки и современность. - 2004. - № 2.
34. Ворожейкин, И. Е. Конфликтология : учебник для вузов / И. Е. Ворожейкин, А. Я. Кибанов, Д. К. Захаров. – М. : ИНФРА – М, 2006.
35. Востриков, С. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе / С. В. Востриков // Общественные науки и современность. - 2004. - № 3.
36. Галаган, А. И. Проблемы русскоязычного населения и русского языка в сфере образования в странах СНГ и Балтии / А. И. Галаган // Социально-гуманитарные знания. - 2000. - № 3.
37. Гасанов, Н. Н. Русский вопрос в Дагестане / Н. Н. Гасанов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 11-12.
38. Гасанов, Н. Н. О культуре межнационального общения / Н. Н. Гасанов // Социально-политический журнал. - 2003. - № 3.
39. Гасанова, Н. М. К проблеме этнопсихологической адаптации / Н. М. Гасанова // Социологические исследования. - 2005. - № 11.

40. Гелнер, Э. Нация и национализм / Э. Гелнер. - М., 1991. - С.120-135.
41. Городяненко В. Г. Языковая ситуация на Украине // Социологические исследования. - 1996. - №6.
42. Государственная служба Российской Федерации и межнациональные отношения. - М. : РАГС, 2005.
43. Гречко, П. К. К вопросу о понятии «национальная безопасность» / П. К. Гречко // Социально-политический журнал. - 2004. - № 3.
44. Гудков, Д. Д. Отношение населения к евреям / Д. Д. Гудков, А. Д. Левинсон // Социально-политический журнал. - 1992. - № 12.
45. Гумилев, Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилев, К. Н. Иванов // Социологические исследования. - 1992. - № 1.
46. Гусейнов, А. А. «Свои и чужие»: Преодолеть каннибальскую этику. Культуры и судьбы мира / А. А. Гусейнов. - М., 2003.
47. Данакин, Н. С. Социально-технологическая культура современного специалиста / Н. С. Данакин // Научные ведомости БелГУ. - 2004.
48. Данакин, Н. С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н. С. Данакин. - Белгород, 1996.
49. Данакин, Н. С. Технологии сотрудничества и противоборства / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко – Белгород : Центр социальных технологий, 1993.
50. Данакин, Н. С. Конфликты и их предупреждения / Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. И. Сперанский. – Белгород : Центр социальных технологий, 1996.
51. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. - 1994. - №5.
52. Джакопини, В. Теория конфликта /В. Джакопини, Р. Дарендорф // Конфликты и консенсус. - 1992. - № 2.
53. Джунусов, М. С. Суверенитет. Минисловарь / М. С. Джунусов. - М., 2003.
54. Джунусов, М. С. Суверенитет: Терминологизация и детерминологизация. Пагубность ложной стереотипизации суверенитета в массовом сознании / М. С. Джунусов. - М., 2003. - 41 с.
55. Димов, В. М. Здоровье этноса как проблема его социально безопасности / В. М. Димов, В. Н. Паутов // Социально-гуманитарные знания. - 2000. - № 1.
56. Дмитриев, А. В. Введение в общую теорию конфликтов / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев. - М. : РАН Центр конфликтологических исследований. - М., 1993.
57. Дмитриев, А. В. Конфликтология : учебное пособие / А. В. Дмитриев. - М. : Гардарики, 2003.
58. Дмитриев, А. В. Конфликт интересов / А. В. Дмитриев // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996.
59. Дойч, М. Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы / М. Дойч // Социально-политический журнал. - 2003. - №1.
60. Донской, Ф. С. Проблемы юкагиров / Ф. С. Донской // Социологические исследования. - 2005. - № 7.

61. *Дрегалo, А. А.* Европейские ненцы: адаптивные возможности и эволюционная пластичность / А. А. Дрегалo, В. И. Ульяновский // Социологические исследования. - 2004. - № 6.
62. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. - М. : Наука, 1991.
63. *Дятченко, Л. Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л. Я. Дятченко. – М. – Белгород : Центр социальных технологий, 1993.
64. *Жовтун, Д. Т.* Конфликтология. Межэтнические конфликты в структуре современного российского социума /Д. Т. Жовтун // Социально-гуманитарные знания. - 2000. - № 1.
65. *Задворнов, И. А.* Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности / И. А. Задворнов // Социологические исследования. - 2000 - № 10.
66. *Запрудский, Ю. Г.* Внутри конфликта / Ю. Г. Запрудский // Социологические исследования. - 1993. - № 7.
67. *Затеев, В. Н.* Двухязычие в современной Бурятии / В. Н. Затеев, Н. С. Бабушкина // Социологические исследования. - 2000. - № 10.
68. *Здравомыслов, А. Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян / А. Г. Здравомыслов // Социологические исследования. - 1996. - № 12.
69. *Здравомыслов, А. Г.* Социальные конфликты: Россия на пути преодоления / А. Г. Здравомыслов. - М. : АО Центр-пресс, 2005.
70. *Здравомыслов, А. Г.* Социология конфликта. Исследования конфликта на микроуровне. Теоретические предпосылки / А. Г. Здравомыслов. - Нижний Новгород, 1993.
71. *Здравомыслов, А. Г.* Релятивистская теория и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Общественные науки и современность. - 2003. - № 4.
72. *Здравомыслов, А. Г.* Релятивистская теория нации и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. - М., 2003.
73. *Зиммель, Г.* Социальная дифференциация / Г. Зиммель. - М., 1909.
74. *Иванов, В. Н.* Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации / В. Н. Иванов и др. // Социологические исследования. - 2005. - № 6.
75. *Иванов, В. Н.* Конфликтология: проблемы становления и развития / В. Н. Иванов // Социально-политический журнал. - 1994. - № 7-8.
76. *Иванов, В. Н.* Состояние национальных отношений в Российской Федерации / В. Н. Иванов, И. В. Ладодо, М. М. Назаров // Социально-политический журнал. – 1996. - № 3.
77. *Иванов, В. Н.* Социальные технологии в современном мире / В. Н. Иванов. - М. : Славянский диалог, 1996.
78. *Ирназаров, Р. И.* О связи экономических и межнациональных отношениях / Р. И. Ирназаров // Социологические исследования. - 2003. - № 8.

79. *Ковалева, Т. В.* Этнополитическое сознание студенчества в первой половине 90-х годов / Т. В. Ковалева, И. А. Селезнев // Социологические исследования. - 2000. - № 4.
80. *Козлов, В. И.* Национализм и этнический нигилизм / В. И. Козлов // Свободная мысль. - 1996. - № 6.
81. *Колосов, В. А.* География диаспор на территории бывшего СССР / В. А. Колосов и др. // Общественные науки и современность. - 1996. - № 5.
82. Конфликтный менеджмент в политических и экономических структурах: «Круглый стол» // Социологические исследования. - 2004. - № 3.
83. *Королева-Конопляная, Г. И.* Теория этногенеза Л.Н. Гумилева / Г. И. Королева-Конопляная // Социально-политический журнал. - 1994. - № 8.
84. *Красин, Ю.* Национальные интересы: мир или реальность / Ю. Красин // Свободная мысль. - 1996. - № 3.
85. *Крицкий, Е. В.* Казачество и межэтнические отношения / Е. В. Крицкий // Социологические исследования. - 2005. - № 6.
86. *Крицкий, Е. В.* Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности (Северная Осетия) / Е. В. Крицкий // Социологические исследования. - 1996. - № 9.
87. *Кузнецова, Т. В.* Россия в мировом культурно-историческом контексте породичие народности / Т. В. Кузнецова. - М. : Московский общественный научный фонд, 2004.
88. *Курамин, В. П.* Российский Север: современная ситуация и приоритеты государственной политики / В. П. Курамин // Социологические исследования. - 1994. - № 7.
89. *Лебедева, Л. Н.* Новая русская диаспора: социально-психологический анализ / Л. Н. Лебедева. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН. - М., 2003.
90. *Левяш, И. Я.* Русские в Беларуси: дома или в гостях / И. Я. Левяш // Социологические исследования. - 1994. - № 8.
91. *Лекторский, В. А.* О толерантности / В. А. Лекторский // Философские науки. - 2003. - № 3, 4.
92. *Лурье, С. В.* Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. – 2004. - № 4.
93. *Мартынов, Н. Ю.* Народы ханты и манси в условиях техногенной цивилизации / Н. Ю. Мартынов // Социологические исследования. - 2000. - № 10.
94. *Матвеева, С. А.* Национальные проблемы в России: современные дискуссии / С. А. Матвеева // Общественные науки и современность. - 2003. - № 1.
95. Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке XIX-XX вв. - М., 1996.
96. *Михайлов, В. А.* Национальный вопрос глазами студентов / В. А. Михайлов, Л. Я. Михайлова // Социологические исследования. - 2004. - № 12.
97. *Мнацаканян, М. О.* Интеграция, феноменология и национальный интерес субъективный мир повседневности / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2000. - № 3.

98. Мнацаканян, М. О. О природе социальных конфликтов в современной России / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2003. - № 6.
99. Мнацаканян, М. О. Нации: психология, самосознание, национализм : учебное пособие / М. О. Мнацаканян. - М. : Анкил 2004.
100. Мнацаканян, М. О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2004. - № 5.
101. Мнацаканян, М. О. Об интегральной теории этнической общности / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2004. - № 6.
102. Мнацаканян, О. М. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты / М. О. Мнацаканян // Социологические исследования. - 2003 - № 3.
103. Мукомель, В. А. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ / В. А. Мукомель // Социологические исследования. - 2004. - № 6.
104. Мукомель, В. А. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия / В. А. Мукомель // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. - М., 2003.
105. Назаров, А. А. Проблемы развития народов Севера / А. А. Назаров // Социально-политический журнал. - 2003. - № 6.
106. Полянский, В. С. Историческая память в этническом самосознании народов / В. С. Полянский // Социологические исследования. - 2004. - № 3.
107. Постсоветское пространство: этнические проблемы («круглый стол») // Социологические исследования. - 2003. - №2.
108. Празаускас, А. А. Межэтнические конфликты в странах зарубежного востока / А. А. Празаускас. - М. : Наука, 1991.
109. Программа координации исследований «Народов Севера». - Новосибирск, 2003.
110. Римаренко, Ю. Н. Конфликтология межэтнических отношений / Ю. Н. Римаренко, Э. Степанов // Социально-гуманитарные знания. - 2005. - № 5.
111. Романенко, С. А. Типология процессов национального самоопределения / С. А. Романенко // Общественные науки и современность. - 2004. - № 2.
112. Романенко, С. А. Судьба Югославии в сознании Россиян / С. А. Романенко // Общественные науки и современность. - 1996. - № 6.
113. Романенко, С. А. История и историки в межэтнических конфликтах (Югославия конца 80-х годов - начала 90-х) / С. А. Романенко // Общественные науки и современность. - 2003. - № 5.
114. Рубин, Л. С. Чеченский узел кавказского кризиса / Л. С. Рубин // Социологические исследования. - 1994. - № 5.
115. Рубин, Л. С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект) / Л. С. Рубин // Социологические исследования. - 2005. - № 4.
116. Рывкина, Р. В. Постсоветское государство как генератор конфликтов / Р. В. Рывкина // Социологические исследования. - 2004. - № 5.

117. Селезнева, Е. Н. «Импереобразующая» идея в российской истории как политический миф / Е. Н. Селезнева // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - № 4.
118. Сидоров, П. И. Этнические особенности алкогольного психоза у ненцев / П. И. Сидоров, С. В. Шубин // Социологические исследования. - 1994. - № 7.
119. Сикевич, З. В. Социология и психология национальных отношений : учебное пособие / З. В. Сикевич. – СПб. : изд-во Михайлова В.А., 2004.
120. Сикевич, З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян / Сикевич З. В. // Социологические исследования. - 2004. - № 1.
121. Скакунов, Э. И. Социокультурный анализ осетино-ингушского конфликта / Э. И. Скакунов // Социологические исследования. - 2003. - № 7.
122. Скакунов, Э. И. Чеченский конфликт / Э. И. Скакунов, В. Ю. Зорин, С. Г. Туронок. - М., 1996.
123. Скворцов, Н. Г. Этничность в процессе социальных изменений / Н. Г. Скворцов // Социально-политический журнал. - 1996. - № 1.
124. Скворцов, Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н. Г. Скворцов. – СПб. : СПбГУ, 2003.
125. Скворцов, Н. Г. Этничность: социологическая перспектива / Н. Г. Скворцов // Социологические исследования. - 2004. - № 1.
126. Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. - М. : Центр Карнеги, 2004.
127. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения №13. Региональная конфликтология: Казахстан. - М., 2003.
128. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Методологические, общетеоретические подходы. - М., 1991. - Вып.1.
129. Социально-политические конфликты в российском обществе: проблемы урегулирования: «круглый стол» // Социологические исследования. - 2004. - № 3.
130. Сперанский, В. И. Конфликтогенные факторы социальной напряженности / В. И. Сперанский // Социально-политический журнал. - 1996. - № 2.
131. Сперанский, В. И. Конфликтующие и конфликтогенные люди / В. И. Сперанский // Социально-политический журнал. - 1996. - № 4.
132. Степанов, В. В. Особенности экономики этнопроблемных регионов / В. В. Степанов // Социологические исследования. - 2000. - № 2.
133. Тадевосян, Э. В. Этнонация: миф или социальная реальность? / Э. В. Тадевосян // Социологические исследования. - 2004. - № 6.
134. Тишков, В. А. Что есть Россия? / В. А. Тишков // Вопросы философии. - 2005. - № 2.
135. Тишков, В. А. О науке и национализме / В. А. Тишков // Свободная мысль. - 1996. - № 3.
136. Тощенко, Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические науки. - 1996. - № 12.
137. Тухватулин, Р. М. Язык как национальная ценность / Р. М. Тухватулин // Социологические исследования. - 2003. - № 8.

138. Улунян, А. А. Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце XX века / А. А. Улунян // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 2.
139. Файзуллин, Ф. С. Грани этнической идентификации / Ф. С. Файзуллин, А. Я. Зарипов // *Социологические исследования*. - 2003. - № 8.
140. Федоров, Н. Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в германское общество / Н. Федоров. - М. : Социоэкономика, 2004.
141. Фрейдзон, В. И. Хорваты: трудный путь к независимости (XIX-XX вв.) / В. И. Фрейдзон // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 4.
142. Фридланд, Р. Когда в истории появляется Бог. Институциональная политика религиозного национализма / Р. Фридланд // *Социологические исследования*. - 2000. - № 3.
143. Халлмухамедов, А. М. Армянская диаспора как социокультурный феномен / А. М. Халлмухамедов // *Социологические исследования*. - 2004. - № 2.
144. Хотинец, В. Ю. О содержании и соотношении понятий «этническая самоидентификация» и «этническое самосознание» / В. Ю. Хотинец // *Социологические исследования*. - 2004. - № 9.
145. Цой, Л. Н. Взгляд конфликтолога на «онтосинтез конфликта» // *Социологические исследования*. - 2003. - №9.
146. Чумиков А.Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация / Л. Н. Цой // *Социологические исследования*. - 2003. - № 7.
147. Шадже, А. Ю. Права человека и права этноса / А. Ю. Шадже // *Социально-гуманитарные знания*. - 2004. - № 6.
148. Шемякин, Я. Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс / Я. Г. Шемякин // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 4.
149. Шестопал, Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопал, Г. О. Брицкий, М. В. Денисенко // *Социологические исследования*. - 2004. - №4.
150. Шутов, А. Д. Коренные этносы Балтии и русские: общественные интересы / А. Д. Шутов // *Социологические исследования*. - 1996. - № 9.
151. Этнические процессы в современном мире. - М.: Наука, 1987.
152. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. - М. : ИЭА РАН 2004.
153. Юсуповский, А. М. Нация и власть в условиях дезинтеграции СССР / А. М. Юсуповский. - М. : Знание, 1992.

Иностранная литература

1. Boulding K. The Meaning of the Twentieth Century. The Great Transition. - N-Y., 1965. - 170 p.
2. Burg S.L. The Soviet Unions Nationalities Question // *Current History*, 1988. October. - 350 p.
3. Coser L. The function of social conflict. - N-Y. - 1956. - 168 p.
4. Coser L. Continuities the Study of Social Conflict. -N-Y., 1967. – 207 p.

5. Cox O. Castle, Class and Rase: A Study in Social Dynamics: New York: Modern Paperbacks, 1948. – 193 p.
6. Elmer A. Ethnic Conflict Abroad: Clues to America's Future? Monterrey, VA, 1968. - 256 p.
7. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985. – 370 p.
8. Richmond A. The Colour Problem. London, 1991. – 248 p.
9. Shafer B. Faccs of Nationalism. N-Y, 1972. – 371 p.
10. Simmel G. Sociologia. - Berlin., 1958. - 360 p.
11. Simmel G. Conflict. - Clencoe, III.: Free Press, 1956. - 340 p.
12. Snyder L. Varieties of Nationalism. A Comparative Study. N-Y, 1976. - 301p.

Брагин Александр Александрович,
кандидат социологических наук,
Максимов Игорь Сергеевич,
кандидат социологических наук, доцент

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ:
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ**

Научно-практическое пособие

Редактор О.Н. Тулина
Техн. редактор, комп. верстка Т.Л. Ковалева

Подписано в печать 17.04.2008 г., уч.изд.л. 5,9, бумага офсетная, печать ризография
Тираж экз., заказ №

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии Белгородского юридического института
МВД России
г. Белгород, ул. Горького, 71

